

*Российская академия наук
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады*

США & Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Научный и общественно-политический журнал

2019

№ 8 (596)

Август

Основан в январе 1970 года

Выходит 12 раз в год

ISSN 2686-6730

Журнал издаётся под руководством

Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН

Главный редактор

А.Н. ПАНОВ

Редакционная коллегия:

В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва); Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва); К.И. Косачёв (Совет Федерации Федерального Собрания, Москва); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва); Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва); В.П. Лукин (Совет Федерации Федерального Собрания, Москва); М.Г. Носов (Институт Европы РАН, Москва); О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва); А.Н. Панов (МГИМО, Москва); А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва); М.А. Портной (ИСКРАН, Москва); С.М. Рогов (ИСКРАН, Москва); С.А. Рябков (МИД РФ, Москва); В.Б. Супян (ИСКРАН, Москва); Т.А. Шаклеина (МГИМО, Москва); Том Грэм (Ассоциация Киссинджера, США); Пан Давэй (Шанхайская академия общественных наук, КНР); Нобуо Симотомаи (Университет Хосэй, Япония); Анжела Стент (Джорджтаунский университет, США); Кадзухико Того (Университет Киото Сангё, Япония).

Номер готовили:

В.С. Аничкина; В.С. Ахонина; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова; Е.К. Рогульская (заведующая редакцией); А.С. Степанов; Н.А. Счётчикова.

Москва

© Российская академия наук, 2019

© Институт США и Канады РАН, 2019

© Редакция журнала «США & Канада»
(составитель), 2019

*Russian Academy of Sciences
Institute for the U.S. and Canadian Studies*

USA & Canada

ECONOMICS – POLITICS – CULTURE

2019

No. 8 (596)

August

Published since January 1970

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 2686-6730

*The Journal is published under supervision of the Department of Global
Problems and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. PANOV

Editorial Board:

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow); E. Komkova (ISKRAN, Moscow); K. Kosachev (The Council of the Federation, Moscow); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow); V. Lukin (The Council of the Federation, Moscow); M. Nosov (Institute of Europe RAN, Moscow); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow); A. Panov (MGIMO, Moscow); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow); M. Portnoi (ISKRAN, Moscow); S. Rogov (ISKRAN, Moscow); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow); V. Supyan (ISKRAN, Moscow); T. Shakleina (MGIMO, Moscow); Thomas Graham (Kissinger Associates, Inc., USA); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, China); Nobuo Shimotomai (Hosei University, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Japan).

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2019
© Institute for the U.S. and Canadian
Studies (ISKRAN), 2019
© Editorial Board of "USA & Canada"
(compiler), 2019

Содержание

2019, № 8 (596)

Пороховский А.А. Цифровизация и производительность труда	5
Лебедева Л.Ф. Глобальные и локальные эффекты политики США в период президентства Д. Трампа (экономический аспект)	25
Перова М.К. Регулирование иностранных инвестиций в США: новые подходы и приоритеты	38
Бартенев В.И. Американская помощь Египту после начала «арабской весны»: внутренние и внешние детерминанты	54
Общество и религия	
Печатнов В.О., Печатнов В.В. Православная Америка: прошлое и настоящее	75
Ретроспектива	
Кодзоев М.А-М. Проблема нормализации американо-кубинских отношений в Конгрессе США	92
Культура	
Переверзева М.В. Музыка США: в поисках национального стиля (к 120-летию А. Копланда)	107
Справки	
Акимов Ю.Г., Минкова К.В. Седьмые Канадские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете	123
А.С. Терентьева	126
Информация для авторов	127

Публикуемые материалы отражают точку зрения авторов, которая может не совпадать с мнением редколлегии журнала.

Любое использование публикаций журнала в коммерческих целях, включая перепечатку или перевод на иностранные языки, без письменного согласия редакции не допускается.

Ссылка на журнал при цитировании или частичном использовании текста публикаций обязательна.

Contents

2019, No. 8 (596)

Porokhovskiy A.A. Digitalization and productivity.....	5
Lebedeva L.F. Global and Local Effects of U.S. Policy under D. Trump's Presidency (Economic Aspect)	25
Perova M.K. Regulation of Foreign Investment in the United States: New Approaches and Priorities.....	38
Bartenev V.I. U.S. Assistance to Egypt after the Arab Spring: Domestic and External Determinants.....	54

Society and Religion

Pechatnov V.O., Pechatnov V.V. Orthodox America: Past and Present	75
--	-----------

Retrospection

Kodzoev M.A-M. The Problem of the Normalization of Relations between the United States and Cuba in the US Congress.....	92
---	-----------

Culture

Pereverzeva M.V. Music of the USA: in Search of National Style (to A. Copland's 120 Anniversary)	107
--	------------

Background Material

Akimov Yu.G., Minkova K.V. Seventh Canadian Studies Conference at St. Petersburg State University	123
---	------------

A.S. Terentieva	126
------------------------------	------------

УДК 330.341.1

DOI: 10.31857/S032120680005964-4

Цифровизация и производительность труда

А.А. Пороховский

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН)

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, д. 2/3,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Экономический факультет

Российская Федерация, 119991 Москва, Ленинские горы, д.1 стр.46

ORCID 0000-0001-5520-0550

e-mail: anapor@econ.msu.ru

Статья поступила в редакцию 7.06.2019.

Резюме: В статье рассматривается широкий круг проблем, связанных с внедрением цифровых технологий во все сферы экономики и общества в США и других развитых странах, входящих в ОЭСР. Прежде всего обращается внимание на то, что цифровизация стала стержнем четвёртой промышленной революции, которая в полной мере развернулась в третьем тысячелетии. В статистике США отражение информационных отраслей началось с 2000 года. Именно эти отрасли в свою очередь образовали базу для распространения цифровых технологий через интернет. Бюро экономического анализа США предложило своё определение и методы измерения цифровизации, используя модель *KLEMS*. Совместно со специалистами ОЭСР американские исследователи включили в состав цифровой экономики производство товаров и производство услуг – компьютеры, программное обеспечение, телекоммуникационное оборудование, здания и сооружения для размещения оборудования и фирм, интернет вещей (IoT) и все машины, взаимодействующие через интернет, а также поддерживающие услуги – как цифровые, так и технические по обслуживанию оборудования. За последние десятилетия темпы роста цифровой экономики в 4 раза превысили среднегодовые темпы роста ВВП США. В работах учёных США и других стран значительное внимание уделяется выявлению комплексного влияния цифровых технологий – искусственного интеллекта, компьютерных технологий (большие данные, облачные технологии, блокчейн и др.), роботов, умных машин, машинного обучения, квантовых технологий и компьютеров – на перспективы человеческой цивилизации. Искусственный интеллект занимает ключевое место.

Любой прогресс, в том числе и цифровизация, ведёт к росту производительности труда. Так происходит и сегодня. Однако подтверждается так называемый «парадокс Солу», который состоит в том, что рост производительности имеет место прежде всего в отраслях цифровой экономики, в меньшей мере он влияет на прирост производительности всей национальной экономики. При этом цифровизация поднимает проблему, как измерять производительность труда в новых условиях.

Особую тревогу вызывает широкое внедрение в разные сферы экономики искусственного интеллекта, обучающих машин, роботов и других подобных изделий. Ни одна страна не хочет, чтобы возникло социальное напряжение из-за угрозы безработицы. Страны ЕС, США, Япония, КНР интенсивно готовят людей к освоению новых профессий, разрабатывают программы переобучения персонала как частного, так и общественного сектора.

Человек создаёт новые технологии, новые сферы деятельности. Человек создал искусственный интеллект, который не противостоит человеческому интеллекту, а дополняет

его. Разум человека незаменим. Люди совместными усилиями найдут ответы на вызовы цифровизации.

Ключевые слова: четвёртая промышленная революция, цифровизация, искусственный интеллект, интернет, облачные технологии, большие данные, производительность труда, цифровая экономика, статистика цифровой экономики, вызовы цифровизации, последствия цифровизации.

Для цитирования: Пороховский А.А. Цифровизация и производительность труда. США & Канада: экономика, политика, культура, 2019; 49(8): 5-24.
DOI: 10.31857/S032120680005964-4

Digitalization and productivity

Anatoly A. Porokhovsky

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Science (ISKRAN).

2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics

1, build. 46, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-5520-0550

(anapor@econ.msu)

Received 07.06.2019.

Abstract: The article discusses a wide range of problems associated with the introduction of digital technologies in all sectors of the economy and society in the United States and other developed countries belonging to the OECD. First of all, attention is drawn to the fact that digitalization has become the core of the fourth industrial revolution, which fully unfolded in the third millennium. In US statistics, the reflection of information industries began in 2000. These industries in turn formed the basis for the spread of digital technology through the Internet. The US Bureau of Economic Analysis proposed its definition and methods for measuring digitalization using the KLEMS model. Together with OECD experts, American researchers included in the digital economy both the production of goods and the production of services — computers, software, telecommunications equipment, buildings and facilities for placing equipment and companies, the Internet of Things (IoT) and all machines that interact via the Internet, as well as supporting services - both digital and technical equipment maintenance. Over the past decades, the growth rate of the digital economy has exceeded four times the average annual growth rate of US GDP. In the works of scientists from the United States and other countries, considerable attention is paid to identifying the complex influence of digital technologies - artificial intelligence, computer technologies (big data, cloud technologies, blockchain, etc.), robots, smart machines, machine learning, quantum technologies and computers - on human perspectives of civilization. Artificial intelligence takes a key place in the digitalization process. Therefore, many well-known scientists from the United States and other countries devote their work to the study of artificial intelligence from an economic point of view.

Any progress, including digitalization, leads to an increase in labor productivity. It happens today. However, the so-called “Solow paradox” is confirmed, which consists in the fact that productivity growth takes place primarily in the digital economy sectors, to a lesser extent it affects the productivity gains of the entire national economy. At the same time, digitalization raises the problem of how to measure labor productivity in new conditions.

The particular concern of the population is the widespread introduction of artificial intelligence, training machines, robots, and other similar products into various sectors of the economy. No country wants social tension due to the threat of unemployment. The EU countries, the USA, Japan, and the People's Republic of China intensively prepare people for mastering new professions; they are developing retraining programs for personnel in both the private and public sectors. Man creates new technologies, new areas of activity.

Man created artificial intelligence, which is not opposed to the human intellect, but complements it. The mind of man is irreplaceable. People will work together to find answers to the challenges of digitalization.

Keywords: the fourth industrial revolution, digitalization, artificial intelligence, Internet, cloud technologies, big data, labor productivity, digital economy, statistics of digital economy, digital challenges, digitalization consequences.

For citation: Porokhovskiy A.A. Digitalization and Productivity *USA & Canada: economics, politics, culture* 2019; 49(8): 5-24 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032120680005964-4.

ВВЕДЕНИЕ

Прогресс рыночной цивилизации оказался довольно быстрым и сложным. Наряду с громадным развитием науки, образования, техники и технологий, геномной и биоинженерии накапливаются социальные, межэтнические, экологические и другие противоречия и проблемы. Возникновение и развитие интернета и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) углубили взаимозависимость стран и глобализацию, сформировали мировое информационное пространство, в котором обнажились как достижения, так и проблемы четвёртой промышленной революции. Мир вступил в новую реальность - *глобализацию 4.0* [Globalization 4.0, 2019].

Ядром современной технологической революции стала цифровизация, которая пронизывает все сферы экономики и общества и без которой невозможно решение ни одной социальной или экономической проблемы. В обширном списке литературы данной статьи нет ни одного источника, где бы ни рассматривались вопросы цифровизации и её последствий.

Одним из важнейших вызовов цифровизации становится её влияние на производительность и экономическую эффективность в целом. Первые десятилетия XXI века показали, что скорость внедрения цифровизации намного опережает темпы роста производительности труда. В этой связи нам предстоит исследовать следующие группы вопросов:

- цифровизация, её содержание, качественная и количественная характеристика;
- производительность труда, проблемы её измерения и зависимость от цифровизации;
- социальные перспективы цифровой экономики и цифрового общества.

ФЕНОМЕН ЦИФРОВИЗАЦИИ

В последние десятилетие прошлого века в обычную жизнь и деловое общение стремительно ворвался интернет. Находящиеся в его основе информационно-

коммуникационные технологии (ИКТ) в свою очередь опирались на развитие компьютерной техники, прогресс которой стал мотором бурного роста и распространения сетевого информационного пространства, не признающего границ государств, часовых поясов и расстояний. В исследовательской литературе для отражения существенных изменений, вызванных ИКТ, появилось выражение «новая экономика». Хотя такое сочетание слов было и раньше, разграничивая экономику по времени, но теперь оно не столько фиксировало современную, по сравнению с прошлой, экономику, сколько отражало наступление в развитых странах нового технологического этапа в экономическом и социальном развитии. В свою очередь в новой экономике стали выделять «реальную экономику» и «виртуальную экономику». Если «реальная экономика» ассоциировалась со сферой производства товаров, то «виртуальная экономика» закрепились в сфере производства услуг. Наиболее быстро это произошло в финансовых и в информационно-коммуникационных услугах. В результате уже в начале XXI века сформировалась информационная инфраструктура экономики – цифровизация в разной степени пронизала все без исключения отрасли, а также институты общества.

Всеобщее господство цифровизации позволило исследователям разных стран сделать вывод о начале четвёртой промышленной революции, которая в планетарном масштабе стала основой глобализации 4.0. Именно четвёртая промышленная революция начиная с 2015 г. стала ключевым элементом повестки дня ежегодного Всемирного экономического форума в Давосе. На базе форума созданы исследовательские службы, которые анализируют все аспекты революции. По материалам их деятельности изданы две книги [Шваб, 2016, 2019], в первой из которых основатель и организатор форума К. Шваб отметил: «Мы стоим у истоков революции, которая фундаментально изменит нашу жизнь, наш труд и наше общение» [Шваб, 2016, с.9].

В последние годы многие страны (КНР, Индия, Япония и др.) открыли у себя совместно с Давосским форумом исследовательские центры по проблемам цифровой экономики. В 2016 г. Министерство торговли США образовало Совет консультантов по цифровой экономике, который в декабре того же года выпустил свой первый доклад, подготовленный четырьмя рабочими группами. В сопроводительном письме министру торговли сопредседатели Совета высказывают предположение, что в XXI веке Министерство торговли преобразуется в Министерство цифровой экономики [1, р.iii].

Бюро переписи населения США впервые начало сбор данных о производстве и распространении информации в Экономической переписи 1997 г. Затем в 2000 г. раздел «информация» стал фиксироваться при исчислении ВВП страны и начал отражаться в статистике, в классификаторе отраслей экономики и системе национальных счетов по группам «производство товаров» и «производство услуг». В результате и в ВВП США за 2018 г. информационные отрасли нашли своё отражение (табл. 1). При этом весьма примечательно, что, хотя доля информации в ВВП достигла 5,5%, их вклад в годовой прирост ВВП составил 0,45% из 2,9%, что почти равняется вкладу обрабатывающей промышленности, но больше вклада почти всех других отраслей. Детальный анализ состава ВВП не является

предметом статьи, но даже общий подход показывает, что роль информационных отраслей растёт количественно и качественно. Они становятся одним из движущих факторов экономического роста.

Таблица 1

Отдельные показатели ВВП США, %

	Доля отраслей в ВВП		Вклад отраслей в годовой прирост ВВП	
	2017	2018	2017	2018
ВВП	100	100	2,2	2,9
Частный сектор	87,4	87,8	1,88	2,62
Сельское, лесное хозяйство, рыболовство, охота	0,9	0,8	-0,04	-0,04
Добывающие отрасли	1,4	1,6	0,02	0,02
Коммунальное хозяйство	1,6	1,6	-0,02	0,03
Строительство	4,0	4,1	0,03	0,12
Обрабатывающая промышленность	11,2	11,4	0,27	0,50
Оптовая торговля	6,0	6,0	0,13	0,20
Розничная торговля	5,6	5,5	0,22	0,21
Транспорт и складское хозяйство	3,1	3,2	0,12	0,08
Информационные отрасли	5,4	5,5	0,37	0,45
Финансы, страхование, недвижимость, лизинг	20,8	20,7	0,02	0,10
Профессиональные и деловые услуги	12,5	12,6	0,52	0,61
Образование, здравоохранение, социальное страхование	8,7	8,7	0,15	0,26
Искусство, отдых, общественное питание	4,1	4,1	0,08	0,04
Прочие услуги, кроме государственных	2,1	2,1	0,01	0,03
Сектор государства	12,6	12,2	0,09	0,00
Дополнение:				
Частные отрасли, производящие товары	17,4	17,9	0,28	0,60
Частные отрасли, производящие услуги	70,0	69,9	1,60	2,02

Составлено по 2018 GDP by industry. <http://www.bea.gov> (accessed 26.05.2019)

В первые десятилетия третьего тысячелетия развития информационно-коммуникационных технологий резко ускорилось. В результате ИКТ стали на базе

интернета основой для расширения цифровой экономики, которая вышла за границы информационных отраслей, отражённых в ВВП страны. Бюро экономического анализа (БЭА), входящее в состав Министерства торговли США, издало в марте 2018 г. исследование об измерении и определении цифровой экономики [Barefoot, 2018]. Через год, в мае 2019 г., журнал "Сёрвей оф каррент бизнес" опубликовал статью тех же специалистов БЭА об измерении цифровой экономики [Barefoot, 2019], где они расширяют и углубляют выдвинутые ранее положения.

В структуру цифровой экономики входят производство товаров (изделия и материалы) и производство услуг. В состав цифровой экономики предложено включить:

- *компьютеры* и всю систему оборудования и изделий, необходимых для обеспечения их работы;
- *программное обеспечение* для коммерческого, профессионального и домашнего использования;
- *телекоммуникационное оборудование и услуги* для передачи сигнала на расстоянии;
- *базовую структуру*, или строительство зданий и сооружений, где размещаются передающие устройства, серверы и другое оборудование, а также компании данной сферы;
- *интернет вещей*, включающий машины, изделия и другое оборудование, взаимодействующее через интернет;
- *поддерживающие услуги*, включающие сервис по цифровому обслуживанию и ремонту компьютерного и другого оборудования [Barefoot, 2019, p.4].

До сих пор применяемые статистические методы не позволяют в полной мере учитывать базовую структуру и интернет вещей, хотя другие части цифровой экономики находят своё полное отражение в статистике. Авторы считают, что в будущем объём цифровой экономики можно будет считать по принципу затраты-выпуск, а затраты определить, как $KLEMS$, где K – капитал, L – труд, E – энергия, M – материалы, S – оплаченные услуги. Указанный принцип позволяет учесть все отрасли экономики, относящиеся к производству как товаров, так и услуг [Barefoot, 2018, p.18].

Состояние современной американской статистики позволяет определить цифровую экономику в следующем составе (см. табл. 2). Как видно, львиная доля приходится на поддерживающие услуги, телекоммуникации, электронную торговлю и цифровые массмедиа, в то время как сами компьютеры и другие изделия и оборудование вместе с программным обеспечением занимает всего 25%. И это не случайно, ибо для цифровой экономики недостаточно просто интернета, ей необходимы специальные технологии, новое сетевое пространство, без которого всё оборудование становится мёртвым. При этом темпы развития цифровой экономики значительно опережают темпы роста ВВП в целом. Как видно из табл. 3 среднегодовые темпы роста цифровой экономики за 1998-2017 годы оказались в 4 раза больше, чем аналогичный показатель роста ВВП. При этом абсолютный размер добавленной стоимости цифровой экономики достиг почти 1,5 трлн долл., а её доля в ВВП – 6,9%. [Barefoot, 2019, p.7]. Если сравнить данные таблиц 1

и 3, то можно увидеть, что доля информационных отраслей в ВВП составила в 2017 г. 5,4%, а их вклад в прирост ВВП – 0,37% из 2,2 %. Легко посчитать, что доля цифровой экономики на 1,5% больше доли информационных отраслей, которые всё больше опираются на цифровые технологии, что формально их сближает с цифровой экономикой. Вместе с тем среди компонентов цифровой экономики, как видно из табл. 3, наибольший среднегодовой прирост пришёлся на изделия из материалов – компьютеры, планшеты, телефоны и другие изделия – 18,4%. Почти на 12% росла также электронная торговля и цифровые масмедиа, в то время как программное обеспечение и поддерживающие услуги ежегодно увеличивались чуть больше, чем на 7%. Растущее проникновение цифровой экономики во все сферы американского общества требует всё больше разнообразного оборудования, которое как раз и реализуется через электронную торговлю и рекламируется через масмедиа. В целом, в 2017 г. в цифровой экономике было занято 5,1 млн работников, или 3,3% всех занятых в стране. Средние годовые выплаты на одного работника составили в цифровой экономике 132,2 тыс. долларов, а по всей экономике такой показатель равняется 68,5 тыс. долларов. [Varefoot, 2019, p.11].

Таблица 2

Доля компонентов цифровой экономики по добавленной стоимости, 2017, %

Цифровая экономика	100
Поддерживающие услуги	34,7
Телекоммуникации	25,1
Программное обеспечение	17,7
Электронная торговля и цифровые масмедиа	15,4
Изделия из материалов	7,1

Составлено по: *Survey of Current Business, May 2019*. <http://www.bea.gov> (accessed 26.05.2019)

Таблица 3

Среднегодовой прирост ВВП и компонентов цифровой экономики США, 1998–2017, %

ВВП	2,3
Цифровая экономика	9,9
Изделия из материалов	18,4
Электронная торговля и цифровые масмедиа	11,8
Поддерживающие услуги	7,1
Программное обеспечение	7,1
Телекоммуникации	6,9

Составлено по *Survey of Current Business, May 2019*. <http://www.bea.gov> (accessed 26.05.2019)

Исследования Бюро экономического анализа и аналитиков Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) использованы и в ежегодном до-

кладе Совета экономических консультантов при президенте США, в котором выделена отдельная глава о вызовах и угрозах цифровизации экономики [2, p.339-380]. ОЭСР выпустила специальное исследование современной цифровой трансформации, в котором представлен опыт системного подхода как к цифровизации, так и к экономическим изменениям в ближайшем будущем. Ключевое место в этой работе занимает анализ искусственного интеллекта и его влияние на человека, бизнес, общество, государство. Вводятся в научный оборот такие понятия как «электронный бизнес», «электронные потребители», «электронные граждане», «электронная торговля» и другие, которые уже получили широкое признание в повседневной жизни. [3 p. 29-68, 117-142]. Бюро экономического анализа США и ОЭСР координируют свои научные поиски для выработки международно признанных определений и методов измерения разнообразных цифровых явлений, значительная часть которых пока не поддаётся количественной оценке из-за отсутствия соответствующих показателей.

Поскольку цифровые технологии существенным образом изменяют и модифицируют практически все виды экономической деятельности, постольку происходит качественное изменение объекта и предмета экономической теории и отраслевых экономических и управленческих наук [Goldfarb, 2017]. При этом в дискуссиях учёных наибольшее внимание уделяется выявлению комплексного влияния цифровых технологий – искусственного интеллекта, компьютерных технологий (большие данные, облачные технологии, блокчейн и др.), роботов, умных машин, машинного обучения, квантовых технологий и компьютеров – на перспективы человеческой цивилизации [Andrews, 2018]. В связи с этим исследователи стремятся раскрыть экономический смысл цифровизации через анализ её масштабов, глубины и скорости, а также модификации собственности, активов компаний и экономической стоимости, динамики взаимосвязи рынков и экосистемы [Vectors, 2019]. Издательство Чикагского университета опубликовало книгу материалов конференции по искусственному интеллекту, состоявшейся под эгидой Национального бюро экономических исследований. Среди авторов наиболее известные учёные США и других стран, активно исследующие проблематику цифровизации. Все 24 главы книги посвящены рассмотрению широкого круга современного национального и мирового развития через призму искусственного интеллекта [The Economics, 2019]. И это не случайно. Происходит изменение среды предпринимательства и среды обитания, растут требования к обществу и государству по защите прав человека и окружающей природы. В КНР уже издан школьный учебник по основам искусственного интеллекта, нацеливающий подрастающее поколение к жизни в цифровой среде. [4]. Как известно, в 2017 г. в стране была принята «Стратегия КНР по достижению лидерства в области искусственного интеллекта к 2030 году». Ведущая роль китайских специалистов в практическом внедрении искусственного интеллекта отмечается и в докладах ОЭСР [5].

В рамках цифровизации расширяется использование облачных технологий, или облачной компьютеризации, которые значительно сокращают затраты пользователя интернетом на хранение и обработку информации и других цифровых продуктов. Как видно из табл. 4, где собраны данные по экономикам 21 страны –

члена ОЭСР, в обрабатывающей промышленности, в сфере услуг облачные технологии только стартуют как универсальный хранитель больших данных. Между тем уже нет ни одной компании, которая бы вела свой бизнес без использования цифровых технологий, в изоляции от интернета. Правда, с экономической точки зрения растущее применение облачной компьютеризации напрямую не увеличивает ВВП страны, так как пока нет их учёта статистикой из-за общего учёта инвестиций в инновации. [Burne, 2018]. На этом примере хорошо видно, как современное экономическое развитие настолько быстро и широко наполняется новыми явлениями, что их статистическое отражение отстаёт. Так было с информационными отраслями, так происходит и с цифровизацией. Поскольку цифровизация – глобальный феномен, постольку без международного согласования индикаторов цифровизации не обойтись [Kelly, 2018].

Таблица 4

**Усреднённый рейтинг применения отдельных цифровых технологий
в экономике 21 страны, 2016, %**

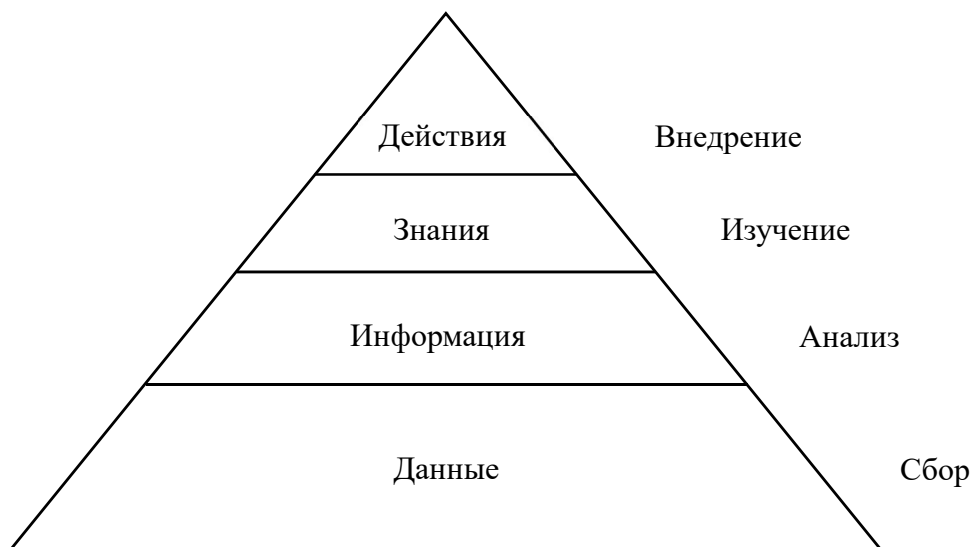
	Скоростной интернет	Планирование ресурсов компаний	Управление отношениями с потребителями	Облачные технологии	Облачные технологии как базовые
Обрабатывающая промышленность	0,35	0,45	0,31	0,22	0,12
Сфера услуг	0,46	0,35	0,39	0,3	0,2

Составлено по: Vaiger, et.al., 2019, p.15.

Ответственный сотрудник компании «Гугл» Х. Вериан в своей работе «Искусственный интеллект, экономикс и организация рынков» основное внимание обращает на машинное обучение в компаниях, раскрывая все положительные эффекты этой технологии на показатели деятельности фирмы. Автор убеждает собственников компаний и их менеджеров, что инвестиции в машинное обучение окупятся сторицей. Вериан рекомендует самым тщательным образом относиться к сбору и обработке данных, предлагая свою «Пирамиду данных» (см. рис.1). Он приводит образное сравнение массива данных с сырой нефтью, которую сначала надо переработать, чтобы затем использовать. Цифровые технологии помогают «рафинировать» большие данные в информацию, которая обеспечивает знания для принятия решений о целесообразных действиях. Однако в рыночной экономике не стоит забывать, что у «данных» может быть собственник, а потому доступ к ним становится платным. Это хорошо для собственника, но не всегда доступно широкому потребителю.

Процесс цифровизации, несмотря на массовый охват населения, бизнеса и территорий, не преодолевает таких явлений рыночной экономики, как стремление к монополизации и ограничению конкуренции, создание барьеров для входа на рынок новых компаний, неравенство в доступности к высокоскоростному интернету в сельской местности.

Рисунок 1. Пирамида данных

Varian, 2018.

В 2018 г. из 20 крупнейших в мире по рыночной капитализации компаний 11 во главе с «Эшл» оказались американскими, а 9 во главе с «Алибаба» – китайскими. В отличие от традиционных фирм, новые компании в цифровом бизнесе могут становиться крупными по объёму продаж, доле рынка и влиянию, не отличаясь числом занятых, зданиями и капитальным оборудованием. Поэтому для таких фирм привычные оценки для малого, среднего и большого бизнеса не подходят. Цифровизация диктует свои параметры для новых и старых явлений [Vector, 2019, p.12].

ЗИГЗАГИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ

Экономика США и мировое хозяйство в наступившем третьем тысячелетии оказались не без парадоксов. Если каждая предшествующая промышленная революция приводила к росту производительности труда, то с началом четвёртой промышленной революции и углублением всеобщей цифровизации темпы роста производительности стали снижаться. Как отмечают аналитики Совета экономических консультантов при президенте США, среднегодовые темпы роста производительности за период 1953–2007 годов составили 2,2%, а после 2007 г. этот показатель упал до 1.17% [6, p.419]. Если рассмотреть факторы, которые влияют на динамику производительности, то среди них выделяются такие индикаторы:

- *капитал*, или величина капитала на одного занятого;
- *труд*, или квалификация работника;
- *многофакторная производительность*, или технологии управления, эффективность.

Как видно из табл.5, наибольший вклад в рост производительности вносил капитал, что означает значительное влияние инвестиций в обновление оборудования, которое и становится опорой для обеспечения производительности. Велика роль и многофакторной производительности, ибо как раз система управления компаниями с использованием новых технологий поддерживает рост производительности и конкурентоспособность бизнеса.

На динамику производительности американской экономики существенное влияние оказал экономический кризис 2007–2009 годов. После него среднегодовые темпы роста производительности упали более чем в 2 раза – с 2,8% до 1,3%. Мозаичная картина прошедшего кризиса не позволяет точно выявить роль именно цифровизации на масштабы и глубину кризисных и посткризисных изменений в экономике страны. Но очевидным является факт, что наступление цифровой эры не отменило сугубо рыночных принципов развития, в том числе цикличности спадов и подъемов.

Таблица 5

Динамика производительности труда и его компонентов в экономике США, 1987–2018 гг.

Период	Производительность труда	Труд	Капитал	Многофакторная производительность
1987-2018	2,0%	0,3%	0,9%	0,8%
1987-1990	1,5	0,4	0,7	0,4
1990-1995	1,7	0,4	0,7	0,6
1995-2000	2,9	0,2	1,2	1,4
2000-2007	2,8	0,3	1,1	1,4
2007-2018	1,3	0,2	0,7	0,4

U.S. Bureau of Labor Statistics. <http://www.bea.gov> (accessed 18.05.2019).

Другими словами, цифровизация может изменить среду или инфраструктуру предпринимательства, а также его формы и виды, но не в состоянии повлиять на природу капитала, собственности и конкуренции, что как раз и предопределяет вектор и скорость развития американской и мировой экономики.

Если обратиться к рис.2, то нетрудно увидеть, какой провал характеризует объём выпуска и величину отработанных часов в экономике США в 2008 г. Это вызвало и последующее падение производительности труда вплоть до отрицательных темпов в начале 2011 г. И только после 2016 г. она начала расти более чем 1% в год. Получается, что объём выпуска рос не столько благодаря повышению производительности, сколько за счёт увеличения количества отработанных часов. Характерно, что в США выработка на один отработанный час, посчитанная в текущих ценах по паритету покупательной способности национальных валют, выше, чем в большинстве стран ОЭСР. Только Бельгия, Норвегия, Люксембург и Ирландия в 2016 г. имели этот показатель выше, чем в США. А в 2017 г. американский уровень превысила и Дания [7, р. 41,43; 3, р.49].

Рисунок 2. Динамика производительности труда, выпуска и отработанных часов в несельскохозяйственном секторе, 2009–2019 гг.

U.S. Bureau of Labor Statistics. <http://www.bea.gov> (accessed 20.05.2019).

Известный американский специалист по экономической динамике и анализу производительности труда Р. Гордон, профессор Северо-Западного университета штата Иллинойс, опубликовал немало исследований по экономическому росту в США и других странах. Используя для расчётов модель *KLEMS*, он пришёл к выводу, что тенденции спада темпов роста производительности в США коррелируются с такими же показателями по ведущим странам ЕС, где динамика выпуска на один отработанный час в среднем за год в 1950–1972 г. равнялась 4,7%, но в 1972–2005 г. упала до 2%, а в 2005–2017 г. оказалась равной 0,8% [Gordon, 2019, p.2]. Каждый из указанных периодов имеет свои особенности, которые также проявляются в различных отраслях экономики. Однако и в Европе информационно-коммуникационные технологии не стали общим ускорителем темпов роста производительности в национальных экономиках. Хотя рыночные модели стран ЕС и США имеют свои особенности, глубинная основа их одинаковая – господство частной собственности, рынка и конкуренции, что модифицируется с учётом фактора времени, но сохраняет свою природу.

В очередном экономическом обзоре, подготовленном службами ОЭСР, вторая глава названа «Цифровизация и производительность: история взаимосвязи», где обращается внимание на жёсткие взаимосвязи (1) между самими технологиями, (2) возможностями и активами фирм – технического и управленческого уровней,

организационной структурой, инновациями и финансовыми возможностями, (3) политикой по поддержанию конкуренции и размещением ресурсов в экономике [8, p.56]. В каждой компании цифровизация по-разному влияет на производительность, что зависит от отраслевой специфики, и вида цифровых технологий.

Среди экономистов и специалистов по статистике продолжаются дискуссии о методах измерения производительности труда и производительности национальной экономики. [Ward. et.al., 2018; Atkin, 2019]. При этом речь идёт и об определении и измерении ВВП страны, который служит параметром для вычисления национальной производительности. В этом случае важную роль играет также ценовой фактор, особенно если учитывать появление новых продуктов и услуг, которые прежде не производились и не оказывались. [Sichel, 2019]. Группа исследователей из США, Канады, Голландии и Австралии подготовила научный доклад, где предложила методы учёта и расчёта новых товаров и услуг, определения их цены, а также тех товаров и услуг, которые потребители в цифровую эру получают бесплатно – услуги "Фейсбук", камеры смартфонов и многие другие. Только бесплатные услуги "Фейсбук", по расчётам авторов доклада, могли бы увеличить среднегодовой прирост ВВП США от 0,05 до 0,11 процентных пункта. В докладе соответствующие прогнозные расчёты приведены и по другим отраслям [Brynjolfsson, et al., 2019].

Поскольку производительность выступает важнейшим фактором национальной конкурентоспособности, постольку она находится в центре внимания как теоретиков, так и практиков бизнеса. Нобелевский лауреат по экономике американский профессор Р.Солоу ещё в 1957 г. предложил математическую модель для учёта влияния технологий на рост производительности. [Вагаев, 2019]. Через 30 лет, в 1987 г., Р.Солоу выявил, что рост производительности в компаниях, использующих информационные технологии, слабо влияет на производительность остальных фирм и национальной экономики в целом. Этот вывод учёного получил название «парадокс Солоу». В табл. 1 и 3 показано, что несмотря на быстрый рост цифровизации темпы роста ВВП и национальной производительности не увеличиваются, а сокращаются. Тем самым находит подтверждение «парадокс Солоу» и в последние годы. Это явление детально проанализировано учёными США и других стран [Brynjolfsson, 2017; Sorbe, 2019, p.7].

Динамика рыночной экономики отличается неравномерностью. В полной мере это относится к экономике и США, и других членов ОЭСР. С наступлением цифровизации указанные тренды сохранились. Если в конце прошлого века сектор цифровой экономики опережал по темпам роста другие секторы и экономику в целом, то после 2000 г. его динамика уменьшилась. В этой связи характерным является поведение «большого бизнеса». Как известно, по рыночной капитализации лидерами в США стали Эпл, Гугл, Амазон и Фейсбук. Традиционно крупные компании отличались высокой производительностью и значительным влиянием на эффективность национальной экономики. Но «звёзды» цифровой экономики эту традицию не продолжают. Только после 2013 г. они вновь стали увеличивать свой вклад в рост национальной производительности. [Gutierrez, et al., 2019: 8-10].

Между тем в экономике происходят существенные изменения в параметрах рынков и содержании конкуренции. Теперь уже тенденция к монополизации рынков опирается не столько на размер компании, сколько на владения фирмами уникальных открытий и разработок, защищённых патентами. Интеллектуальная собственность в условиях цифровизации становится базой для развития монополизации малыми и средними фирмами, объединяющихся путем слияний и поглощений. Возникают дополнительные барьеры для входа на рынок, которые формально не противоречат антимонопольным законам, но при этом ограничивают распространение цифровых технологий и косвенно рост производительности труда в национальной экономике. Аналитики ОЭСР после изучения ситуации в 26 странах пришли к выводу, что новые компании больше образуются в отраслях, где цифровизация происходит интенсивно. Всё это влияет не только на состояние конкуренции, но и на изменение структуры национальной экономики, а также на систему налогообложения и построение цепочек стоимости транснациональными компаниями. [Vajgar, et al., 2019: 9, 12, 15; Calligaris, et al., 2018: 18; Barro et al., 2019: 2].

Таблица 6

Распределение занятости по размеру фирмы, 2001 и 2017 гг.

Размер фирмы	2001		2017	
	Средняя занятость	Доля общей занятости, %	Средняя занятость	Доля общей занятости, %
Малые (1–49 работников)	31,563	29	33,464	28
Средние (50–499 работников)	28,227	26	30,259	25
Большие (500+ работников)	48,866	45	56,412	47
Итого:	108,656	100	120,135	100

U.S. Bureau of Labor Statistics (на основе квартальной переписи за соответствующие годы) <http://www.bea.gov> (accessed 20.01.2019).

В целом в США и других развитых экономиках [9: 135] динамика производительности положительная. Ожидавшийся темп прироста производительности за счёт повсеместного внедрения цифровых технологий оказался почти во всех странах недостаточным, хотя цифровые отрасли демонстрируют устойчивый высокий рост. Происходит одновременно упрощение коммуникаций, расширение доступа к информации и увеличение числа факторов, влияющих на уровень производительности труда. Новые явления в экономике не всегда своевременно получают статистическое отражение и количественную определенность, что сильно влияет на содержание производительности и её измерение как в отдельных отраслях и сферах, так и в национальной экономике. Растущее число переменных, влияющих на производительность, предопределяет зигзаги и её траектории.

Цифровизация не добавляет уверенности в современной экономике ни работнику, ни предпринимателю, ни чиновнику, ни политику. Она тревожит всех.

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ *VERSUS* ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Любые изменения в экономике не проходят бесследно для человека. Тем более, что в рыночной экономике по-прежнему большинство людей заняты наёмным трудом и зависят экономически от работодателей. Не случайно поэтому обширная литература о цифровой экономике наполнена алармистскими призывами защитить человека от экспансии цифровых технологий. Известный европейский технологический футурист Г.Леонард издал книгу «Технологии против человека», которую начинает словами: «Наш мир вступает в эпоху по-настоящему значимых изменений, и многие из нас скоро будут потрясены неожиданными темпами технологического развития. Эти экспоненциально развивающиеся технологические достижения содержат в себе огромный потенциал, но вместе с тем и большую опасность, к которой следует подходить со всей ответственностью». [Леонард, 2018: 19]. Вопрос о будущем цифровой экономики стал ключевым на заседании Совета министерского уровня стран ОЭСР в Париже 30–31 мая 2018 г. На заседании участники стремились определиться в сути цифровой трансформации, рассмотреть подходы правительств к комплексу вызовов, включая сферы доверия, благосостояния, цифрового правительства и стратегии государств, а также перспективы обеспечения населения работой, соответствующей времени квалификацией и компетенциями. [10: 10-87]. Аналогичные проблемы подняты и предложены варианты решения по экономике России, где с 2017 г. выполняется программа «Цифровая Россия» [11,12].

В экономике США, где цифровизация активно развивается, до сих пор не произошло существенных изменений в распределении занятости по компаниям в зависимости от их размера. Как видно из табл. 6, за период 2001-2017 годов, из обследованных фирм малого, среднего и большого бизнеса на 2 % выросла доля занятых в компаниях, где число работников превышает 500 человек. Эти данные свидетельствуют только о том, что структура американской экономики и занятости в последние года изменилась мало. Но глубинные изменения, вызванные цифровизацией, происходят как раз внутри отраслей и внутри фирм. А эти изменения пока слабо улавливаются статистикой.

Не случайно поэтому среди цифровых технологий наибольшую озабоченность людей вызывает искусственный интеллект, который воспринимается как прямая угроза занятости большинства наёмных работников. Только на межгосударственном уровне в последнее время вышли многочисленные исследования, включая аналитиков ОЭСР и Всемирного экономического форума в Давосе, по вопросам занятости, переподготовки и повышения квалификации [13,14,15,16]. Ежегодные январские конференции Американской экономической ассоциации (АЭА) в последние годы имеют не одно секционное заседание, где выносятся самые злободневные проблемы цифровизации, искусственного интеллекта и занятости.

Профессор Гарвардского университета Д. Йоргенсон вместе со своими соавторами представил 4 января 2019 г. в Атланта на секции АЭА общий анализ развития экономики США в цифровую эру [Jorgenson et al., 2019].

Значительная часть публикаций об искусственном интеллекте выглядит оптимистически. С экономической точки зрения вносятся предложения цифровые технологии рассматривать как общую платформу, включая искусственный интеллект, будущего развития и роли человека [Acemoglu, et al., 2019]. Роботизация производства и сферы услуг, её влияние на динамику занятости и требования к новым видам занятости и профессиям всё больше анализируются в работах экономистов [Acemoglu, et al., 2017; Agrawal et al., 2019; Autor, 2019; De Backer et al., 2018; Grundke, et al., 2018]. Подчёркивается, что познавательная, интеллектуальная составляющая становится определяющим параметром новых профессий.

Цифровые технологии значительно расширяют возможности для людей по видам занятости и источникам доходов. Наряду с работой в компаниях по принципу удалённой занятости, работой на дому, всё больше людей становятся самозанятыми, фрилансерами, относительно независимыми от работодателей. Ряд авторов прогнозируют, что уже к 2020 г. около 40% новых рабочих мест перейдёт на модель «гигномики», расширяющейся за счёт современных технологий [Шваб, 2019: 38, 45]. Гигномика, как альтернативная форма занятости, таит немало угроз для вовлечённых в неё людей, ибо они вместе со значительной свободой в организации времени и вида своего труда теряют те законодательные гарантии и социальные преимущества, какие есть у штатных работников компаний и государственных структур. Поскольку явление гигномики получает распространение в развитых странах, постольку оно становится объектом пристальных исследований [Abraham, et al, 2018]. В России также растёт число фрилансеров. Экспертные оценки российской гигномики дают от 5 до 15 млн. человек. Официальной регистрации пока нет. Участники гигномики все риски берут на себя, надеясь на гибкость механизма самозанятости.

Между тем большая часть граждан развитых стран даже в цифровую эру надеется на социальные гарантии, которые обеспечивает государство. В связи с этим примечательным является то обстоятельство, что Совет экономических консультантов при президенте США посчитал необходимым издать в октябре 2018 г. доклад «Альтернативные издержки социализма», который начинается с упоминания о 200-летию со дня рождения К.Маркса и возвращения в американский политический дискурс идей социализма. Затем этот доклад стал главой отчёта Совета экономических консультантов, дополняющего экономический доклад президента США [2: 381-426]. Суть предложенного анализа состоит в том, чтобы убедить американских граждан в том, что в Америке так называемые социалистические преимущества, связанные с доступностью медицинского обслуживания, образования, гарантированной занятости, экономической и политической свободы гораздо выше, чем в странах Западной Европы, где культивируется модель социального государства. Иными словами, делается попытка внушить американскому избирателю, что при администрации Д.Трампа страна обошла другие страны по обеспечению базовых основ комфортной жизни, не называя предпринятые меры

социалистическими. Как видно, не только политическая борьба в США вынудила на государственном уровне обратиться к социалистической риторике, но и реальные процессы во всём мире не могли не остаться без внимания американского правительства.

Действительно, угрозы цифровизации находятся не в технологической плоскости, а в социальной сфере. Бизнес по своей природе не в состоянии адекватно ответить на эти вызовы. Активную роль берёт на себя государство. В этом процессе искусственный интеллект даже в том случае, когда роботы или другие «умные машины» сокращают рабочие места, не заменяет человека, его интеллект, а становится новым, может быть, самым совершенным орудием, которое используют люди во всех без исключения сферах деятельности. Для того, чтобы это новое орудие дало наибольший эффект для улучшения качества жизни, в каждой стране предстоит сделать немало для подготовки человека к растущему углублению цифровизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ЦИФРОВИЗАЦИЯ – РУКОТВОРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Цифровизация стала стержнем четвёртой промышленной революции. Как и весь исторический технологический прогресс, цифровизация создана и развивается человеком. Однако страны и их общества организованы по-разному, имеют не только особенные экономические модели, но и разные исторические традиции культурного, этнического и религиозного характера. Поэтому возникающие проблемы в сфере занятости, защиты окружающей среды, здравоохранения, образования и другие могут быть решены только сообща, на национальном и международном уровнях. Технологии настолько связали человечество, что ни одна страна не сможет отгородиться от совместных действий.

Это не означает, что кто-то решит внутренние проблемы цифровизации КНР или США, России или Германии. Это суверенное дело и суверенная ответственность каждой страны. Однако в глобальном мире на вызовы также отвечают глобально.

Искусственный интеллект не противостоит человеческому интеллекту. Человек всё изобретает для повышения эффективности своего труда во всех сферах деятельности, для увеличения свободного времени – основы гармоничного развития личности. Достижения человечества должны быть доступными всем людям и каждому человеку. Такие возможности впервые в истории создаёт современная промышленная революция.

ИСТОЧНИКИ

[1] U.S. Department of Commerce. 2016. First Report of The Digital Economy Board of Advisors. Available at <http://www.ntia.doc.gov/files/ntia/publications/debafirstyearreportdec2016.pdf> (assecced 10.05.2019)

[2] Economic Report of the President. Together with Annual Report of the Council of Economic Advisers. 2019. U.S. Government Printing Office, Washington D.C., March. – 711 p.

[3] OECD. 2019. Measuring the Digital Transformation: A Roadmap for the Future, OECD Publishing, Paris – 260 p.

[4] Панкратенко И. 2019. Возможен ли Рай в «электронном концлагере» (В Китае уже отпечатаны школьные учебники по курсу «Основы искусственного интеллекта»). ИГ Наука, №4 (342), 13 марта. – с. 9-10.

[5] OECD. 2018. OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2018: Adapting to Technological and Societal Disruption. OECD Publishing. Paris. – 320 p.

[6] Economic Report of the President. Together with Annual Report of the Council of Economic Advisers. 2018. U.S. Government Printing Office, Washington D.C., February. – 563 p.

[7] OECD. 2018. OECD Compendium of Productivity Indicators 2018, OECD Publishing, Paris. – 141 p.

[8] OECD. 2019. Economic Outlook №105 (May), OECD Publishing, Paris – 227 p.

[9] World Economic Outlook (Growth Showdown, Precarious Recovery). 2019. – Washington.D.C., IMF - 2019, - 216 p.

[10] OECD. 2018. Going Digital in a Multilateral World. Meeting of the OECD Council at Ministerial Level, Paris, 30-31 May. – 106 p.

[11] Алябьев С. и др. 2018. Инновации в России – неисчерпаемый источник роста. Центр развития инноваций McKinsey Innovation Practice. Москва. – 104 с.

[12] Агтекман А. и др. 2017. Цифровая Россия: новая реальность. Digital/McKinsey. Москва. – 133 с.

[13] OECD. 2018. Productivity and Jobs in a Globalized World: (How) Can All Regions Benefit? OECD Publishing, Paris. – 188 p.

[14] OECD. 2019. Compendium of productivity Indicators, OECD Publishing, Paris – 152 p

[15] The Future of Jobs Report 2018. World Economic Forum, Centre for the New Economy and Society, Geneva. – 147 p.

[16] The Global Risks Report 2019, 14th Edition, World Economic Forum, Geneva. – 108 p.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Леонард Г. 2018. Технологии против человека. Пер. с англ. – Москва: Издательство АСТ. – 320 с.

Шваб К. 2016. Четвёртая промышленная революция. [Пер. с англ.] Москва: Издательство «Э». – 208 с.

Шваб К. 2019. Технологии Четвёртой промышленной революции. [Пер. с англ.] Москва: Эксмо. – 320 с.

EFERENCES

Abraham G., Haltiwanger C., Sandusky K., Spletzer R. 2018. Measuring The Gig Economy: Current Knowledge and Open Issues. NBER Working Paper 24950. – 54 p.

Acemoglu D., Restrepo P. 2017. Robots and Jobs: Evidence from U.S. Labor Markets. NBER Working Paper 23285. – 27 p.

Acemoglu D., Restrepo P. 2019. The Wrong Kind of AI? Artificial Intelligence and the Future of Labor Demand. NBER Working Paper 25682. – 15 p.

- Agrawal A., Gans J.S. Goldfarb A. 2019. Artificial Intelligence: The Ambiguous Labor Market Impact of Automating Prediction. NBER Working Paper 25619. – 27 p.
- Andrews D., Nicolette G., Timiliotis C. 2018. Digital technology diffusion: A matter of capabilities, incentives or both? OECD Economic Department Working Papers, №1476. OECD Publishing, Paris. – 80 p.
- Atkin D., Khandewal A. Osman A., 2019. Measuring Productivity: Lessons from Tailored Surveys and Productivity Benchmarking. NBER Working Paper 25471. – 29 p.
- Autor D. 2019. Work of the Past, Work of the Future. NBER Working Paper 15588–49 p.
- De Backer K. et al. 2018. Industrial robotics and the global organization of production. OECD Science, Technology and Industry Working Papers 2018/03. OECD Publishing, Paris – 44 p.
- Bajgar M., Calligaris S., Calvino F., Criscuolo C., Timmis J. 2019. Bits and Bolts: The digital Transformation and manufacturing. OECD Science, Technology and Industry Working Papers 2019/01. OECD Publishing, Paris. – 43 p.
- Baqae D., Farhi E. 2019. A Short Note on Aggregating Productivity, NBER Working Paper 25688. – 18 p.
- Barro R.J., Wheaton B. 2019. Taxes Incorporation and Productivity. NBER Working Paper 25508. – 41 p.
- Barefoot K. et al. 2018. Defining and Measuring the Digital Economy. U.S. BEA Working Paper, March 15. – 18 p.
- Barefoot K., Curtis D., William A., Nicholson R., Omohundro R. 2019 Research Spotlight Measuring the Digital Economy. May. Survey of Current Business. Vol. 99 №5. – 13p.
- Byrne D., Corrado C., Sichel D.E. 2018. The Rise of Cloud Computing: Minding Your P'S, Q'S and K'S. NBER Working Paper 25188. – 48 p.
- Brynjolfsson E., Collis A., Diewert E., Eggers F., Fox K. 2019. GDP-B: Accounting for the Value of New and Free Goods in the Digital Economy. NBER Working Paper 25695. – 55 p.
- Brynjolfsson E., Rock D., Syverson C. 2017. Artificial intelligence and the modern productivity paradox: A clash of expectations and statistics. NBER Working Paper 24001.– 44 p.
- Calligaris S., Criscuolo C. Marcolin L. 2018. Mark-ups in the digital era. OECD Science, Technology and Industry Working Papers 2018/10. OECD Publishing, Paris. – 26 p.
- Globalization 4.0 Shaping a New Global Architecture in the Age of the Fourth Industrial Revolution. 2019. World Economic Forum, Geneva, – 40 p.
- Goldfarb A., Tucker C. 2017. Digital Economics. NBER Working Paper 23684. – 89 p.
- Gordon R.J., Sayed H. 2019. The Industry Anatomy of the Transatlantic Productivity Growth Slodown. NBER Working Paper, 25703. – 63 p.
- Grundke R. et al. 2018. Which skills for the digital era? Returns to skills analysis. OECD Science, Technology and Industry Working Papers 2018/09. OECD Publishing, Paris. – 37 p.
- Gutierrez G., Philippon T. 2019. Fading Stars. NBER Working Paper, 25529. – 27 p.
- Jorgenson D., Ho M., Samuels J. 2019. Recent U.S. Economic Performance and Prospects for Future Growth. American Economic Association, Annual Meeting, January 4, Atlanta, Georgia. – 26 p.
- Kelly B., Paponikolaou D., Seru A., Taddy M. 2018. Measuring Technological Innovation over the Long Run. NBER, Working Paper 25188. – 79 p.

Leonard G. 2018. Technologies versus man. Per. s angl. – Moskva.: Izdatel'stvo AST. – 320 s. (In Russ)

Schwab K. 2016. The Forth Industrial Revolution. [Per. s anglijskogo] Moskva, Izdatel'stvo «EH». – 208 s. (In Russ)

Schwab K. 2019. Shaping The Forth Industrial Revolution. [Per. s anglijskogo] Moskva: EHksmo. – 320 s. (In Russ)

Sichel D.E. 2019. Productivity Measurement: Racing to keep up. MBER Working Paper 25558. – 48 p.

Sorbe S., Gal P., Nicoletti G., Timiliotis C. 2019. Digital dividend: policies to harness the productivity potential of digital technologies. OECD Economic Policy Paper №26. OECD Publishing, Paris. – 31 p.

The Economics of Artificial Intelligence, An Agenda Edited by A.Agrawal, J. Gans, A. Goldfarb, National Bureau of Economic Research Conference Report, May 2019, The University of Chicago Press. – 648 p.

Varian H. 2018. Artificial Intelligence, Economics and Industrial Organizations. NBER Working Paper 24839. – 24 p.

Vectors of Digital Transformation. January 2019. OECD Digital Economy Papers. №273. – 38 p.

Ward A., Zinni M.B., Marianna Pascal. 2018. International productivity gaps: Are labor input measure comparable? OECD Statistics Working Paper, 2018/12. OECD Publishing, Paris. – 73 p.

Информация об авторе / About the author

Пороховский Анатолий Александрович, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, д. 2/3; заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991 Москва, Ленинские горы, д.1 стр.46.

Anatoly A. Porokhovsky; Doc. Sci. (Economics), Professor, Distingwish Scholar of Russian Federation Chief Research Fellow Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN). 2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation; Chair Department of Political Economy Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, 1, build. 46, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

УДК 339.9

DOI: 10.31857/S032120680005965-5

Глобальные и локальные эффекты политики США в период президентства Д. Трампа (экономический аспект)

Л.Ф. Лебедева

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН)

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4464-2916> e-mail: l.lebedeva@iskran.ru

Статья поступила в редакцию 14.05.2019.

Резюме: Рассмотрены меры действующей администрации Д. Трампа в контексте особенностей нового этапа политики Вашингтона по продвижению лидерства, её последствий для состояния мировой экономики, международных экономических отношений. Углубление торгово-экономических противоречий между США и Китаем, затрагивающих широкий круг других стран, остаётся одним из ключевых факторов усиления рисков нестабильности в мировом хозяйстве; замедления роста экономики, международной торговли. В условиях неоднозначных последствий тарифной политики для самих Соединённых Штатов; постепенного снижения стимулов для экономического развития, связанных с налоговой реформой в США; американцы всё чаще задаются вопросами о влиянии политики Д. Трампа, в том числе в перспективе, на их личное благосостояние, экономическую ситуацию в стране.

Ключевые слова: президентство Д. Трампа, глобальная нестабильность, международная торговля

Для цитирования: Лебедева Л.Ф. Глобальные и локальные эффекты политики США в период президентства Д. Трампа (экономический аспект). *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2019;49(8): 25-37. DOI: 10.31857/S032120680005965-5

Global and Local Effects of U.S. Policy under D. Trump's Presidency (Economic Aspect)

Liudmila F. Lebedeva

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences

2/3 Khlebny per., 121069 Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4464-2916> e-mail: l.lebedeva@iskran.ru

Received 14.05.2019.

Abstract: The paper contributes to a debate on a wide range of policy effects under Trump's administration in view of 2020 presidential elections. Trump's foreign economic policy has changed the U.S. image in the world economy; modifying relations with main trade partners, including China, Canada, Mexico, Japan, EC countries; shaping the U.S. participation in international integration processes; keeping world trade tensions and uncertainty on high level. The new tariffs being imposed by U.S. on imported goods, contradictions with trade partners are only a piece of the visible problem, taking into consideration rivalry over emerging

technologies. The negotiations with China and other countries concerning the intellectual property rights, technology transfers are on the agenda, presenting serious challenges for U.S. and their partners. Meanwhile American's attitude towards policymakers decisions is based whether they influence positively on their economic fortunes, whether they lead to raising or lowering prices, widening or narrowing the abilities to address their needs.

Keywords: Trump's presidency, global instability, international trade

For citation: Lebedeva L.F. Global and Local Effects of U.S. Policy under D. Trump's Presidency (Economic Aspect). USA & Canada; Economics, Politics, Culture. 2019;49(8): 25-37. DOI: 10.31857/S032120680005965-5

ВВЕДЕНИЕ. НОВАЦИИ Д. ТРАМПА

Масштабы и характер влияния политики США в период президентства, Д. Трампа, связанные с усилением неопределённости развития международных экономических отношений, динамикой интеграционных процессов в мире, с прогрессирующей нестабильностью торговых отношений, стали беспрецедентными, по крайней мере, за последние полвека. Крутые повороты внешнеэкономического курса ведущей финансово-экономической и торговой державы затрагивают не только её ближайших партнёров, но и другие страны мира в силу их торгово-экономических связей и взаимозависимости на современном этапе глобального развития.

Долгосрочные эффекты новаций Д. Трампа ещё предстоит оценить, а текущие их проявления уточнить, в том числе с учётом фактора *ожиданий* введения (или отмены) санкций, нового повышения (или отмены предыдущего повышения) тарифов на импортируемую продукцию. Сегодня последствия политики Д. Трампа для позиций США в мире, а также её воздействие на внутриэкономическую ситуацию, состояние американского общества оцениваются весьма неоднозначно, в том числе и в самих Соединённых Штатах.

В майском номере журнала «Интеллидженсер» (*Intelligencer*), к примеру, со стороны демократов было высказано даже предположение, что «...для демократов победа... на (следующих – Л.Л.) президентских выборах сама по себе может оказаться шоу ужасов», при том, что «переизбрание Трампа будет ночным кошмаром» [Levitz, Eric, 2019]. Такая оценка связана с рядом обстоятельств и, в частности, с прогнозируемыми негативными эффектами политики Д. Трампа, ожидаемыми уже в год президентских выборов и последующие годы [1].

Что касается экономической ситуации, начиная с конца прошлого года, и правительственные эксперты, и международные организации, а также специалисты в сфере экономики из разных стран мира пересматривают прогнозы роста ВВП в сторону понижения.

По данным опроса Национальной ассоциации экономики бизнеса (*National Association for Business Economics*), проведённого в феврале 2019 г., 75% авторитетных специалистов прогнозируют для американской экономики сползание в рецессию к концу 2021 г., а 42% ожидают спад уже в будущем году [2].

Путь укрепления американского лидерства по Д. Трампу с установкой «вернуть Америке величие» оказался тернист; а избиратели обеспокоены тем, как

принимаемые меры влияют на их собственное благополучие. По данным мониторинга общественного мнения на февраль 2019 г., в 17 штатах, где в 2016 г. победу одержал Д. Трамп, его поддерживали 50% и более респондентов; а в 13 штатах – менее половины, в том числе, в штатах Мичиган, Висконсин, Пенсильвания, – около 42%, а в Техасе доля поддерживающих едва достигла 41% [3].

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОЛИТИКИ Д. ТРАМПА

В основе проводимой страной политики в период президентства Д. Трампа – установка на лидерство, сформулированная в Стратегии национальной безопасности США (*National Security Strategy of the United States of America*), которая охватывает как военные аспекты, так и экономические, финансовые, научно-технологические, энергетические [18].

В этих целях президентская администрация использует в том числе перманентно расширяющийся набор финансово-экономических инструментов, действуя на основе как рыночных принципов, так и жестких ограничений.

Обещанное Д. Трампом ещё в период предвыборной президентской кампании повышение тарифов на импортируемую продукцию «для защиты от недобросовестной конкуренции», которое стало реальностью в 2018-2019 г., способствовало росту протекционистских настроений в мире, переходящих в торговую конфронтацию. Последствия тарифной гонки на повышение проявились особенно остро в американо-китайских отношениях.

Когда статья сдавалась в номер, пришли очередные сообщения о том, что майские (2019 г.) американо-китайские переговоры не привели к заключению торгового соглашения; Д. Трамп в очередной раз повысил пошлины на китайские товары, а в ответ Китай объявил о введении ввозных пошлин на американские товары [4].

Но даже в случае достижения в обозримом будущем торгового соглашения между США и Китаем, перспективы **существенного** снижения дефицита торгового баланса США проблематичны; а возможные изменения направлений торговых потоков из Китая требуют времени и не добавляют устойчивости торгового – экономическим отношениям между странами.

По оценке Международного валютного фонда, представленной в апрельском докладе о перспективах развития мировой экономики (*World Economic Outlook*), замедление глобальной экономической активности со второй половины 2018 г., снижение темпов экономического роста по прогнозам на 2019 г. (до 3,3% против 3,6% в 2018 г.) связано с рядом факторов, включая «нарастающие торговые противоречия» между ведущими экономическими и торговыми державами – США и Китаем; с усилением неопределённости перспектив экономического развития во многих странах [5].

По мнениям экспертов, торговая война может принести глобальной экономике ущерб, сравнимый с финансовым кризисом конца прошлого десятилетия. Повышение тарифов вызовет негативные последствия для глобальной торговли и деловой активности. «В наиболее уязвимом положении окажутся развивающиеся страны, но развитые экономики также будут затронуты» [6].

По сути, такое мнение разделяет большинство из 1 тысячи авторитетных экономистов из разных стран мира – специалистов в области международных экономических отношений, которые считают, что торговая и налоговая политика Соединённых Штатов в эпоху Д. Трампа окажут неблагоприятное влияние на другие страны. По результатам опроса, проведённого Институтом информации Германии (*Germany's ifo Institute*), примерно половина респондентов уверена, что экономике их стран будет нанесён ущерб [6].

Торговые баталии на китайском направлении ожидались уже с конца 2016 г., после победы Д. Трампа на президентских выборах. Но непосредственно с повышением американских тарифов на продукцию, поставляемую в США, китайские поставщики столкнулись в 2018 г. Новые американские тарифы охватили длинный перечень импортируемых товаров широкого спектра назначения: продовольствия, в том числе риса, соевых бобов; а также оборудования, в том числе железнодорожного; компьютеров, запчастей для автомобилей, других видов продукции [Trump and China, 2018].

В результате проведённых раундов тарифных повышений в 2018 г. 14,9% американского импорта было под той или иной защитой [Bown Chad P., Zhang, Eva (Yiwen), 2019]. Однако по итогам 2018 г. дефицит торгового баланса США по товарам, в сравнении с предыдущим годом, возрос даже в значительно большей степени, чем в 2017 г. (табл.1).

Таблица 1

**Ключевые показатели внешней торговли США по товарам и услугам,
млрд долл.**

Годы	Экспорт	Импорт	Торговый баланс
Товары			
2016	1456,9	2208,0	- 751,1
2017	1553,4	2360,9	- 807,5
2018	1672,3	2563,7	- 891,4
Услуги			
2016	758,9	509,8	249,1
2017	797,7	542,5	255,2
2018	828,4	559,2	269,2

Составлено по: Survey of Current Business, April 2019. Available at: <https://apps.bea.gov/scb/2019/04/> (accessed 06.05.2019).

Стоимостной объём товарного импорта в Соединённые Штаты из Китая увеличился в 2018 г. до 540,3 млрд долл. (в сравнении с 506,3 млрд долл. в 2017 г.), а экспорта товаров из США в Китай даже снизился до 121,0 млрд долл. по сравнению с 130,4 млрд долл. в 2017 г. Таким образом, на фоне нескольких раундов повышения Соединёнными Штатами тарифов на китайские товары, дефицит американо-китайской торговли товарами продолжал нарастать, достигнув в 2018 г. 419,3 млрд долл. (или 47% общего дефицита торгового баланса США по товарам) [7].

Повышение тарифов на импортируемую продукцию Соединёнными Штатами, ответные меры китайской стороны – исключительно важный, но далеко не единственный фактор усиления напряжённости в международных экономических отношениях во второй половине текущего десятилетия. В числе других факторов – активизация использования торговых, финансовых санкций; попытки «переписать нормы международной торговли по правилам, устанавливаемым американской стороной, «скептицизм» в отношении международных институтов регулирования внешнеэкономической деятельности» [Дмитриев С.С., 2018: 113).

Речь идёт также о влиянии не только введённых санкций, повышения тарифов, выхода из уже достигнутых соглашений, но и о разрушительном воздействии этих процессов на международные экономические отношения, деловой активностью в условиях ставших уже перманентными ожиданий новых ограничений (или продления существующих); новых инициатив по смене формата взаимоотношений.

Неопределённость достижения торгового соглашения между США и Китаем, перспектив перестройки товарных потоков в международной торговле, особенно учитывая «длинные производственные и распределительные цепочки, включающие в себя десятки звеньев в различных странах» [Глобальный прогноз, 2017: 278], усугубляется возрастающей обеспокоенностью американской стороны масштабными китайскими проектами по развитию искусственного интеллекта, информационных технологий, по разработке новых материалов.

Китайский торгово-экономический вызов Вашингтону, с учётом технологического фактора, приобретает новое качество.

В подготовленном, например, согласно указу президента США, докладе о рекомендациях для укрепления промышленной базы страны, нарастание инновационного потенциала Китая расценивается как угроза превосходству США в сфере новых технологий [8]. Опасения растущей технологической мощи со стороны Китая прослеживаются и в последнем докладе Национального научного фонда США, где приводятся данные о том, что «с начала 2000-х годов среднегодовой рост расходов на научные исследования и разработки составил в Китае 18% по сравнению с 4% в США» [9].

«Под давлением нарастающей технологической мощи Китая, в США активизируются такие инструменты регулирования внешне экономических связей, как система экспортного контроля, расследования относительно угрозы национальной безопасности со стороны иностранных инвесторов; использование патентного законодательства США,... а также применение широкого спектра иных мер, направленных на укрепление научно-технологического лидерства Соединённых Штатов, на ограничение передачи новейших технологий другим странам» [Лебедева Л. Ф., 2019: 27].

Стремление США обеспечить доминирование в сфере новейших технологий уже привело к ограничениям в этом направлении, в частности, в отношении финансового директора китайской корпорации «Хуавей» (*Huawei*) в конце 2018 г. [10].

Как отмечают эксперты, в частности, Фонда Карнеги, американо-китайская «торговая война может проложить маршрут войне технологий» [11]. Такая оценка вполне реалистична, учитывая современный этап глобальной гиперконкуренции, для которой характерна многоаспектность борьбы за лидирующие позиции в мире на фоне девальвации «правил игры».

На европейском направлении также растут опасения, связанные с дальнейшим развитием трансатлантического взаимодействия. Ряд исследователей, например, Ф. Бинди, считает, что «текущий курс внешней политики США ведёт к изоляции и резкому снижению влияния США в международных отношениях» [Bindi F., 2019].

Для торгово-экономических отношений США с ближайшим соседом и партнёром – Канадой, по оценкам экспертов, «...2018 год имеет все шансы войти в историю как один из самых конфликтных периодов в двусторонних отношениях за всё послевоенное время» [Комкова Е.Г., 2019:2].

В силу отмеченных выше трендов неудивительными стали прогнозные ориентиры Всемирной торговой организации (ВТО), представленные в начале апреля 2019 г., в том числе относительно замедления роста мировой торговли товарами в текущем году до 2,6% (по сравнению с 3% в 2018 г.).

Генеральный директор ВТО Роберто Азеведо (*Roberto Azevêdo*) считает такие ожидания вполне закономерными, учитывая «напряжённость» в международных торговых отношениях. «Торговля не может в полной мере выполнять свою роль драйвера экономического роста, когда мы наблюдаем столь высокие уровни неопределённости» [12].

В числе ключевых факторов «напряжённости», «неопределённости» – углубление торгово-экономических противоречий между США и Китаем, затрагивающих широкий круг других стран и оказывающих влияние на инвестиционные стратегии, производственные и торговые перспективы бизнеса.

Кроме того, эксперты ВТО обращают внимание на постепенное снижение стимулов, связанных с налоговой реформой в США 2017 года. Текущий прогноз динамики международной торговли отражает снижение ожидаемого роста ВВП в Северной Америке, Европе, Азии в значительной степени благодаря макроэкономическим трендам, включая ослабление эффекта фискальной политики Соединённых Штатов.

При оценке перспектив влияния сохраняющейся «напряжённости» в международных торговых отношениях необходимо также учитывать фактор неопределённости, связанный с перманентной отсрочкой американо-китайских договорённостей; отсутствием ясности в следующих этапах введения (или отмены) ограничений, а также в степени распространения протекционистского тренда среди стран мира.

Безусловно, наряду с курсом Соединённых Штатов в период президентства Д. Трампа «по защите внутреннего рынка» на замедление роста международной торговли оказывают воздействие усиление глобальной нестабильности, снижение прогнозов темпов экономического роста, ожидаемая волатильность на финансовых рынках, неопределённость последствий Брексита. Не стоит также за-

бывать и о том, что для внешнеэкономического курса США в рассматриваемый период характерно усиление политического давления на другие государства, включая ближайших партнёров, как прямое, так и опосредованное; стремление изменить нормы, ставшие препятствием для американского лидерства.

ЛОКАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ

Осмысление американцами последствий «защиты внутреннего рынка» спустя год после первого повышения Соединёнными Штатами тарифов на импортируемую продукцию показывает весьма далекие от оптимистичных оценки как производителей промышленных товаров, так и сельскохозяйственной продукции.

Компании, в частности занятые в производстве стали, алюминия, естественно, приветствуют повышение тарифов на импортируемую продукцию. Но значительная часть деловых кругов, в том числе поддерживающих республиканцев, опасаются расширения торговых конфликтов, ответных мер, которые могут затронуть интересы потребителей, негативно повлиять на экономическую ситуацию в целом и на позиции их компаний.

Согласно докладу Национальной ассоциации экономики бизнеса (*National Association for Business Economics*), подготовленного по результатам опроса её членов 1–10 апреля 2019 г., «лишь 1% респондентов – из числа компаний, производящих товары, – отметили, что тарифы имели некоторое (*some*) позитивное влияние на условия ведения бизнеса в их компаниях»; а «большинство (75%) считают их влияние негативным для своих компаний» [13].

После повышения Соединёнными Штатами летом 2018 г. тарифов на солидный перечень товаров, поставляемых из Китая, ответ китайской стороны затронул промышленные и сельскохозяйственные товары, в том числе весьма чувствительные для американского экспорта.

Поскольку масштабы аналогичных ответных мер ограничены уже самим объёмом поставок американских товаров на китайский рынок, более чем в 4 раза уступающим объёму импорта товаров из Китая в США [14], китайская сторона применила избирательную практику, учитывая специфику зависимости ряда американских отраслей от экспорта в Китай.

Под угрозой последствий тарифной политики Д. Трампа, как отмечает директор Центра экономического образования Университета Северного Техаса Стивен Кобб, оказался, в частности, экспорт сельскохозяйственной продукции в Китай. Одной из «мишеней» китайского ответа на повышение тарифов со стороны США стали соевые бобы: 60% производимых США соевых бобов экспортируется, а Китай является крупнейшим рынком сбыта для данной продукции. Производство соевых бобов – не самый большой сегмент сельскохозяйственной продукции в Техасе, но сокращение экспорта, по мнению эксперта, может быть ощутимым [Young, Stephen, 2018].

В 2018 г. экспорт некоторых видов сельскохозяйственной продукции из США сократился, в том числе пшеницы – более чем на 10%, в сравнении с 2017 г., а соевых бобов – почти на 20% [14]. Учитывая значение китайского рынка для сбыта

данной продукции, двухпартийная бесприбыльная организация «Фермеры за свободную торговлю» (*Farmers for Free Trade*), прогнозирует, что уже в 2019 г. Китай может переместиться на пятое место среди зарубежных рынков по объёму сбыта американской сельскохозяйственной продукции [Moon, Emily, 2019].

Для оценки перспектив последствий торговой политики Д. Трампа необходимо иметь в виду, что значительная часть различных видов *несельскохозяйственной* продукции, производимой в США, также идёт на экспорт. Особенно наглядно данный фактор проявляется на уровне отдельных штатов. Например, на гражданские самолеты, двигатели, детали приходится 54,4% объёма экспорта в штате Вашингтон, 37,7% – в штате Коннектикут, 37,6% – в штате Кентукки [15].

Данные по экспорту штатов показывают, что значительная его часть сконцентрирована на нескольких зарубежных рынках, в том числе на китайском. В некоторых штатах, к примеру, в Нью-Мехико, на Аляске, в Вашингтоне, доля Китая в объёме их экспорта превышает 20%.

В 18 штатах свыше половины объёма экспорта приходится всего на три страны назначения (табл. 2)

Таблица 2

Доля основных стран назначения экспорта из США, по штатам

Штаты	Объём экспорта, млрд долл.	Доля стран назначения в общем объёме экспорта, %
Аляска	4,942	Китай – 26,8 Япония – 16,4 Канада – 14,3
Аризона	20,917	Мексика – 36,2 Канада – 10,3 Китай – 5,7
Округ Колумбия	1,483	Кувейт – 53,2 Объединённые Арабские Эмираты – 16,1 Марокко – 5,5
Гавайи	0,952	Австралия – 35,7 Сингапур – 14,3 Китай – 13,1
Иллинойс	65,187	Канада – 27,1 Мексика – 15,1 Китай – 8,1
Индиана	37,737	Канада – 34,9 Мексика – 13,4 Китай – 5,5
Айова	13,399	Канада – 30,4 Мексика – 16,9 Япония – 7,5

Мэн	2,712	Канада - 48,0 Китай - 8,8 Малайзия - 5,8
Мичиган	59,870	Канада - 41,6 Мексика - 20,9 Китай - 6,1
Миссури	14,206	Канада - 36,5 Мексика - 18,1 Китай - 6,5
Монтана	1,616	Канада - 42,4 Южная Корея - 16,2 Китай - 8,0
Небраска	7,206	Канада - 22,0 Мексика - 21,0 Япония - 10,8
Невада	12,162	Швейцария - 38,9 Индия - 14,8 Канада - 9,1
Нью-Мехико	3,610	Мексика - 44,0 Китай - 27,8 Саудовская Аравия - 3,8
Огайо	50,103	Канада - 37,8 Мексика - 13,0 Китай - 7,6
Техас	264,541	Мексика - 36,9 Канада - 8,7 Китай - 6,2
Вермонт	2,776	Канада - 38,6 Гонконг (особый район Китая) - 9,4 Китай - 7,3
Висконсин	22,306	Канада - 31,0 Мексика - 14,3 Китай - 7,8

Составлено по данным: Foreign Trade Statistics. U.S. Census Bureau, 2018.

<https://www.census.gov/foreign-trade/statistics/state/data/index.html>

В ряде штатов избиратели без особого энтузиазма оценивают политику действующего президента: доля респондентов, полагающих, что повышение тарифов приведёт к росту стоимости жизни для американцев и может принести ущерб экономике, превышает долю тех, кто считает его политику позитивной для американской экономики и населения. По данным мониторинга общественного мнения, в штате Пенсильвания, одном из тех, которые стали опреде-

ляющими для исхода президентских выборов 2016 г.; в августе 2018 г. значительно меньшая часть избирателей верила в то, что политика действующего президента приведёт к экономическому процветанию, по сравнению с теми, кто считал, что результаты будут негативными.

По данным опроса «Эн-би-си/Марист» (*NBC/Marist*), лишь 28% зарегистрированных в штате Пенсильвания избирателей считали, что принятые меры эффективны, а 46% были уверены в том, что они приведут к росту стоимости жизни и нанесут ущерб американской экономике. Такие результаты представляют особый интерес в силу того, что штат Пенсильвания (наряду со штатами Огайо, Мичиган, Айова, Висконсин, входящими в так называемый «Ржавый пояс» (*Rust Belt*) – географически охватывает часть восточного побережья США и Среднего Запада) стал одним из критически важных для победы на президентских выборах 2016 г. Д. Трампа, который обещал «покончить» с «несправедливыми торговыми практиками» для возрождения обрабатывающей промышленности в таких штатах, как Пенсильвания.

В штате Техас, внесшим весомый вклад в победу Д. Трампа, доля поддержавших его тарифную политику немного выше – 33%; но все-таки меньше доли респондентов (40%), считающих, что предпринятые в этом направлении меры нанесут ущерб американской экономике и приведут к подорожанию товаров [16].

Представленные выше оценки политики действующего президента на уровне штатов исключительно важны, особенно с учётом особенностей избирательной системы США, когда результаты президентских выборов могут зависеть от голосов избирателей в нескольких штатах, как это произошло на президентских выборах 2016 года.

По расчётам экспертов «Тэкс фаундейшн» (*Tax Foundation*), в результате повышения тарифов на импортируемую продукцию в период президентства Д. Трампа американцы ещё столкнутся с «растущей налоговой нагрузкой, ощущаемой прежде всего для низкодоходных домохозяйств» [York, Erica, 2018].

Общий эффект тарифной гонки пока не так заметен для потребителей на фоне снижения налоговой нагрузки на корпоративный сектор и физических лиц по закону 2017 г. «О сокращении налогов и рабочих местах» (*2017 Tax Cuts and Jobs Act*). Однако инвесторов, да и домохозяйства, всё больше беспокоят перспективы третьего десятилетия, учитывая постепенное ослабление стимулов, связанных с налоговой реформой; ожидаемый рост цен, неопределённость экономического роста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. В ПРЕДДВЕРИИ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2020 Г.

Выполнение Д. Трампом предвыборных обещаний 2016 г. повлекло многообразные эффекты краткосрочного и долгосрочного характера. Перестройка внешнеэкономических отношений Соединённых Штатов в период президентства Д. Трампа, перелом в подходах к решению глобальных вопросов привели к изменению имиджа США в мире. Отступление Соединённых Штатов от дли-

тельно продвигаемых в их политике и практике принципов либерализации международных экономических отношений будет иметь долгосрочные последствия на глобальном, региональном и национальном уровнях.

«Вирус» экономических установок, исходящих из «национального эгоизма», не исчезает в одночасье, а его проявления в дальнейшем могут присутствовать в разных формах в течение длительного периода, распространяясь по миру. Необходимо также учитывать, что изменение соотношения сил в мировом хозяйстве на современном этапе глобального развития происходит в условиях всё более ощутимой политизации экономических отношений между странами, нестабильности развития их взаимодействия на двустороннем и многостороннем уровнях.

В преддверии президентских выборов 2020 г. в самих Соединённых Штатах результаты опросов общественного мнения показывают существенные расхождения в оценках политики Д. Трампа; возросшее в ряде штатов в течение прошлого – начала текущего года беспокойство американцев в связи с ожидаемым ростом стоимости жизни, снижением позитивных эффектов налоговой реформы. Среди значительной части производителей промышленных товаров и сельскохозяйственной продукции, отмечена обеспокоенность неопределённостью экономических перспектив, возможностей экспорта.

В то же время по итогам февральского опроса Института Гэллага [17], ожидания американцев относительно состояния их личных финансов возросли до рекордно высокого за последние 16 лет уровня – 69% респондентов считают, что их финансовое положение в феврале будущего года (года президентских выборов) улучшится. За период проведения 114 подобных опросов с 1977 г. такой оптимизм был отмечен лишь однажды.

ИСТОЧНИКИ

[1] Nomi Prins. These 5 Trump Policies Are Leading Us Toward Economic Chaos. The question is not if but when. *The Nation*, August 2, 2018. Available at:

<https://www.thenation.com/article/5-trump-policies-leading-us-towards-economic-chaos/> (accessed 06.03.2019).

[2] 2020 Election Nightmare. *Intelligencer*, May 2019. Available at: <http://nymag.com/intelligencer/2019/05/2020.html> (accessed 06.05.2019).

[3] Bump Philip. Trump Might Want Keep Closer Eye Texas. *Washington Post*, February 22, 2019. Available at: <https://www.washingtonpost.com/politics/> (accessed 10.03.2019).

[4] Trade Wars, Trump Tariffs and Protectionism explained. *BBC*, May 10, 13, 2019, Available at: <https://www.bbc.com/news/> (accessed 14.05.2019).

[5] World Economic Outlook. IMF. April 2019. 54 p. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2019/03/28/world-economic-outlook-april-2019> (accessed 25.04.2019).

- [6] White Martha C. Trump's Policy Could Have "Severe Consequences" World-wide. June 7, 2018. Available at: <https://www.nbcnews.com/business/economy/> (accessed 12.02.2019).
- [7] U.S. International Transactions Tables. Available at: <https://apps.bea.gov/scb/2019/04/> (accessed 06.05.2019).
- [8] Report to President Donald J. Trump by the Interagency Task Force. Washington, DC, September 2018. 146 p. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Oct/05/> (accessed 20.01.2019).
- [9] Science & Engineering Indicators. (2018). U.S. National Science Foundation. Available at: <https://www.nsf.gov/statistics/2018/nsb20181/> (accessed 06.02.2019).
- [10] Huawei Financial Chief Detained in Canada. Available at: <https://ru.euronews.com/2018/12/06/> (accessed 06.02.2019).
- [11] What U.S.-China Tech-Wars Mean. Available at: <https://carnegieendowment.org/2019/05/01/> (accessed 06.05.2019)
- [12] WTO Trade Forecasts. April 2, 2019. Available at: https://www.wto.org/english/news_e/pres19_e/pr837_e.htm (accessed 23.04.2019)
- [13] Recent Tariffs are Not Positive for Business. NABE Business Conditions Survey. April 2019. Available at: https://nabe.com/NABE/Surveys/Business_Conditions_Surveys/April_2019_Business_Conditions_Survey_Summary.aspx (accessed 06.05.2019).
- [14] Survey of Current Business, April 2019. Available at: <https://apps.bea.gov/scb/2019/04/> (accessed 06.05.2019).
- [15] Foreign Trade. U.S. Census Bureau, 2018. Available at: <https://www.census.gov/foreign-trade/> (accessed 06.02.2019).
- [16] Trump's Tariffs are Unpopular in Key Midterm States Texas, Pennsylvania and Illinois: NBC News/Marist polls. Available at: <https://www.cnbc.com/2018/08/23/> (accessed 20.01.2019).
- [17] Americans' Confidence in Their Finances Keeps Growing. Gallup, February 2019, 2019. Available at: <https://news.gallup.com/poll/246602/americans-confidence-finances-keeps-growing.aspx> (accessed 20.04.2019).
- [18] National Security Strategy of the United States of America. 2017. Washington, The White House, December. 68 p.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Глобальный прогноз. 2017. Мир 2035. Под ред. академика А.А. Дынкина. Москва: Магистр. 352 с.
- Дмитриев С.С. 2018. Предсказуемо непредсказуемая торговая политика – США против всех. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, № 2. С. 113–132.
- Комкова Е.Г. 2019. Канадско-американские отношения в 2018. *Россия и Америка в XXI веке* [электронный журнал], № 1. <https://rusus.jes.su/s207054760004628-7-1/>. DOI: 10.18254/S207054760004628-7

Лебедева Л.Ф. 2019. Китайский вектор политики США во второй половине текущего десятилетия: экономический аспект. *Международная торговля и торговая политика*, № 1. С. 19–30. DOI: 10.21686/2410-7395-2019-1-19-30

REFERENCES

- Bindi F. 2019. Europe and America: The End of the Transatlantic Relationship? Brookings Institution, April 23.
- Bown Chad P., Zhang (Yiwen) Eva. 2019. Measuring Trump's 2018 Trade Protection: Five Takeaway. ПИЕ. February 15.
- Dmitriev S.S. 2018. Predictably Unpredictable Trade Policy – the United States versus All Others. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. No 3. P. 113-132.
- Global Forecast World 2035. 2017. ed. Dynkin A.A. M: Magistr. 352 p.
- Komkova E. 2019. Canada – U.S. Relations in 2018. *Russia and America in XXI century*. No 1. <https://rusus.jes.su/s207054760004628-7-1/>. DOI: 10.18254/S207054760004628-7
- Lebedeva L. 2019. Chinese vector of U.S. Policy in the Second Half of Current Decade: Economic Aspect. *International Trade and Trade Policy*. No 1. P. 19-30. DOI: 10.21686/2410-7395-2019-1-19-30
- Levitz Eric. 2019. 2021 Could Be a Nightmare for Democrats – Even If Trump Loses. *Intelligencer*. May 2.
- Moon Emily. 2019. How the Trade Has Affected American Farmers. *Pacific Standard*, February 7.
- Trump and China. 2018. Formalize Tariffs. Peterson Institute of International Economics, September.
- York Erica. 2018. The Economic and Distributional Impact of the Trump Administration's Tariff Actions. Tax Foundation. December 5.
- Young Stephen. 2018. Trump's Trade War Leaves Texas at Head of Dark Path. *Dallas Observer*, July 11.

Информация об авторе/ Information about the author

Лебедева Людмила Федоровна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела экономических исследований Института США и Канады Российской академии наук. Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Liudmila F. Lebedeva, Doctor of Economics, Professor, Chief researcher, Department of Economic Studies, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences. 2/3 Khlebnny per., Moscow 121069, Russian Federation.

УДК. 339.727

DOI: 10.31857/S032120680005966-6

Регулирование иностранных инвестиций в США: новые подходы и приоритеты

М.К. Перова

*НИИ мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова
Российской академии наук. Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная, 23,
ORCID: 0000-0002-9698-5910 e-mail: mkperova@yandex.ru*

Статья поступила в редакцию 24.05.2019.

Резюме: В центре внимания статьи реформа регулирования иностранных инвестиций в США, изменившая подходы к оценке вложений, представляющих потенциальные риски национальной безопасности. Анализируются основные предпосылки реформы, а также новые элементы инвестиционного регулирования, которые содержатся в законе «О совершенствовании процесса рассмотрения рисков иностранных инвестиций», принятом в 2018 г. Проведённый анализ показывает взаимосвязь рисков национальной безопасности с ростом иностранных инвестиций в США и их меняющейся структурой. Так, наибольшее число сделок, рассматриваемых Комитетом по иностранным инвестициям (КИИ), приходится на производство компьютеров и электронных компонентов, в котором применяемые технологии составляют важнейшие элементы конкурентоспособности, технологического лидерства США и влияют на широкий спектр проблем в сфере национальной безопасности. В результате принятых законодательных мер произошли существенные изменения в полномочиях КИИ, административных процедурах и в сфере принятия решений. Однако попытка усилить защиту национальной безопасности и сохранить при этом открытость в инвестиционной политике пока не выглядит как сбалансированный подход. Особое внимание уделено политике Китая. Подход, координируемый правительством этой страны, скорее служит официальным стратегическим целям, нежели сугубо коммерческим интересам, таким как выход на рынок США, увеличение продаж, диверсификация инвестиций.

Ключевые слова: иностранные инвестиции, национальная безопасность, закон 2018 г. «О совершенствовании процесса рассмотрения рисков иностранных инвестиций», расширение полномочий КИИ, административные процедуры

Для цитирования: Перова М.К. Регулирование иностранных инвестиций в США: новые подходы и приоритеты. *США & Канада: экономика, политика, культура* 2019 49(8): 38-53. DOI: 10.31857/S032120680005966-6

Regulation of Foreign Investment in the United States: New Approaches and Priorities

Margarita K. Perova

*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of
the Russian Academy of Science.*

ORCID: 0000-0002-9698-5910 e-mail: mkperova@yandex.ru

Received 24.05.2019.

Abstract: The paper focuses on the U.S. investment regulation reform that changed the approaches to the evaluation of foreign investment posed potential risks to national security. The study of this issue implies the analysis of the main factors that induced this reform and also emerging elements of investment regulations contained in the Foreign Investment Risk Review Modernization Act of 2018 (FIRRMA). The analysis suggests that the national security risks arise from the increased foreign investment in this country and their changing composition. Committee on Foreign Investment in the United States reviews the largest number of transactions in the computers and electronic products. However, these technologies are the most important component of US competitiveness and technological leadership, and also affect a wide range of national security issues. A special attention is paid to China's policy. Coordinated by the Chinese government approach serves official strategic purposes, rather than purely commercial interests, such as entry into the U.S. market, increased sales, diversification of investment. Legislative measures, effected by FIRRMA, result in substantial changes in CFIUS authorities, administrative procedures, decision making. An attempt to strengthen the government's ability to protect national security while preserving the open investment policy does not yet look like a balanced approach.

Keywords: foreign investment, national security, expansion of CFIUS authorities, administrative procedures, FIRRMA.

For citation: Perova M.K. Regulation of Foreign Investment in the United States: New Approaches and Priorities. *USA&Canada: Economics, Politics, Culture 2019 49(8):38-53.* DOI: 10.31857/S032120680005966-6

ВВЕДЕНИЕ

Современная реформа законодательной базы инвестиционной политики США, безусловно, представляет интерес для мирового сообщества. Традиционно являясь лидером в вывозе прямых иностранных инвестиций и крупнейшей в мире принимающей страной, США в целом придерживались баланса между защитой интересов национальной безопасности и сохранением открытой инвестиционной политики. Однако меняющаяся природа иностранных инвестиций и растущие риски национальной безопасности заставили во многом переосмыслить подходы к оценке этих вложений. В данной связи представляется важным выделить факторы, обусловившие эти сдвиги, а также рассмотреть нормы регу-

лирования, предписанные недавно принятым законом «О совершенствовании процесса рассмотрения рисков иностранных инвестиций» (*the Foreign Investment Risk Review Modernization Act of 2018 - FIRRMA*).

ОСНОВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕФОРМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

История американской системы федерального регулирования в сфере иностранных инвестиций берёт своё начало в 1975 г., когда «недоверие» к увеличивающемуся притоку вложений странами - членами ОПЕК заставило власти страны принять решение о создании Комитета по иностранным инвестициям США - КИИ (*Committee on Foreign Investment in the United States, CFIUS*) [1].

В 1988 г. с вступлением в силу поправки Эксона - Флорио (*Exon-Florio*) к закону «Об оборонном производстве» (*the Defense Production Act of 1950*) процесс контроля был усилен. Подобные меры на этот раз были вызваны ростом инвестиций Японии и, в частности, попыткой японской компании «Фьюйтсью» (*Fujitsu*) приобрести американского производителя компьютерных чипов «Фейрчайлд семикондактор» (*Fairchild Semiconductor*). Рассмотрение сделок с участием иностранных инвесторов вновь претерпело изменения с принятием закона «Об иностранных инвестициях и национальной безопасности» (*the Foreign Investment and National Security Act of 2007, FINSА*). Поводом послужило якобы «механическое утверждение» КИИ сделки по приобретению оператора портов «Пи энд Кью» (*Peninsular and Oriental Steam Navigation Company, P&Q*) компанией «ДП уорлд» (*DP World*). Страной базирования данной компании были Объединённые Арабские Эмираты, находившиеся в тот период под подозрением в причастности к событиям 11 сентября 2001 г. Арабская компания добровольно отказалась от собственности в «Пи энд Кью» и продала купленные активы.

После финансового кризиса 2007-2008 гг. главная движущая сила инвестиционных потоков в США - международные слияния и поглощения - возобновила рост, и в течение 2011-2018 гг. прямые иностранные инвестиции выросли в 1,7 раза, с 2434,8 млрд долл. до 4025,5 млрд (*historical-cost basis*) [2]. Рост прямых иностранных инвестиций неизбежно привёл и к увеличению количества операций слияний и поглощений, подпадающих под рассмотрение КИИ. Общее число уведомлений, направленных в 2011-2017 гг. в КИИ, выросло со 111 до 238 [3: 14].

Актуализации проблематики национальной безопасности в инвестиционных взаимосвязях во многом способствовала динамика современных технологических нововведений. Последняя мощная волна инноваций принесла с собой искусственный интеллект, машинное обучение, современную робототехнику, большие данные, технологии блокчейн, интернет вещей и т.д. Применение этих технологий сопровождалось использованием онлайн уязвимости и, в частности, столь разрушительными методами, как кибератаки. Так, по оценкам руководителя службы безопасности одной из аудиторско-консалтинговых групп BDO

(международное объединение аудиторских и консалтинговых компаний, название которой формируют первые буквы имён её основателей – Binder, Dijker, Otte) в 2018 г. атаки вымогателей увеличились на 350%, атаки спуфинга (*spoofing* - операция, когда один человек или программа маскируются под другого/другую) и фишинга (*phishing* – разновидность интернет-мошенничества) на 70%. По сведениям Комиссии по ценным бумагам и биржам США (*the U.S. Securities and Exchange Commission*), средняя стоимость ущерба в результате взлома киберданных выросла с 4,9 млн долл. в 2017 г. до 7,5 млн долл. в 2018 г. [4]. Усилилась также подверженность рискам в области безопасности, связанным с интернетом вещей. Согласно оценкам, до 20 млрд устройств доступа к интернету уже нашли применение. Ожидается удвоение этого числа в течение пяти лет, что, безусловно, повышает уязвимость не только владельцев данных устройств, но и общества в целом.

К важнейшим аспектам развивающейся цифровой экономики можно отнести агрегирование данных в удалённой среде, что открывает новые возможности анализа, создания стоимости и применения искусственного интеллекта. Помимо хранения данных и выполнения программ, облачная среда может объединить вычислительные мощности и хранить огромные новые объёмы данных, автономно поступающих из интернета вещей. Однако доступ к большим данным в случае приобретения иностранного участия может означать и серьёзные риски, обусловленные нарушением их сохранности и конфиденциальности. Подключение иностранного партнёра грозит потерями также компаниям, которые разрабатывают технологии, имеющие приложения, связанные с национальной безопасностью. Таким образом, сложившаяся ситуация явно свидетельствует о выходе характера проблем за рамки традиционных угроз.

Реагируя на происходящие изменения, КИИ в докладе за 2015 г. расширил перечень соображений, которыми следует руководствоваться при оценке влияния сделки на национальную безопасность. Этот перечень включил американские компании, которые «хранят значительные объёмы данных о лицах и бизнесе США» в секторах, важных для национальной безопасности, прежде всего, в страховании, здравоохранении и секторе технологических услуг. Упомянутые данные должны содержать номера социального страхования, домашние адреса, информацию о кредитных картах и ряд аналогичных сведений. Перечень КИИ также дополнили компании, функционирующие «в области, оказывающей значительное влияние на национальную безопасность, в которой мало альтернативных поставщиков и при этом потеря технологической конкурентоспособности США может нанести ущерб национальной безопасности» [5: 24].

Обобщая инвестиционную практику, затрагивающую интересы национальной безопасности, эксперты одной из ведущих юридических фирм «Ковингтон энд Бёрлинг ЛЛП» (*Covington & Burling LLP*) выделили факторы, которые должны стать обязательной частью анализа рисков КИИ в дальнейшем: наличие специалистов, способных к разработке передовых технологий, выгодно отличающихся от уже действующих; личные данные граждан США; тестирование опре-

делённых технологий; поставка материалов для критически важной инфраструктуры. Все выделенные факторы рассматриваются по наступательным и оборонительным причинам как потенциально имеющие отношение к национальной безопасности Соединённых Штатов [6].

Параллельно технологическим сдвигам происходили изменения и в структуре собственности, усложнялся её характер. Весомый вклад в эту тенденцию, безусловно, внесла интенсивная динамика глобализации. Отношения собственности в филиалах иностранных компаний стали устанавливаться с использованием сложных схем международных связей, где участвуют в среднем три юрисдикции. Около 30% иностранных филиалов принадлежат иностранному же собственнику не напрямую, а через отечественную структуру. Собственность более 10% филиалов оформлена с привлечением промежуточных структур в третьей стране, причём около 1% принадлежат отечественному (т.е. американскому) инвестору. Почти 60% иностранных филиалов многонациональных предприятий имеют многозвенные международные связи со своим собственником - материнской компанией [7: xii]. Размытость «гражданства» инвесторов и собственников иностранных филиалов вносит неопределённость в применение мер инвестиционной политики, включая и защиту интересов национальной безопасности. К тому же взаимосвязи, создаваемые структурой сделки, могут маскировать различия между контролем со стороны частного бизнеса и государства.

Важнейшим фактором в оценке рисков становятся также сдвиги в позициях ведущих стран-инвесторов. Так, в 2008 г. в эту группу входили: Великобритания (48 уведомлений), Франция (12). Израиль (12). Однако активизация участия Китая в американских операциях нарушила в целом привычный порядок. В 2016 г. Китай возглавил группу инвесторов с 67 операциями против 10 в 2011 г., следом расположились Великобритания и Канада. В отраслевой структуре уведомлений заметный перевес устойчиво сохраняет обрабатывающая промышленность - 42% в 2016 г., в рамках которой лидирует производство компьютеров и электронных компонентов - 45% уведомлений [4: 39]. В этом секторе концентрируются и инвестиционные предпочтения Китая - 57% прямых вложений.

В подобной направленности инвестиций вполне отчётливо просматривается целевое назначение китайских вложений - достижение Китаем глобального лидерства в области разработки и производства полупроводников, зафиксированное в Плане «Сделано в Китае (*Made in China*)-2025». В реализации данного Плана объединяются усилия государства и частного сектора, а его приоритеты подразумевают инновации, акцент на качество, обеспечение защиты окружающей среды, оптимизацию структуры китайской промышленности и подготовку квалифицированных специалистов. В Плане поставлена задача: поднять отечественное содержание основных компонентов и материалов до 40% к 2020 г и до 70% к 2025 г. Согласно сведениям «Родиум групп» (Rhodium Group), в период 2013 - ноябрь 2016 г. китайская сторона рассматривала приобретение 27 полупроводниковых фирм США стоимостью более 37 млрд долл. [Hanemann T.,

Rosen D., 2016: 79]. Несложно предположить и дальнейший ход событий - передачу ценнейших и дорогостоящих элементов американских активов в Китай. Между тем полупроводники являются своего рода строительными блоками почти всей электроники и, соответственно, затрагивают широкий спектр проблем, включающий необходимость сохранения конкурентоспособности и технологического лидерства, поддержку цепочек поставок, ослабление подверженности рискам в случае кибератак. Анализируя сложившуюся ситуацию, один из разработчиков закона сенатор Дж. Корнин, даже предложил образное сравнение китайских инвестиций с «пылесосом», вытягивающим из США передовые технологии [8].

Стремление Китая догнать мировых лидеров в области производства полупроводников уже привело к череде несостоявшихся приобретений, включая такие компании, как «Филипс люмиледс лайтинг» (*Philips Lumileds Lighting*), производящую светоизлучающие диоды высокой мощности, и «Уэстерн диджитл корп.» (*Western Digital Corp.*), выпускающую жёсткие диски компьютера; «Фейрчайлд семикондактор интернэшнл, инк.», специализирующуюся на производстве высокопроизводительных полупроводниковых устройств. В 2016 г. президент Б.Обама наложил запрет на приобретение Китаем производителя телекоммуникационного оборудования «Экстрон» (*Aixtron*). В 2017 г. аналогичное решение принял и президент Д. Трамп в отношении «Латтис семикондактор» (*Lattice Semiconductor*).

Сегодня на американском рынке представлены преимущественно частные китайские компании. Однако ключевую роль в расширении внешних вложений Китая продолжает играть государство, оказывая мощную поддержку этим инвесторам (субсидии, льготные кредиты, налоговые льготы). В частности, участвуя в торгах за «Юнокл» (*Unocal*), китайская *Снук* (*CNOOC*) получила в общем объёме заимствуемых средств 7 млрд долл. субсидированных кредитов от материнской компании СНООК, принадлежащей государству, причём 2,5 млрд из них были беспроцентными в течение двух лет с возможностью продления таких условий до 30 лет [9: 8-9]. Государство нередко делает компании, осуществляющие внешние вложения, проводником своих целей. Так, интересы не только частной китайской компании «Раллс» (*Ralls Corporation*), просматривались в сделке по приобретению четырёх американских компаний, занимающихся строительством ветряных электростанций, под общим названием «Баттер-Крик прожектс» (*the Butter Creek projects*). Реализация проектов началась недалеко от авиационной базы ВМС США в Бордмане, Орегон (*Naval Air Station Whidbey Island*), где проходят испытания, в том числе и беспилотных летательных аппаратов, и где один из объектов (*Lower Ridge*) расположен в зоне ограниченного воздушного пространства. Сделка была блокирована президентом Б. Обамой, а доказательство её негативного влияния на национальную безопасность связывалось с появлением «мёртвых зон» на экране индикатора РЛС, препятствующих контролю радами воздушного пространства.

Китайские инвесторы осуществляют вложения и через компании, базирующиеся за пределами Китая. Так, согласно данным Бюро экономического анализа США, в 2016 г. объём китайских ПИИ достиг 27,5 млрд долл., но применение методики УБО (UBO, Ultimate beneficial owner) увеличило оценку ПИИ до 58,2 млрд долл. [10]. Подобные методы вложений, безусловно, мешают КИИ анализировать инвестиции и проводить оценку потенциальных угроз. Ряд китайских компаний стремился также уйти от общепринятого правила добровольного направления уведомления. В частности, это относится к «Фосун интернэшнл» (*Fosun International*), пытавшейся таким образом приобрести американскую «Райт ЮСА» (*Wright USA*), но в результате вмешательства КИИ в сентябре 2016 г. сделка не состоялась.

Американская сторона также располагает доказательствами того, что, получая контроль и открывая доступ к активам компаний, китайские инвесторы с помощью киберэкономических схем снижают её стоимость и приобретают активы в США ниже их рыночной цены. Подобные действия были предприняты, в частности, в отношении компаний – производителей мобильных телефонов [11]. В практике китайских инвесторов и применение защиты суверенного иммунитета к коммерческой деятельности, что позволяет государственным предприятиям Китая вести незаконную деятельность в США, избегая при этом правовых последствий.

Подобные методы, безусловно, представляют потенциальный риск для американских предприятий и физических лиц. Между тем принятый в 1976 г. в США закон «Об иностранных суверенных иммунитетах» (*Foreign Sovereign Immunities Act*) устанавливает исключения из иммунитета того иностранного государства, которое позволяет судам США рассматривать споры. В частности, предусматривается неприменение правила иммунитета в отношении коммерческой деятельности такого государства (§ 1605a). Активно используются и вполне законные возможности избежать рассмотрения дела в КИИ. Многие сделки, связанные с передачей технологии, структурированы как совместные предприятия или с участием на условиях меньшинства и в соответствии с действовавшим на тот период законодательством не подпадали под юрисдикцию КИИ.

Анализируя операции, рассмотренные КИИ в 2011 г., американская разведка впервые указывает на вероятность «координированной стратегии» одного или более иностранных государств, а также фирм по приобретению американских компаний, действующих в сфере исследований, разработки и производства «критических технологий», где США являются ведущим производителем. Ранее подобное обстоятельство рассматривалось как маловероятное. В открытой версии доклада КИИ не представлена конкретная информация, обосновывающая данный вывод. Однако его реалистичность подтверждают ссылки на некоммерческую природу операций, которая не отвечает таким легитимным целям, как выход на американский рынок, увеличение продаж, диверсификация бизнеса и т.д. В пользу данного вывода, по мнению авторов, говорят предпринятые по-

пытки и проведенные сделки по приобретению компаний США в области «критических технологий», где в роли покупателя выступало иностранное государство или подконтрольные ему структуры. Весомым аргументом также стало и обеспечение специально предназначенных стимулов по линии государства для таких приобретений [1:23,34]. В докладе КИИ за 2014 г. сделано предположение «о возможных попытках иностранных государств и отдельных фирм приобрести американские компании, действующие в сфере исследований, разработки и производства критических технологий, где США являются ведущим производителем». Отмечается также, что с большой долей вероятности иностранные государства продолжают использовать самые разные способы получения «критических технологий» США [5: 29, 32].

В целом непрозрачный характер роли государства в предпринимательской деятельности осложняет работу органов регулирования и ограничивает возможности КИИ управлять рисками в открытой экономике. Однако и само ведомство испытывает серьезные трудности в работе. Так, близкие показатели доли отозванных уведомлений были зафиксированы в 2014 г. (8%) и в 2015 г. (9%). Но за этими данными стоят разные условия рассмотрения операций. В 2014 г. одно из 12 уведомлений было вновь направлено, а в 2015г. уже 9 из 13, что свидетельствует об использовании КИИ разных процедурных уловок в целях продления периода рассмотрения. Задержка с выпуском докладов за 2015 г. и 2018 г., вероятно, подтверждает и возросшую нехватку ресурсов, в условиях которой КИИ работает. Так, в период 2011–2016 гг. количество уведомлений выросло на 55%, тогда как штат ведомства увеличился лишь на 11%.

Вместе с тем нельзя не отметить и усложнение характера самих сделок, требующих более тщательного подхода к их анализу. Так, в 2015 г. КИИ отклонил одно поданное уведомление на основании сокрытия информации, согласующейся с той, которая ему доступна. Данный отказ свидетельствует об осторожности, с которой КИИ рассматривает такую информацию, а также о наличии в распоряжении властей материалов, не предоставляемых стороной операции.

В 2017 г. подразделение военной разведки США (DUIx) опубликовало доклад «Стратегия передачи технологий в Китай: как китайские инвестиции в новейшие технологии позволяют стратегическому конкуренту получить доступ к жемчужинам инноваций США» (*China's Technology Transfer Strategy: How Chinese Investments in Emerging Technology Enable Strategic Competitor to Access the Crown Jewels of U.S.*). В докладе утверждается, что именно эти технологии являются «основополагающими», ибо их применение обеспечивает прогресс в широком спектре дальнейших научных разработок [Brown M., Singh P., 2018: 2]. В докладе также делается вывод о необходимости расширения юрисдикции КИИ в целях проверки всех операций по передаче технологии, включая и приобретение критически важных технологических компаний.

В ноябре 2017 г. сенатор Д. Корнин и конгрессмен Р. Питенгер представили законопроект «О совершенствовании процесса рассмотрения рисков иностран-

ных инвестиций» (*The Foreign Investment Risk Review Modernization Act of 2018, FIRRMA*). Конгресс его принял, и 13 августа 2018 г. президент Д. Трамп закон подписал.

НОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РЕГУЛИРОВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

Закон 2018 г. «О совершенствовании процесса рассмотрения рисков иностранных инвестиций» подтверждает курс на совместимость с ранее признанными принципами, разработанными в рамках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) – недискриминации, транспарентности, предсказуемости результатов, пропорциональности мер и ответственности власти за осуществление принципов, а также соблюдения баланса между защитой интересов национальной безопасности и сохранением открытой инвестиционной политики. Кроме того, в законе выделяется ряд базовых факторов, которые, по рекомендации Конгресса США, следует учитывать при оценке влияния иностранного участия на национальную безопасность [12]. Как-то:

- участвует ли в сделке страна, вызывающая особую озабоченность в связи с такой стратегической целью, как приобретение критических технологий или критической инфраструктуры, что могло бы повлиять на лидерство США в областях, связанных с национальной безопасностью;

- возможные последствия для национальной безопасности установленного контроля и характера недавних сделок, включающих элементы критической инфраструктуры, энергетических активов, материалов и технологии, в которых иностранная сторона представлена как государственными структурами, так и частными компаниями;

- соблюдала ли ранее иностранная сторона, участвующая в сделке, законы и правила регулирования США;

- влияет ли контроль иностранной стороны в сфере американской промышленности и коммерческой деятельности на потенциал и возможности страны удовлетворять требованиям национальной безопасности в таких аспектах, как наличие людских ресурсов, товаров, технологий, материалов, обеспечение услугами;

- степень раскрытия, прямо или косвенно, в ходе сделки личной информации, а также других конфиденциальных персональных данных граждан США, которые при их применении могут угрожать национальной безопасности страны;

- может ли рассматриваемая сделка усилить уязвимость в обеспечении кибербезопасности США, а также привести к расширению возможностей иностранного государства участвовать в киберактивности против США с враждебными намерениями, включая и влияние на исход любых выборов на федеральном уровне.

В толковании понятия «контроль» данный закон фактически придерживается ранее действующего определения, применяемого в рамках закона 2017 г. «Об иностранных инвестициях и национальной безопасности (*FINSA*). Данный термин подразумевает прямые или косвенные возможности устанавливать, управ-

лять и решать важные вопросы, влияющие на деятельность компании, при этом количественный критерий не фиксируется. Ключевым изменением в системе регулирования иностранных инвестиций является **расширение полномочий Комитета по иностранным инвестициям** (SEC.1703; 1719 (b)). В фокусе его внимания теперь такая категория, как «другие инвестиции» (*other investments*), которая включает вложения, не обеспечивающие контроль иностранному инвестору в неаффилированной американской компании. Закон выделяет уязвимость приобретаемого американского бизнеса в случаях, если тот 1) владеет, управляет, производит, поставляет, а также предоставляет услуги в сфере критической инфраструктуры, 2) производит, разрабатывает, тестирует, выпускает, изготавливает, а также совершенствует критические технологии, 3) хранит или собирает персональные данные американских граждан, применение которых может угрожать интересам национальной безопасности США.

«Критическая инфраструктура» трактуется как «системы и активы, физические и виртуальные, настолько жизненно важные для Соединённых Штатов, что неспособность или разрушение таких систем либо активов может оказать пагубное воздействие на национальную безопасность». Определение «критические технологии» в рамках данного закона в настоящее время представляет собой набор категорий, которые в основном связаны с режимом экспортного контроля. Приоритетное внимание здесь уделяется «новым и основополагающим технологиям», которые могут иметь важное значение в контексте технологических преимуществ. Но в функции главы КИИ входит только рекомендация относительно таких технологий для идентификации в рамках межведомственного процесса, изложенного в разделе 1758 (a) закона «О реформе экспортного контроля» 2018 г. (*Section 1758 of the Export Control Reform Act of 2018*). Однако далеко не все «другие инвестиции» подпадают под юрисдикцию КИИ. Иностранному инвестору становится носителем угрозы национальной безопасности только в случае осуществления «непассивных инвестиций» (*non-passive*). Такие вложения а) открывают иностранному инвестору доступ к любой материальной непубличной технической информации, находящейся в распоряжении американского бизнеса; б) позволяют выступать в роли члена совета директоров или наблюдателя; в) разрешают участвовать в принятии решений, рассматривающих «критически важную инфраструктуру», «критические технологии», а также конфиденциальные персональные данные граждан США.

Иной подход законодательство определяет применительно к пассивным инвестициям, которые являются основным источником средств в фонды, структурированные как товарищества с ограниченной ответственностью. Вполне отчетливо просматривается и основная сфера применения данного подхода - венчурные фонды. Закон уточняет условия, на основании которых поступающие средства не преобразуют фонды в иностранное юридическое лицо, подпадающее под юрисдикцию КИИ: если 1) фонд управляется полным партнёром, представляющим США (*U.S. general partner*); 2) консультативный комитет не контролирует

ет инвестиционные решения фонда, а также полного партнёра; 3) иностранное лицо не может контролировать фонд; (4) данное лицо не имеет доступа к существенной непубличной технической информации, несмотря на участие в консультативном комитете.

В полномочия КИИ теперь входит также анализ инвестиций в недвижимость (продажи, аренда, концессии). Закон выделяет уязвимость территориального размещения в случаях непосредственной близости к объектам, принадлежащим государству, морским и воздушным портам, военным базам. Считается, что подобное расположение обеспечивает иностранному лицу возможность собирать разведывательные данные о деятельности, осуществляемой на объекте, что, соответственно, несовместимо с интересами национальной безопасности.

В процессе рассмотрения сделок КИИ акцентирует внимание на таких факторах, как страна базирования инвестора, его взаимосвязи с государством и возможное влияние этой взаимосвязи на национальную безопасность США. И хотя формально режим не дифференцируется по странам, в качестве носителя более серьёзной угрозы национальной безопасности рассматриваются инвесторы из Китая. Так, в соответствии с законом, министр торговли должен направлять в Конгресс и КИИ каждые два года доклад по операциям Китая в сфере прямых вложений с разбивкой инвестиций по широкому спектру характеристик. Другие страны под эти особые требования не подпадают.

Новые элементы появились и в трактовке понятия «американский бизнес». Закон определяет такой бизнес, как «компанию, занимающуюся межштатной торговлей в США», что даёт КИИ право рассматривать приобретение любого бизнеса в любой точке мира, если этот бизнес связан с поставкой товаров или услуг в Соединённые Штаты. Под юрисдикцию Комитета подпадает любое слияние, приобретение или поглощение, осуществляемое через совместное предприятие, в результате которого может быть установлен контроль иностранной стороны.

В полномочия КИИ также входит возможность изменять права инвестора, если устанавливается контроль иностранной стороны или результатом сделки становятся «другие инвестиции», а также сделки с целью уклониться или обойти его юрисдикцию.

Расширение юрисдикции Комитета по иностранным инвестициям дополняют изменения в **административных процедурах**. (SEC.1704;1706;1712;1709;1712). Так, в целях рационализации процедур закон вводит новую, краткую форму уведомления - *декларацию*, которая может позволить получить одобрение КИИ в сжатые сроки. Такая декларация должна содержать основную информацию о сделке, а её объём не должен превышать пять страниц. Стороны могут сами выбрать форму, причём добровольно, - подать декларацию или официальное уведомление. В уведомление следует обязательно включать копии любых соглашений (партнёрских, интеграционных и др.), относящихся к сделке. Если операция подпадает под юрисдикцию КИИ, то ответ должен быть готов в течение 10 рабочих дней. В случае необходимости прояснить ситуацию, невозмож-

ности принять решение на основании данной декларации и обязательного получения уведомления в полной форме сроки ответа продлеваются до 30 дней. Закон обязывает направлять декларации, когда существенная доля участия (*substantial interest*) приобретается государством, а также в сфере критических технологий, критических инвестиций и персональных данных. Под термин «существенная доля участия» не подпадают инвестиции, которые не отвечают критерию «другие инвестиции», а также вложения с долей участия менее 10% голосующих акций. Данное положение позволяет КИИ анализировать возможности внешнего влияния через членство в совете директоров, долю в собственности, правах акционеров.

Рассматриваемый закон уполномочивает КИИ инициировать исследование сделки в одностороннем порядке в случае предоставления ложной или вводящей в заблуждение информации, а также изъятия существенной части сведений. Законом предусмотрены и гражданско-правовые санкции, если стороны не выполняют обязательных требований декларации. Вместе с тем обязательная декларация не требуется для инвестиционных фондов, если фонд управляется американским полным партнёром или его эквивалентом. КИИ может освободить от предоставления декларации иностранного инвестора, если в сделке не просматривается влияние государства, а также в случае соответствия его прежней деятельности действующим в США нормам регулирования.

Закон продлевает официальные сроки рассмотрения операций. До настоящего времени КИИ проводил первоначальный 30-дневный обзор с возможностью дополнительного 45-дневного расследования. Теперь продолжительность первого этапа продлевается до 45 дней, сохраняется 45-дневный второй этап, и при «исключительных обстоятельствах» КИИ получает право продлить расследование ещё на 15 дней. В рамках закона предусмотрен тщательный анализ угрозы национальной безопасности США директором Национальной разведки, который предполагает выявление пробелов в сборе разведывательных данных. Продление сроков рассмотрения операций даёт должностному лицу дополнительное время для подготовки оценки угрозы национальной безопасности по каждой сделке. Полный процесс рассмотрения КИИ потенциально может занять до 105 дней, в отличие от 75 дней в соответствии с ранее действующим законодательством.

В целях укрепления КИИ и его инфраструктуры закон разрешает взимать комиссию в размере не более одного процента стоимости сделки или 300 тыс. долл. Выбор может быть сделан в пользу более низкого показателя расходуемых средств.

Появились и дополнительные инструменты, снижающие риски национальной безопасности **в сфере принятия решений**. (SEC. 1718). Так, закон даёт право КИИ приостанавливать представляющую угрозу национальной безопасности сделку на любом из этапов её рассмотрения: обзор (*review*) – первый этап, расследование (*investigation*) – второй этап). Сделка может быть передана президенту страны для принятия решения, включая и запрет операции.

Если та или иная сторона добровольно решила отказаться от сделки, КИИ может применить «смягчающие меры», чтобы завершить операцию и ослабить риски национальной безопасности, которые могут проявиться в финальной стадии. В арсенале КИИ появились и меры, направленные на снижение рисков до завершения рассмотрения сделки. Как правило, стороны имеют право закрыть сделку до получения одобрения КИИ. Однако проблемы в предыдущей практике регулирования дали повод для разрешения в рамках закона такого временно-го запрета.

Важнейшим объектом внимания КИИ является соответствие деятельности компании мерам, зафиксированным в «смягчающем соглашении», при этом предварительно должно быть установлено позитивное влияние таких мер на риски. Следует также заранее определить, поддается ли соблюдение соглашения эффективному мониторингу. В этих целях КИИ формулирует и по мере необходимости обновляет план мониторинга. Он должен содержать конкретные сведения о том, как будет осуществляться мониторинг соблюдения, как часто будут проводиться обзоры соблюдения, какие меры будут приняты в случае отказа от сотрудничества. Если к соблюдению требований по смягчению последствий привлекается третья сторона, КИИ должен предотвратить конфликт интересов.

КИИ или другое ведущее ведомство могут принять дополнительные меры, если стороны не соблюдают требований соглашения. В этих случаях координируется план действий по устранению несоответствия, согласно которому стороны должны уведомлять КИИ обо всех своих операциях в течение пяти лет. В распоряжении этих структур и судебный запрет. Исключительной юрисдикцией в отношении гражданских исков, оспаривающих действия или выводы КИИ, наделяется Апелляционный суд США для округа Колумбия.

Необходимо отметить, что в полном объеме закон «О совершенствовании процесса рассмотрения рисков иностранных инвестиций» вступит в полную силу 5 марта 2020 г. С ноября 2018 г. вплоть до этого времени в рамках «критических технологий» (27 отраслей) реализуется пилотный проект закона. К тому же подлежит дальнейшему уточнению ряд ключевых терминов, относящихся к юрисдикции КИИ, в частности: существенный интерес, не аффилированные американские компании, конфиденциальные личные данные граждан США; лишь частично определена «критическая инфраструктура», должна быть дополнена и область применения «критических технологий»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Принятие закона «О совершенствовании процесса рассмотрения рисков иностранных инвестиций», безусловно, следует рассматривать как реформу регулирования иностранных инвестиций в США. Однако попытка усилить защиту национальной безопасности и одновременно обеспечить дальнейшее привлечение иностранных инвестиций пока не выглядит как сбалансированный

подход. В законодательстве явно доминирует разработка вопросов, относящихся к национальной безопасности.

Некоторые американские издания видят в этом законе «эволюцию политики США в направлении защиты расширенного круга интересов национальной безопасности», например, авторы статьи в журнале «Форбс» Х. Кларк и Р. Хароч [13]. А К. Шандлер и Э. Барет трактуют подход, обозначенный в данном законе как фундаментальное переосмысление столь привычной для США «свободы движения капитала» [14]. Заслуживает особого внимания и стремление рассматривать сделку в соответствии с её влиянием на технологическое лидерство в областях, связанных с национальной безопасностью, которое в данном случае фактически соизмеряется с утратой конкурентных преимуществ. Автор одного из известных блогов Макро Поло видит в этом элементе подхода и слегка ослабленный вариант промышленной политики [15].

Вместе с тем в новых правовых условиях может резко возрасти неопределённость в сделках по приобретению американских компаний, занимающихся разработкой технологий, прежде всего в случаях, когда инвестиции осуществляются с участием государства. Но при этом явно ущемляются интересы американских компаний. Так, в период 2015–2017 гг. инвестиции Китая в венчурные компании США составили почти 13% всех вложений. Китай вышел на второе место по объёму инвестиций после европейских стран. Как отмечает американская сторона, ситуацию порой осложняют и трудности в отделении потоков частного капитала от государственных средств [16].

Ужесточение контролирующих функций в системе регулирования на практике обычно приводит к отсрочкам вложений. Разработка «смягчающего соглашения», нередко вынужденный отказ от сделки могут сказаться и на совместных планах с американским партнёром. К тому же американские продавцы явно будут более настойчивы в принятии мер, направленных на смещение риска в сторону покупателей.

Между тем специалисты в области права отмечают, что сама структура закона пытается сбалансировать меры, усиливающие контроль в сфере определённых категорий инвестиций, при одновременном создании исключений для других типов инвестиций, рационализации процедур. Однако авторитетная юридическая фирма «Уайт энд Кейс» (*White & Case*) смотрит на перспективы открытой инвестиционной политики в рамках нового закона скорее оптимистично. Такие перспективы, в основном, связываются с дополнительным уточнением полномочий КИИ, которые, как предполагается, ограничатся лишь теми сделками, которые, наиболее вероятно, вызовут проблемы в сфере национальной безопасности [17].

Но современные реалии могут сложиться и в весьма неожиданную картину. Так, американские партнёры фирмы «Латам энд Уоткинс» (*Latham & Watkins*) предположили, что если ужесточение контроля будет препятствовать развитию новой и основополагающей технологии в США, а результаты такого рода разработок будут получены в другом месте, то это может поставить под угрозу наци-

ональную безопасность США больше, чем иностранные инвестиции, вложенные во внутреннее развитие [Wakely J., Inorf A, 2018: 50].

В заключение отметим, что значимость американской системы регулирования иностранных инвестиций не исчерпывается проблематикой данной страны. Степень открытости экономики США традиционно является мерилom для других стран в соблюдении баланса между открытой инвестиционной политикой и защитой интересов национальной безопасности.

ИСТОЧНИКИ

1. Committee on Foreign Investment in the United States. Annual Report to Congress. Report Period: CY 2011. Issued: December 2012, 35 p.
2. Foreign Direct Investment in the United States: Selected Items by Detailed Country, 2008-2017. Available at: [https:// www: be a gov/international/di1fdbal](https://www.bea.gov/international/di1fdbal) (accessed 10.04.2019).
3. Report to Congressional Requesters. 2018. February, 45 p.
4. Garrett G. Cyberattack skyrocketed in 2018. Are you ready 2018? *Industry Week*, 13.12.2018. Available at: [https:// www.industryweek.com/technology-and-iiot/cyberattacks-skyrocketed-2018-are-you-ready-2019](https://www.industryweek.com/technology-and-iiot/cyberattacks-skyrocketed-2018-are-you-ready-2019) (accessed 7.04.2019).
5. Committee on Foreign Investment in the United States. Annual Report to Congress. Report Period: CY 2015, 42 p.
6. Covington & Burling LLP. CFIUS Update: FIRRMA Finalized, Nears Passage. 2018 July 25. Available at: [https:// www: cov.com/en/news-and-insights/insights/2018/07cfius-update-firrma-finalized-nears-passage](https://www.cov.com/en/news-and-insights/insights/2018/07cfius-update-firrma-finalized-nears-passage) (accessed 10.04.2019).
7. World Investment Report 2016.
8. Council on Foreign Relations. Foreign Investments and U.S. National Security. 2018. Available at: [https:// www: cfr.org/backgrounder/foreign-investments-and-us-national-security](https://www.cfr.org/backgrounder/foreign-investments-and-us-national-security). (accessed 10.04.2019).
9. Du M., 2014. When China's National Champions Go Global: Nothing to Fear but Fear Itself? Available at: http://eprints.lancs.ac.uk/71782/1/TRAD_48_6_Ming_Du_Final.pdf. (accessed 25.02.2019).
10. Jennigs D., Stutzman S. Direct Investment Positions for 2016. Country and Industry Detail. Available at: http://apps.bea.gov/sch/pdf/2017/07%20july/0717_direct_investment_positions.pdf (accessed 5.03.2019).
11. Report to Congress of the U.S. - China Economic and Security Review Commission. 115 Congress. First Session. 2017. November, 643 p.
12. Foreign Investment Risk Review Modernization Act (FIRRMA). Act of 2018.
13. Ckark H. and Harroch R. Mergers, Acquisitions and Investments Involving U.S. Companies with Chinese & Other Foreign Partners. *Forbes*, August 13 2018.
14. Chandler C., Darrett E. Fear and FIRRMA. *Fortune* 2018, August 18.

15. Sheehan M. Tightening the vise on Chinese Investment in U.S. Tech. November 16, 2017. Available at: <https://macropolo.org./tightening-vise-chinese-investment-u-s-tech/> (accessed 23.04.2019).

16. Silicon Valley gets queasy about Chinese money. *The Economist*, August 9. 2018.

17. Williams R. CFIUS Reform and U.S. Government Concerns over Chinese Investment. *A Primer*. 2017 November 13. Available at: <https://www.lawfarblog.com/cfus-reform-and-us-government-concerns-over-chinese-investment-primer> (accessed 23.04.2019).

18. White and Case. Congress Finalizes CFIUS and Export Reform Legislation. 2018 July. Available at: <https://www.whitecase.com/publications/alert/congress-finalizes-cfus-and-export-control-reform-legislation> (accessed 05.03.2019).

REFERENCES

Croley S., Potter B., Concannon D., Carnegie L., Shapiro E. How FIRRMA Changes the Game for Tech Cos. and Investors/ *LAW 360* 2018. October 10.

Brown M., Singh P. 2018. China's Technology Transfer Strategy: How Chinese Investments in Emerging Technology Enable a Strategic Competitor to Access the Crown Jewels of U.S. DIUx, 48 p.

Hanemann T., Rosen D. 2016. Chinese Investment in the United States. *Recent Trends and the Policy Agenda*, 119 p.

Wakely J., Inorf A. 2018. Managing National Security Risk in an Open Economy: Reforming the Committee on Foreign Investment in the United States. *Harvard National Security Journal*, vol.9, 50 p.

Информация об авторе / Information about the author

Перова Маргарита Константиновна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра североамериканских исследований НИИ мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23.

Margarita K. Perova, Cand. Sci. (Economics), Senior Researcher, Center for North American Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, RAN. 23 Profsoiuznaya st., Moscow 117997, Russian Federation.

УДК – 327.81

DOI: 10.31857/S032120680005967-7

Американская помощь Египту после начала «арабской весны»: внутренние и внешние детерминанты

В.И. Бартенеv

Центр арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН.

Российская Федерация 107131 Москва, ул. Рождественка, д. 12

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Российская Федерация, 119991 Москва, Ленинские горы, 1;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9804-0630> e-mail: vladimir.bartenev@fmp.msu.ru

Статья поступила в редакцию 6.06.2019

Резюме: Среди многочисленных реципиентов американской помощи есть особая группа привилегированных партнёров, в которую с момента заключения Кэмп-Дэвидских договоренностей (1978 г.) неизменно входил Египет. Однако свержение его многолетнего лидера Хосни Мубарака в ходе «арабской весны» в начале 2011 г. побудило США поставить вопрос о пересмотре подходов к оказанию поддержки Каиру. Реагируя на череду смен властных конфигураций в стране-партнёре, Белый дом и Конгресс пытались оказывать влияние на политику египетских властей посредством манипулирования блокировкой помощью и изменением условий её предоставления. Логика и динамика этих усилий, как и основные ограничения, предопределявшие их характер и результативность, не рассматривались отдельно ни в американских, ни в ближневосточных исследованиях. Выявлено, что США экспериментировали с крайне разнообразными механизмами обусловленной помощи, но чистоту эксперимента нарушало множество факторов – не только внешних, но и внутренних. Политическая экономия военной помощи Египту, предопределенная её «связанным» характером и рядом финансовых привилегий, и постоянное давление оборонных компаний и произраильского лобби препятствовали следованию Вашингтоном жёсткой линии не меньше, чем стремление властей США получить выгоды от стратегического сотрудничества с Каиром или предотвратить усиление позиций конкурентов, в первую очередь, России. Египетские же власти отчётливо понимали логику действий партнёра и способы смягчения угроз блокировки помощи. Вкупе с щедрой поддержкой Каира монархиями Персидского залива это сыграло важную роль в том, что США оказались неспособны ускорить переход Египта к демократии в рассматриваемый период.

Ключевые слова: США, Египет, Израиль, «арабская весна», военная помощь, экономическая помощь, демократизация, права человека, контртерроризм, Б. Обама, Д. Трамп, Конгресс, военно-промышленный комплекс, лобби

Для цитирования: Бартенеv В.И. Американская помощь Египту после начала «Арабской весны»: внутренние и внешние детерминанты. *США & Канада: экономика, политика, культура* 2019; 49(8): 54-74. DOI: 10.31857/S032120680005967-7

U.S. Assistance to Egypt after the Arab Spring: Domestic and External Determinants

Vladimir I. Bartenev

*Institute for Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
12 Rozhdestvenka, Moscow 107031, Russian Federation;
Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Received 6.05.2019.

Abstract: Within a legion of the U.S. aid recipients, there is a narrow group of the most privileged partners which has included the Arab Republic of Egypt since the signing of the Camp David Agreements. However, the end of the 30-year rule of Hosni Mubarak during the Arab Spring in 2011 induced the United States to reconsider its support to Cairo. Reacting to a series of subsequent governmental changes the U.S. executive and the Congress sought to use suspending military and economic aid and modifying political, financial and technical conditions of its provision to influence domestic and foreign policies of Egypt. Logic and dynamics of these efforts, as well as the constraints that hindered their implementation under the Barack Obama and Donald Trump presidencies have not been examined yet in detail and with proper attention to the role of various domestic actors' interests and external developments, namely, the Egypt's actions and changes in its international environment.

The paper draws several key conclusions. Indeed, the United States has demonstrated its willingness to experiment with a truly unique range and combination of methods of using conditional aid as leverage but this experimentation process was distorted by a mixture of powerful internal and external factors. The domestic political economy of the U.S. military assistance to Egypt, determined by its 'tied' status and distinctive financial privileges, and a permanent pressure from defense and pro-Israeli lobbies (and lobbyists occasionally hired by Egypt) had as strong an impact as the U.S. authorities' intent to obtain perceived benefits from continuing strategic cooperation with Egypt or to avoid risks of 'losing' it to competitors, especially Russia. Egyptian governments understood clearly the logic of the U.S. aid provision and the ways to mitigate the threat of aid suspension, which – notwithstanding a parallel generous support from the Gulf countries to Cairo – may help explain the U.S. failure to accelerate Egypt's transition to democracy after 2011.

Keywords: United States, Egypt, Israel, Arab Spring, military aid, economic aid, democracy promotion, counterterrorism, human rights, Barack Obama, Donald Trump, Congress, military-industrial complex, lobby.

For citation: Bartenev V.I. U.S. Assistance to Egypt after the Arab Spring: domestic and external determinants. USA&Canada: economics, politics, culture 2019; 49(8): 54-74. DOI: 10.31857/S032120680005967-7

ВВЕДЕНИЕ

Соединённые Штаты Америки уже почти три четверти века остаются крупнейшим мировым донором, широко применяющим инструменты поддержки зарубежных стран для обеспечения своих интересов. Их уникальный опыт в данной области активно изучается и американистами, и исследователями проблем внешней

политики по обе стороны Атлантики [Шакиров А.Р., 2011; Глазунова Е.Н., 2012; Хлебникова Л.Р., 2014; Fleck R.K. and Kilby C., 2001; Milner H.V. and Tingley D.H., 2010; Lancaster 2017; Callaway R.L., Matthews E.C., 2009; Zimmermann A.M., 2017 и др.]. США оказывают содействие более чем ста государствам мира, но ряд партнёров находится в особом, привилегированном положении. В их число входит и самая населённая страна арабского мира - Египет.

Заключив мир с Израилем 40 лет назад, в 1979 г., Египет стал одним из крупнейших реципиентов американской помощи. К 2019 г. он получил от США более 83,8 млрд долл. Из них примерно 60% предоставляется в виде военной помощи, которая уже много лет составляет около 1,3 млрд долл. в год и тратится исключительно на закупки военной продукции и услуг в США, и около 40% - в виде экономической помощи, объёмы которой с 1979 г. сократились почти в 10 раз: с 1,088 млрд долл. до 112,5 млн долл. в 2019 фин. году [1: 27].

В период правления Хосни Мубарака (1981–2011 гг.) помощь Египту считалась «политически неприкасаемой» [Clarke D.L., 1997], и целесообразность её оказания не ставилась под сомнение. Лишь в конце второго срока Дж. Буша-младшего (2005–2009) отдельные члены Конгресса безуспешно попытались обусловить помощь выполнением Каиром определённых политических требований, но натолкнулись на сопротивление тех законодателей, которые были, как показал Л. Бергер [Berger L., 2012], теснее других связаны с оборонными компаниями.

Свержение Х. Мубарака в ходе «арабской весны» в феврале 2011 г. и последующее турбулентное политическое развитие Египта заставили США гораздо более активно манипулировать помощью, обуславливать её, приостанавливать и возобновлять в зависимости от изменения ситуации в Каире. Эта практика, получившая широкое распространение при президенте Б. Обаме (2009–2017), продолжилась и при его преемнике президенте Д. Трампе.

Процесс использования Вашингтоном инструментов управления помощью для оказания политического давления на Египет после 2011 г. имел свою особую динамику и логику, которые заслуживают как можно более детального рассмотрения. Такая постановка проблемы является полностью новой как для американских, так и ближневосточных исследований. К тому же опубликованные труды по развитию американо-египетских отношений (например, Шумилин А.И., 2013; Jadallah, 2016; Zimmermann A. M., 2017; Hassan, 2017 и др.) не покрывают всего рассматриваемого периода. Решение заявленных задач может иметь и практическое значение ввиду расширения масштабов использования Россией механизмов внешней помощи, в том числе на Ближнем Востоке.

МАНИПУЛИРОВАНИЕ ПОМОЩЬЮ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ (2011–2013)

25 января 2011 г. в Каире и ряде других городов начались масштабные антиправительственные протесты. Эти события поставили правительство США в сложное положение. 28 января Б. Обама в разговоре с Х. Мубараком призвал его воздержаться от применения насилия и провести реформы. При этом Белый дом

обозначил возможность пересмотра вопроса об оказании помощи Египту в зависимости, в частности, от того, как поведёт себя египетская армия [2]. Показательно, что в тот же день Обаме позвонил король Саудовской Аравии Абдалла и пообещал поддержать Мубарака в случае, если США заморозят помощь Египту [3].

На Капитолийском холме тем временем обозначились две противоположные позиции, олицетворяемые председателями подкомитетов по ассигнованиям на зарубежные операции комитетов по ассигнованиям Сената и Палаты представителей – соответственно, П. Лихи (демократ, штат Вермонт) и К. Грейнджер (республиканка, штат Техас). П. Лихи, известный, среди прочего, поправками, которые блокировали в 1990-е годы выделение военной помощи странам, нарушавшим права человека [Бартенев В.И., 2016: 217], пообещал перекрыть поток средств Египту, если Х. Мубарак попытается удержаться у власти [4]. В свою очередь, К. Грейнджер призвала к осторожности, указав на то, что Египет долгое время был оплотом умеренности на Ближнем Востоке и имеет мирный договор с Израилем [5]. Такая её позиция была не случайна. С одной стороны, К. Грейнджер имела тесные связи с произраильским лобби в США и руководством Израиля, с другой – представляла 12-й округ Техаса, где расположен ряд крупных оборонных предприятий, и решительно выступала за поддержку военного экспорта [McElhinny С., 2018: 160], прекрасно понимая специфику «египетского кейса».

Дело в том, что Египет многие годы был одним из главных импортёров продукции военного назначения из США, поставки которой оплачивались из «связанных» грантов, выделяемых по программе Зарубежное военное финансирование – ЗВФ (*Foreign Military Financing, FMF*). Именно Египет в своё время первым из арабских стран принял на вооружение самолёты *F-16*, наладил с 1988 г. совместное производство танков «Абрамс» (*Abrams M1A1*), активно закупал в США транспортные и ударные вертолёты, зенитно-ракетные комплексы, гаубицы.

Более того, Египет пользовался рядом дополнительных привилегий: во-первых, как основной союзник США вне НАТО (с 1989 г.) имел право на получение неиспользуемой американской военной техники, стоимость которой могла исчисляться сотнями миллионов долларов, а также на обучение военных специалистов в США по льготным тарифам; во-вторых, Египет – одно из десяти государств, имевших право закупать вооружения напрямую у американских компаний; в-третьих, средства, выделяемые Египту по программе ЗВФ, размещались на специальном счёте в Федеральном резервном банке Нью-Йорка, не сгорали по итогам финансового года и на них ещё и начислялись проценты, которые также могли быть потрачены на закупку вооружений; в-четвёртых, наряду с Израилем Египет пользовался исключительным правом заключать многолетние контракты на поставки вооружений на суммы, превышающие – зачастую в несколько раз – объёмы ассигнований на финансовый год – «в счёт» ещё не выделенной помощи. Это создавало весьма пикантную ситуацию: в случае сокращения объёмов помощи Египту и его отказа оплачивать поставки по уже заключённым контрактам, их исполнение и выплату неустоек должно было бы взять на себя правительство США. В этой связи возможности американских властей по манипулированию помощью Египту изначально были весьма ограничены.

Вкупе с последней привилегией «связанный» характер военной помощи Египту превращал ассигнуемые на неё средства в крупную субсидию для компаний американского ВПК. Для многих из них выполнение контрактов на поставки в Египет не самых новейших вооружений, уже некупаемых ВС США (например, старых модификаций танков «Абрамс» позволяло сохранить производство и рабочие места на ряде предприятий. Как следствие, такие компании, как «Локхид-Мартин», «Дженерал дайнэмикс» и ряд других, лоббировали оказание военной помощи Египту в крупных объёмах, находя поддержку в Конгрессе у представителей тех округов, где размещались предприятия, выполнявшие египетские заказы [Berger L., 2012]. Так, в округе, который представлял К. Грейнджер, находились как раз заводы «Локхид-Мартин» – производителя самолётов *F-16*, последняя партия которых (20 единиц модификации *F-16 C/D*), по заключённому незадолго до описываемых событий контракту, должна была быть поставлена в Каир до 2013 года.

Таким образом, американские власти, скорее всего, не реализовали бы угрозу полного замораживания помощи режиму Х. Мубарака, даже если бы его противостояние с оппозицией затянулось. Однако этого не случилось – 11 февраля 2011 г. египетский лидер сложил с себя полномочия, открыв длительный переходный период, в котором решающую роль играл Высший совет вооружённых сил во главе с бывшим министром обороны фельдмаршалом Мухаммедом Хусейном Тантави, но параллельно в стране происходило резкое усиление позиций исламистов.

Администрация Б. Обамы отреагировала на победу революции перепрограммированием средств, уже ассигнованных Египту по программе «Фонды экономической поддержки», ФЭП (*Economic Support Fund*), в размере 165 млн долл., из которых 100 млн должны были пойти на поддержку экономического роста и 65 млн – на обеспечение политического транзита. В администрации считали, что продвижение демократии в Египте не принесёт успеха без содействия устранению экономических причин протестов.

19 мая 2011 г. Б. Обама представил новый план взаимодействия с арабскими странами, вступившими на путь политической трансформации, подразумевавший, среди прочего: 1) запуск специального фонда в рамках Корпорации частных зарубежных инвестиций; 2) списание долга Египту в размере до 1 млрд долл.; 3) предоставление Египту гарантий по кредитам на сумму 1 млрд; 4) создание фондов поддержки предпринимательства (ФПП) в Тунисе и Египте по модели фондов, учреждённых в Восточной Европе после падения Берлинской стены [6].

В этот период во взглядах некоторых ключевых фигур в Конгрессе США произошли изменения. В условиях усиления позиций исламистов в Египте К. Грейнджер уже вполне допускала оказание обусловленной помощи. 23 августа 2011 г., находясь в Израиле в составе делегации из 25 конгрессменов-республиканцев, организованной Американско-Израильским фондом образования, афилированным с Американско-Израильским комитетом по общественным связям, АИККОС (*American Israel Public Affairs Committee – AIPAC*), она заявила, что помощь Египту будет прекращена в случае его выхода из мирного договора с

Израилем и будет зависеть от масштабов участия «Братьев-мусульман» в правительстве Египта [7].

Уже скоро параметры этого участия стали более очевидны. В ноябре 2011 – январе 2012 г. в Египте в три тура прошли парламентские выборы, на которых убедительную победу одержало как раз политическое крыло «Братьев-мусульман» – Партия свободы и справедливости (ПСР), возглавляемая Мухаммадом Мурси.

Конгресс США, тем не менее, в целом поддержал предложения президента, выделив помощь Египту в полном объёме (1,55 млрд долл., включая 1,3 млрд долл. военной помощи и 250 млн долл. экономической помощи), списание долга «в обмен» на программы развития и создание ФПП (объёмом 60 млн долл.) [8].

Тем не менее сенатор П.Лихи инициировал включение ограничений на помощь Египту. Перед выделением средств Конгресс требовал от госсекретаря США подтвердить, что Египет, во-первых, выполняет Кэмп-Дэвидские соглашения, а во-вторых, «поддерживает переход к гражданскому управлению, включая организацию свободных честных выборов, проводит политику защиты свободы слова, собраний и вероисповедания и обеспечивает верховенство закона. В то же время – благодаря усилиям администрации – госсекретарю США было предоставлено право разблокировать средства по соображениям национальной безопасности («право на изъятие» / *waiver*)» [9].

Вопрос о помощи Египту обострился 29 декабря 2011 г. в связи с рейдами каирской полиции на офисы международных неправительственных организаций, в том числе финансируемых американским правительством (Международного республиканского института – МРИ, Национального демократического института – НДИ и «Фридомхаус»). Вскоре шестерым американцам (трём сотрудникам МРИ, включая С. Лахуда, сына министра транспорта США, и трём сотрудникам НДИ) был временно запрещён выезд из Египта и предъявлены обвинения [9]. В ответ на это 27 января 2012 г. Б. Обама пригрозил властям Египта обусловить выделение военной помощи выполнением ими требований по защите демократии и прав человека [9]. Однако первоначально эти угрозы не возымели действия. 6 февраля египетские власти обвинили 43 человека, включая страновых директоров МРИ и НДИ, в расходовании средств организаций, действующих на территории незаконно (без государственной лицензии), при этом 16-ти гражданам США были предъявлены уголовные обвинения.

Убедительности угрозам администрации добавил Конгресс. К. Грейнджер, в частности, заявила: «Ни один доллар не должен быть передан правительству Египта, пока госсекретарь не заверит американский народ в решении данной проблемы». Ей вторил и П. Лихи: «Мы хотим послать ясный сигнал египетским военным, что лимит карт-бланша исчерпан». Фельдмаршалу Тантави было также направлено письмо от 40 членов Конгресса, в котором подчёркивалось: «Отсутствие быстрого и удовлетворительного решения вопроса усложнит тем членам Конгресса, которые выступают за крепкие двусторонние отношения, возможность отстаивать сохранение текущих объёмов помощи Египту – особенно в условиях бюджетных сокращений в Вашингтоне» [Krieger J., 2012].

Представители новых властей Египта вначале также отвечали угрозами пересмотреть Кэмп-Дэвидские договорённости, но в скором времени всё же разрешили задержанным гражданам США покинуть страну. Как только это произошло, 23 марта 2012 г. тогдашний госсекретарь США Х. Клинтон решила разморозить средства, выделенные на военную помощь Египту, вызвав бурю негодования на Капитолийском холме. П. Лихи подчёркивал, что госсекретарь должна была разблокировать только самый минимум средств, а оставшуюся сумму выделять порциями – по мере достижения Египтом прогресса на пути демократического транзита [Rogin J., 2012]. Решение Х. Клинтон критиковали представители НПО – «Фридомхаус», «Эмнести интернэшнл», «Хьюман райтс уотч». В то же время ряд влиятельных членов Конгресса – в частности, председатель сенатского Комитета по делам вооружённых сил Дж. Маккейн, известный своими тесными связями с ВПК, и председатель подкомитета по Ближнему Востоку Комитета Сената по международным отношениям Р. Кейзи ратовали за использование умной «обусловленности», но не за полное замораживание помощи Египту.

Судя по всему, первоначально Х. Клинтон хотела разморозить средства только частично, чтобы сохранить рычаг давления на Каир, но этому помешало мощное давление со стороны Министерства обороны США, которое делало упор на то, что от замораживания помощи Египту пострадают, в первую очередь, американские предприятия. Срыв контрактов мог обернуться выплатой неустоек в размере до 2 млрд долл. [10]. Сильнее других могли пострадать «Локхид-Мартин», готовившаяся поставить первую партию 20 новых самолётов в Египет уже в апреле 2012 г., и «Дженерал дайнэмикс», подписавшая в 2011 г. контракт на поставку компонентов для танков «Абрамс M1A1» стоимостью 395 млн долл. Отдельно в прессе обращалось внимание на то, что компоненты этих танков производятся на заводах в тех штатах, где должна была решиться судьба очередной избирательной кампании, одной из центральных тем которой была борьба с безработицей.

В итоге, несмотря на все трения с египетскими властями, администрация запросила на 2013 фин. г. столько же средств – 1,55 млрд долл., что и годом ранее, хотя судьба этого запроса зависела от итогов президентских выборов в Египте, намеченных на июнь 2012 г. На них победил лидер ПСР М. Мурси, и США были вынуждены выстраивать взаимоотношения с новыми властями: в Каир сначала полетел заместитель госсекретаря У. Бернс, а вслед за ним Х. Клинтон и министр обороны США Л. Панетта. «Тихий переворот» был весьма негативно воспринят американскими израильски ориентированными «мозговыми центрами» [Шумилин А.И., 2013: 49-50], но администрация сочла возможным в сентябре 2012 г. уведомить Конгресс о намерении выделить 450 млн долл. из средств ФЭП в виде двух отдельных траншей «в обмен» на приверженность Египта проведению фискальной стабилизации в соответствии с требованиями МВФ [11:17].

Конгресс же вновь занял более жёсткую позицию. В сентябре 2012 г. председатель Комитета по иностранным делам Палаты представителей И. Рос-Лехтинен (республиканка, штат Флорида) и К. Грейнджер инициировали замораживание указанных 450 млн долл. Как видим, позиция К. Грейнджер менялась в зависимости от того, шла ли речь о военной помощи, бенефициаром которой

был проверенный партнёр – египетские военные, или же об экономической помощи, бенефициаром которой было правительство М. Мурси, чья внешняя политика не предрасполагала к оптимизму – особенно на тех направлениях, которые могли интересовать США и Израиль. В этих условиях администрации пришлось долго убеждать членов Конгресса снять блокировку. В итоге Египту – из-за секвестра – было выделено меньше средств, чем запрашивала администрация: 1,23 млрд долл. по программе ЗВФ и 241 млн долл. по программе ФЭП [12].

Впрочем, действия членов Конгресса по-прежнему не затрагивали военную помощь. Напротив, в январе 2013 г. США поставили в Египет первую партию из 20 самолетов *F-16 C/D* (8 единиц), в марте – перевели Египту первый транш в размере 190 млн долл. для поддержки платёжного баланса [11:17], а уже в мае сменивший Х. Клинтон на посту госсекретаря Дж. Керри вновь не преминул воспользоваться «правом на изъятие» в вопросе замораживания военной помощи Каиру. Впрочем, уже спустя два месяца к этому вопросу пришлось вернуться вновь – по причине очередной смены власти в Египте.

АДМИНИСТРАЦИЯ Б. ОБАМЫ И КОНГРЕСС В ПОИСКАХ МЕТОДОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НОВОЕ РУКОВОДСТВО ЕГИПТА (2013–2017)

3 июля 2013 г. египетские ВС под предводительством генерала Абдул Фаттаха Ас-Сиси сместили М. Мурси и назначили и.о. президента главным судьёй Высшего конституционного суда Адли Махмуда Мансура, чем поставили США в более сложную ситуацию, чем в 2011 г. Дело в том, что ещё в 1985 г. в американском законодательстве было прописано требование блокировать помощь стране, где был совершён военный переворот, не предусматривавшее «права на изъятие». После окончания холодной войны США неоднократно задействовали эту статью закона, но при Б. Обаме обозначился новый тренд: в 2009 г. в ответ на госперевороты на Мадагаскаре и в Гондурасе Белый дом дважды прекращал помощь, не сообщая причин [Бартенев В.И., 2018: 129-131].

Возникал вопрос, рискнет ли Б. Обама повторить этот манёвр в случае с Египтом. Уже 3 июля 2013 г. он призвал египетских военных «действовать быстро и ответственно и передать властные полномочия в полном объёме демократически избранному гражданскому правительству... и воздержаться от арестов президента Мурси и его сторонников», отметив, что «дал указания соответствующим министерствам и ведомствам оценить их законодательные последствия для оказания помощи правительству Египта» [13]. При этом слово «переворот» использовано не было, что давало возможность не замораживать ещё не потраченные в интересах Египта средства (почти 600 млн долл. военной помощи и всю сумму по программе ФЭП). Пресс-секретарь Белого дома Дж. Карни заявил: «Немедленное внесение корректив в программы помощи Египту не в интересах США» [14]. Ему вторила и официальный представитель Госдепартамента Дж. Псаки: «Этот закон не обязывает нас формально определять, имел ли место переворот, и выносить такое решение – не в наших национальных интересах» [Schulberg J., 2014].

На позицию администрации активно пытался повлиять Израиль и израильское лобби в США. Так, 14 июля 2013 г. Б. Нетаньяху чётко обозначил свою позицию: «Это внутреннее решение США. Но главный предмет нашего беспокойства – мирный договор с Египтом, который подкреплялся в том числе американской помощью Египту» [15].

В Конгрессе же требовали соблюдения буквы закона. Сенаторы Дж. Маккейн и Л. Грэм опубликовали открытое письмо в «Вашингтон пост», в котором, в частности, говорилось: «На сей раз мы считаем, что США должны заморозить помощь Египту. Это сложное решение, но если мы ожидаем от Египта и других стран соблюдения законов, то должны соблюдать свои». При этом Дж. Маккейн и Л. Грэм предлагали сохранить разрешённую законом помощь на цели поддержки гражданского общества, подготовку к выборам, продвижение демократии и т.п. и рассмотреть возможность использования средств, ассигнованных Минобороны США, для поддержки ограниченного сотрудничества с египетскими ВС в таких областях, как противодействие терроризму, укрепление границ, обмен разведанными и поддержание мира в регионе [16].

Значительно более радикальный вариант – перенаправить средства помощи Египту на обновление инфраструктуры на территории США – предложил сенатор-республиканец от штата Кентукки Р. Пол. В ответ руководство АИКОС отправило письмо нескольким сенаторам, включая председателя сенатского Комитета по международным отношениям Р.Коркера (республиканец, штат Теннесси), в котором прямо говорилось: «Мы не поддерживаем замораживание всей помощи Египту, поскольку это может дополнительно дестабилизировать Египет, подорвать важные интересы США и негативно повлиять на нашего союзника – Государство Израиль» [17]. Показательно, что письмо АИКОС было зачитано во время прений в Конгрессе по поправке Р.Пола, к нему же апеллировал и внезапно пересмотревший свою точку зрения Дж. Маккейн, и в итоге радикальную идею поддержали лишь 13 сенаторов.

В Палате представителей преобладавшие там республиканцы ратовали за осторожный подход. Сохранение обусловленной помощи отстаивали и К. Грейнджер, и Б. Маккеон (республиканец, штат Калифорния), председатель Комитета по делам вооружённых сил Палаты представителей, в избирательные кампании которого оборонные компании регулярно делали весьма значительные взносы.

Администрация Б. Обамы, между тем, пыталась использовать замораживание помощи в целях управления политической динамикой в Египте, но в ограниченных масштабах. Так, на фоне задержания М. Мурси и других лидеров «Братьев-мусульман» и полного отсечения их от участия в политическом процессе, а также вынесения обвинительных приговоров четырём сотрудникам американских НПО, были приостановлены поставки в Египет четырёх самолётов *F-16 C/D*. При этом администрация подчёркивала, что речи о принципиальном пересмотре подхода к оказанию помощи Египту не идёт.

Желание правительства США послать египетским военным сигнал было налицо. Однако такого рода действия вряд ли могли иметь серьёзный эффект в ситуации, когда Саудовская Аравия, ОАЭ и Кувейт, видевшие в «Братьях-

мусульманах» стратегическую угрозу, обозначили готовность выделить Каиру до 12 млрд долл. В этих условиях египетские власти готовы были ещё жёстче подавлять сопротивление сторонников М. Мурси. 14 августа 2013 г. масштабные столкновения с ними привели к гибели более 800 человек. На следующее утро Б. Обама заявил: «Наше традиционное сотрудничество не может продолжаться как обычно, когда убивают мирных граждан и нарушаются права человека» [18]. Однако Белый дом ограничился отменой двусторонних учений «Брайт стар» (*Bright Star*) и угрозой заблокировать выделение Египту очередного транша кредита МВФ. Но когда Ас-Сиси провёл масштабную кампанию против представителей оппозиции, начал судебный процесс над М. Мурси и 14-ю его соратниками, распустил движение «Братьев-мусульман» и перевёл его активы под контроль временного правительства, США 9 октября 2013 г. объявили-таки о частичном замораживании помощи Египту. Были заблокированы поставки уже оплаченных ранее партий вооружений (четыре танка *Abrams M1A1*, восемь истребителей *F-16*, около десяти боевых вертолётов *Apache* и 20 крылатых ракет *Harpoon*), второй транш поддержки платёжного баланса в размере 260 млн долл., а также субсидии на предоставление гарантий по кредитам на 2014 фин. г. При этом Госдепартамент подтвердил готовность оказывать помощь Египту в области борьбы с терроризмом и нераспространением ОМУ, обеспечения безопасности границ, программ развития Синая.

Коррективы были внесены и в программу экономической помощи Египту. Госдепартамент и Агентство международного развития (АМР) США выделили крупную сумму на запуск программы в области высшего образования, бенефициарами которой должны были стать египетские студенты, закрыли десять проектов общей стоимостью 48 млн долл. и несколько новых инициатив, партнёром в реализации которых выступало правительство Египта [11:19].

Вместе с тем администрация чётко дала понять, что программы военного обучения будут продолжены, что блокировка поставок вооружений носит временный характер и они могут быть возобновлены после осуществления египетскими властями запланированных шагов, в том числе принятия поправок к Конституции. Решение Белого дома встретило критику как на Капитолийском холме, так и в экспертном сообществе США, где его посчитали одновременно двусмысленным и демонстративным [19].

Дополнительным фактором, повлиявшим на действия администрации, стало оперативное обращение египетского правительства к услугам одной из самых влиятельных лоббистских фирм – «Гловер парк групп» (*Glover Park Group*) с целью «донести информацию о выполнении плана реализации дорожной карты по построению демократических инклюзивных институтов посредством парламентских и президентских выборов» [20]. Важно, что «Гловер парк групп» лоббировала и интересы компании «Локхид-Мартин», а в её руководство входил ряд лиц, имевших тесные связи с Израилем, включая нескольких бывших сотрудников АИКОС.

Американская дипломатия, действительно, постаралась максимально уменьшить значение принятых мер. Так, госсекретарь США Дж. Керри 4 ноября 2013 г. подчеркнул, что «американо-египетские отношения не должны определяться фактором помощи», намекнул на возможную скорую отмену решения [21].

Это, впрочем, не помешало отдельным законодателям усилить давление на Каир. В октябре 2013 г. сенатор Л. Грэм, к примеру, заблокировал выделение 60 млн долл. на учреждение Египетско-Американского фонда поддержки предпринимательства (ЕАФПП) до тех пор, пока Египет не начнёт движение к демократии [22]. Параллельно в экспертном сообществе США пытались определить параметры возможного пересмотра принципов оказания военной помощи Египту. Пожалуй, наиболее обстоятельно этот вопрос был проработан близкими администрации Центром за американский прогресс и Фондом «Столетие» (*Century Foundation*). Они, в частности, предлагали: 1) перенацелить помощь на реформирование сектора безопасности, включая реформу полиции, и обеспечение верховенства закона, при удовлетворении нужд Египта в закупках систем вооружений; 2) отменить привилегии Египта в получении военной помощи; 3) обозначить некие «отсечки» на пути движения Египта к демократизации и выделять помощь небольшими порциями по мере их достижения [23].

В январе 2014 г. Конгресс принял специальную оговорку, чтобы никакие ограничения не распространялись на помощь для Египта. При этом законодатели лишили госсекретаря «права на изъятие». Использование средств для заключения новых контрактов или доставки уже закупленных вооружений и услуг было обставлено условиями: «проведение конституционного референдума и принятие шагов по оказанию поддержки переходу к демократии» открывало доступ к 975 млн долл., «проведение парламентских и президентских выборов и принятие новым правительством шагов по установлению демократического управления» доступ – ещё к 576,8 млн долл. [24]. Ограничения не распространялись лишь на три области: 1) помощь в области безопасности (на цели противодействия терроризму, укрепления безопасности границ, нераспространения ОМУ и развития Синая); 2) исполнение действующих контрактов; 3) оплата ремонта и модернизации военной техники силами подрядчиков, уже находящихся в Египте. Наконец, администрации запрещалось – до подтверждения госсекретарем факта выполнения Египтом требований – использовать средства военной помощи для оплаты новых контрактов, кроме поставок систем, необходимых для решения задач, указанных в п.1.

В самой же администрации по вопросу о помощи Египту произошёл раскол. Например, заместитель помощника по национальной безопасности Б. Роудз и С. Пауэр, ставшая впоследствии постоянным представителем США при ООН, призывали президента выставить Каиру ещё более жёсткие условия. В свою очередь, госсекретарь Дж. Керри, министр обороны Ч. Хэйгл и его преемник Э. Картер требовали возобновить помощь Египту, полагая, что попытки наказать Ас-Сиси могут привести лишь к отчуждению Египта – важного союзника в борьбе с радикальным исламом. По словам М. Спэнса, бывшего заместителя помощника министра обороны по ближневосточной политике, помощь Египту была одним из объектов наиболее острых разногласий между Белым домом, Госдепартаментом и Министерством обороны» [Crawly M., 2016].

В конечном счёте позиция сторонников возобновления помощи Египту возобладавала. 22 апреля 2014 г. министр обороны Ч. Хэйгл объявил о частичной

“разморозке” военных поставок, в частности вертолётов *Apache*. Представители администрации уточняли, что не могут подтвердить факт осуществления демократических реформ в Египте, но будут продолжать подталкивать к ним правительство [25]. В тот же день госсекретарь Дж. Керри подтвердил выполнение Египтом “стратегических” условий и вскоре уведомил Конгресс о выделении Каиру военной и экономической помощи на сумму 650 млн долл. Параллельно АМР возобновило семь из 10 закрытых проектов, а в сентябре 2014 г. запустило ряд новых - в сферах образования, поддержки экономического роста, сельского хозяйства и управления [11: 22].

В мае 2014 г. на президентских выборах в Египте ожидаемо победил Ас-Сиси. Кроме того, Каир сыграл ключевую посредническую роль в конфликте между Израилем и ХАМАС и в сентябре 2014 г. присоединился к возглавляемой США коалиции против «Исламского государства». Всё это, казалось бы, подтверждало правильность принятого администрацией решения. Тем не менее сенаторы хотели урезать военную помощь Египту на 300 млн и экономическую помощь на 100 млн долл. на 2015 фин. г., но их позиция не нашла поддержки в Палате представителей.

В итоге в соответствии с законом «Об ассигнованиях на 2015 фин. г.» по программе ЗВФ Египту выделялось 1,3 млрд долл. (доступных до 30 сентября 2016 г.). При этом, во-первых, список условий, выставляемых правительству Египта, существенно расширился; во-вторых, их соблюдение отныне открывало доступ к 725,85 млн долл.; в-третьих, в течение 90 дней госсекретарь должен был представить Конгрессу планы реструктуризации военной помощи Египту [26]. Наконец, было восстановлено право госсекретаря предоставлять помощь Египту, не подтверждая проведения им курса на демократизацию, – по соображениям национальной безопасности. По некоторым сведениям, ключевую роль в этом вновь сыграла К. Грейнджер.

По программе ФЭП Египту выделялось 150 млн долл., но эти средства не могли использоваться для поддержки платёжного баланса или бюджета Египта без подтверждения госсекретарем того, что египетские власти предпринимают эффективные меры по стабилизации экономики и реализации рыночных реформ.

В январе 2015 г. правительство Египта объявило о проведении парламентских выборов в два этапа – в марте и апреле, а в феврале К. Грейнджер начала мощное давление на администрацию, с тем чтобы возобновить помощь Египту в целях борьбы с «ИГ», грозя Белому дому, в частности, блокированием средств для других стран. Но, как вспоминал впоследствии Э. Миллер, в 2014–2017 гг. отвечавший в СНБ США за военное сотрудничество с Египтом и Израилем, решающую роль сыграли два фактора: позиция региональных союзников Египта – Израиля, Саудовской Аравии и ОАЭ, активно лоббировавших за разморозку; и позиция Министерства обороны США [27].

В марте 2015 г. Б. Обама пообещал разблокировать всю военную помощь, замороженную в 2013 г. При этом президент отметил, что с 2018 фин. г. США будут предоставлять Египту военную помощь только в четырёх областях: противодействие терроризму, укрепление безопасности границ, безопасность Синая и морская безопасность, а также оплачивать ремонт и модернизацию уже постав-

ленной военной техники. Кроме того, пресс-секретарь СНБ США Б. Михэн объявила об отмене с 2018 фин. г. права Египта на закупки оружия в счёт будущей помощи [28], что было поддержано отнюдь не всеми экспертами.

В мае 2015 г. Дж. Керри снова воспользовался «правом на изъятие». Госсекретарь США признал нарушение Египтом базовых прав человека, аресты мирных демонстрантов, заключение под стражу сторонников «Братьев-мусульман» и массовые казни, но при этом похвалил Египет за предоставление военным кораблям США приоритетного прохода через Суэцкий канал, права использования египетского воздушного пространства и оказание помощи в борьбе с «ИГ», отметив важность оказания помощи Каиру с точки зрения национальной безопасности [29].

Очередное решение Дж. Керри раскритиковали только правозащитники и отдельные законодатели, в том числе сенатор П. Лихи, который 20 июля 2015 г. отправил письмо в Белый дом с просьбой выяснить, не нарушает ли военная помощь Египту внесённую им в своё время поправку [30], согласно которой США не могут предоставлять помощь подразделению служб безопасности зарубежных стран, если есть достоверная информация о нарушении им прав человека.

В декабре 2015 г. был принят очередной закон «О консолидированных ассигнованиях на 2016 фин. г.». Касательно помощи Египту в нём содержалось несколько важных изменений:

1. Отдельно оговаривалась необходимость выполнения «поправок Лихи»;
2. Закреплялось внесённое П. Лихи требование заблокировать 15% средств до тех пор, пока госсекретарь не подтвердит, что Египет предпринимает меры по продвижению демократии и защиты прав человека;
3. Внесён пункт о предоставлении представителям США права наблюдения за использованием техники, поставленной из средств помощи;
4. Программы развития Синая теперь могли финансироваться из средств ФЭП.
5. Госсекретаря США обязали разработать механизмы мониторинга, надзора и контроля за распределением средств помощи Египту [31].

Кроме того, Конгресс попросил Счётную палату США провести оценку выполнения исполнительной властью «поправок Лихи», в том числе качества мониторинга конечного использования оборудования, переданного египетским службам безопасности, и качества проверок соблюдения прав человека бенефициарами помощи. Изучив данные за 2011–2015 гг., аудиторы выявили, что американские ведомства нередко довольствовались неполной информацией, предоставленной египетскими властями, и что Госдепартамент с 2011 фин.г. толком не проверял, нарушают ли бойцы подразделений, получающие американское оружие, права человека [32].

Счётная палата рекомендовала Госдепартаменту интенсифицировать диалог с Каиром, не в полной мере понимая логику поведения египетских властей. Правительство Ас-Сиси демонстрировало радикальное неприятие требований США, препятствуя реализации ряда программ невоенной помощи. Именно поэтому 108 млн долл. из средств, ассигнованных для Египта на 2015 фин.г., в итоге были перепрограммированы на другие цели [33].

Вести себя столь смело Египту помогала поддержка арабских стран. Так, в декабре 2015 г. Эр-Рияд обещал выделить Египту в виде инвестиций и помощи 8 млрд долл. в течение пяти лет, что было сопоставимо с суммами, ассигнуемыми Вашингтоном. Кроме того, Ас-Сиси активно развивал военно-техническое сотрудничество с Францией и Россией. Последний фактор также удерживал Белый дом от резких движений. Однако в Каире надеялись на то, что к власти в США придёт администрация, с которой можно будет начать строить взаимоотношения «с чистого листа».

ДИЛЕММЫ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ ЕГИПТУ ПРИ Д. ТРАМПЕ (2017–2019)

8 ноября 2016 г. на президентских выборах в США победу одержал Д. Трамп, и после этого министр иностранных дел Египта стал частым гостем в Вашингтоне, начав подготовку к визиту Ас-Сиси в США. Во время его приезда в декабре 2016 г. сенаторы Дж. Маккейн и Л. Грэм, однако, выразили обеспокоенность принятием египетским парламентом нового закона о НПО, пообещав ужесточить условия выделения американской помощи Египту на 2017 и 2018 фин. гг. в случае, если Ас-Сиси подпишет этот закон [34]. Это заявление дало понять, что помощь Египту останется в центре внимания Конгресса и при новом президенте.

В первые месяцы правления Д. Трампа возникало ощущение, что худшие дни в американо-египетских отношениях позади. Первым признаком их улучшения стал визит командующего Центральным командованием генерала Дж. Л. Фотеля в Египет в конце февраля 2019 г., в ходе которого он пообещал возобновить учения «Брайт стар». Никаких корректив в закон «О консолидированных ассигнованиях на 2017 фин. г.», подписанный 5 мая 2017 г., внесено не было. Кроме того, в проекте бюджета, внесённом тогда же в Конгресс, помощь Египту почти не сокращалась, в отличие, например, от Туниса, которому она была урезана на 67%. На 2018 фин. г. президент запрашивал 1,38 млрд долл., из которых на экономическую помощь – только 75 млн долл. Египет не получал на эти цели менее 100 млн с конца 1970-х годов [1].

Однако Сенат вновь занял иную позицию. Восприняв скепсис ведущих экспертов, приглашённых на слушания по помощи Египту 24 апреля 2017 г., в том числе представителя Центра Карнеги М. Данне и специалиста Совета по международным отношениям Э. Абрамса, сенаторы предложили сократить военную помощь Египту до 1 млрд долл. и повысить долю обусловленной помощи до 25% [35].

Ещё отчётливее различия в позициях обозначились после подписания в мае 2017 г. Ас-Сиси закона о НПО, запретившего им заниматься чем-либо, кроме социально ориентированной деятельности и содействия развитию, и установившего за нарушение запрета наказание до пяти лет лишения свободы. 22 августа 2017 г. госсекретарь Р. Гиллерсон воспользовался «правом на изъятие» и разблокировал удержанные администрацией Б.Обамы 195 млн долл. из средств, ассигнованных на 2016 г. по статье ЗВФ, которые должны были бы «сгореть» до 1 октября 2017 г., оговорив, что Египет не защищает свободу слова, не расследует злоупотребления служб безопасности и не предоставляет американским наблюдателям

доступ на Синайский полуостров [36]. На просьбы правозащитных организаций предоставить доступ к отчёту администрация ответила отказом. Разблокированные средства должны были удерживаться “в резерве” до тех пор, пока не будут выполнены три условия: прекращение военного и дипломатического сотрудничества с КНДР; полное закрытие заведённого в 2013 г. дела о сотрудниках американских и германских НПО и отзыв или смягчение нового закона о НПО [37]. Кроме того, администрация пообещала перенаправить другим странам 65,7 млн долл. военной помощи и 30 млн долл. экономической помощи, не доведенной до бенефициаров из-за неконструктивной позиции египетских властей.

Первоначальная реакция Египта на действия США была традиционно жёсткой, однако уже в середине сентября 2017 г. министр обороны и военной промышленности Египта С. Собхи заявил своему коллеге из Республики Корея, что Египет разорвал все связи с КНДР, после чего Д. Трамп пообещал рассмотреть вопрос о возобновлении помощи Каиру.

23 января 2018 г. Белый дом уведомил Конгресс о намерении выделить 1,039 млрд долл. из средств 2017 фин. г. по программе ЗВФ, то есть всю сумму за исключением 195 млн долл., привязанных к прогрессу в области демократизации и защиты прав человека, и 65,7 млн долл., удержанных и перепрограммированных летом 2017 г. [38].

Некоторые члены Конгресса и в их числе К. Грейнджер, возглавившая Комитет по делам вооружённых сил Палаты представителей, критиковали администрацию за любое сокращение военной помощи, представляя его как удар по американским компаниям и рабочим местам на оборонных предприятиях [39]. Позиция К. Грейнджер и её единомышленников предопределила консенсусный характер соответствующих положений бюджета на 2018 фин. г. Его основными отличиями стали: 1) повышение доли обусловленной военной помощи Египту до 300 млн (чуть менее 25%); 2) привязка реализации «права на изъятие» к оценке выполнения Египтом положений резолюции СБ ООН № 2270 и других резолюций касательно КНДР; 3) ассигнование по программе ФЭП 112,5 млн долл. (из общего объёма 1,419 млрд долл.) – больше, чем запрашивала администрация; 4) запрет на трату средств ФЭП на взносы в фонды, учреждённые Египтом в соответствии с законом о НПО [40].

За месяц до этого, 12 февраля 2018 г., администрация Д. Трампа внесла проект бюджета на 2019 фин.г., в котором запросила Конгресс выделить 1,381 млрд долл. Египту, разрешила использовать средства ФЭП для наполнения ЕАФПП, а также для субсидирования новых гарантий по кредитам Египту [1:16].

Между тем политическая ситуация в Египте развивалась противоречиво. С одной стороны, в апреле 2018 г. Высший апелляционный суд страны неожиданно вынес решение о пересмотре дела сотрудников НПО, заведённого в 2013 г. Кроме того, египетские власти не стали применять некоторые положения закона о НПО, в частности, облагать налогами гранты, полученные из-за рубежа. Египет также заставил КНДР сократить численность посольства в Каире и приостановил военное сотрудничество с Пхеньяном. С другой стороны, в стране

прошли выборы, демократичность которых вызывала вопросы, продолжались аресты гражданских активистов.

Тем не менее, в июле 2018 г. Госдепартамент вновь воспользовался «правом на изъятие», чтобы выделить 195 млн долл. из средств ЗВФ на 2017 фин.г. (хотя сенатор П. Лихи заблокировал 105 млн долл., требуя предоставить информацию о судьбе удерживаемого под стражей американца египетского происхождения М. Кассема). По словам одного из представителей Госдепартамента, ключевую роль в повторении манёвра сыграло стремление укреплять партнёрство с Египтом в области национальной безопасности [41].

Решение правительства вновь вызвало противоречивую реакцию. Так, например, адмирал в отставке Б. Клинган, бывший командующий ВМС США в Европе и Африке, горячо поддержал его, обосновывая это потребностями Египта в помощи для борьбы с ИГ, повышении оперативной совместимости между американскими и египетскими ВС и замене советских вооружений, а также необходимостью противодействия расширению российского влияния [42]. Другие, в частности, Э. Миллер, сочли решение контрпродуктивным и призвали лишить администрацию «права на изъятие» начиная с 2019 фин. г.» [37].

В сентябре 2018 г. администрация Д. Трампа выделила уже ассигнованный 1 млрд долл. из средств ЗВФ на 2018 фин. г., при этом «обусловленные» 300 млн остались замороженными. Тогда же министру обороны США впервые было предоставлено право выделять Египту средства из Фонда обучения и оснащения сил антиигиловской коалиции для укрепления безопасности границ. В ноябре 2018 г. Минобороны США уведомило Конгресс о закупках крупной партии военной продукции для Египта, в том числе десяти ударных вертолётов *AH-64E Apache* на сумму 1 млрд долл. Новый крупный контракт закреплял логику взаимодействия, выявленную ранее.

15 февраля 2019 г. Д. Трамп подписал консолидированный закон «Об ассигнованиях на 2019 фин.г.» [42], предусматривающий выделение Египту 1,419 млрд долл. (включая 1,3 млрд долл. и 112,5 млн долл. по статье ФЭП). В свою очередь на 2020 фин. г. администрация президента вновь запросила 1,382 млрд долл. Однако получение демократами контроля над Палатой представителей повышает вероятность дальнейшего ужесточения условий выделения Египту помощи.

9 апреля 2019 г. Ас-Сиси нанёс визит в США за несколько дней до вынесения на референдум поправок к Конституции Египта, которые позволили бы ему остаться у власти до 2030 г., дали право армии вмешиваться в политический процесс и усилили бы контроль исполнительной власти над судебной.

В преддверии этого визита группа высокопоставленных американских законодателей обратилась напрямую к египетскому лидеру, указав на невыполнение правительством Египта предъявляемых ему требований и призвав его изменить политику. 17 американских сенаторов, включая Дж. Риша, председателя Комитета по международным отношениям, направили письмо госсекретарю М. Помпео, призывая обсудить с Ас-Сиси вопрос о нарушении политических прав и прав человека в Египте [Gramer R., 2019]. В свою очередь, М. Помпео на

слушаниях в Конгрессе, посвящённых бюджету на 2020 фин. г., допустил возможность введения санкций против Египта в соответствии с законом «О противодействии противникам Америки посредством санкций» в случае закупки Каиром российских самолётов Су-35.

Тем не менее Д. Трамп оказал Ас-Сиси подчёркнуто теплый приём, не став заострять внимание на существующих разногласиях. Но спустя несколько дней власти Египта объявили об отказе присоединиться к Ближневосточному стратегическому альянсу («арабской НАТО»), создание которого активно продвигают США в целях противодействия Ирану и России. События последних недель указывают на то, что напряжённость в американо-египетских отношениях будет расти, а значит история манипулирования помощью Каиру может получить продолжение, но вопрос о том, будет ли она развиваться по принципиально иному сценарию, нежели в рассмотренный период, остаётся открытым.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Погружение в изучение «египетского досье» подтверждает, что США начинают разыгрывать карту внешней помощи с самого начала развития политических кризисов в странах-реципиентах, грозящих сменой власти. Чем более внушительны объёмы помощи, тем выше вероятность того, что уже в первые дни представители одной из ветвей власти пообещают её заблокировать или возобновить, сократить или увеличить. Как показала ситуация со свержением М. Мурси, дополнительные возможности предоставляют трактовка ограничений на оказание помощи, прописанных в законодательстве, включение или исключение «права на изъятия» из текстов, соответствующих законов об ассигнованиях, а также отмена или восстановление тех или иных специфических привилегий реципиента.

2. В процессе манипулирования инструментами помощи Египту после начала «арабской весны» ключевую роль сыграли внутренние детерминанты. «Связанный» характер американской военной помощи Египту, по факту являющейся субсидией для оборонных компаний США, создавал постоянную угрозу потери рабочих мест и заставлял этих производителей активно лоббировать свои интересы в Конгрессе, и такого рода усилия были тем успешнее, чем большее значение имели императивы бюджетной экономии. За сохранение помощи Египту активно выступало также произраильское лобби.

Однако нельзя недооценивать и роль внешних детерминант. США по-прежнему были заинтересованы в конструктивном развитии взаимоотношений с Египтом независимо от темпов демократизации его политической системы и степени соблюдения прав человека. Сотрудничество с Египтом приносило эффективные стратегические дивиденды и США, и их союзникам, в первую очередь Израилю. Одновременно Вашингтон стремился не допустить переориентации Египта на другие государства, в особенности на Россию.

Совокупность указанных факторов приводила к тому, что независимо от баланса политических сил в Каире и Вашингтоне, США воздерживались и от радикальных сокращений, и от замораживания большей части помощи

3. Вместе с тем, использовавшиеся США меры воздействия на Египет результатов не приносили. Неготовность Египта выполнять предъявляемые ему властями США требования объясняется не только внутренней логикой политического процесса в стране, но и масштабной поддержкой Каира различными арабскими донорами, а также отчётливым пониманием египетскими властями политэкономии американской помощи и их уверенностью в том, что США не будут свёртывать поддержку и что в самом крайнем случае достаточно будет подключить влиятельных лоббистов в Вашингтоне для изменения ситуации в свою пользу. Эта стратегия, продемонстрировавшая свою эффективность в кризисный период, будет, по всей видимости, работать ещё долго – по крайней мере, в отсутствие радикальных изменений в расстановке сил на Ближнем Востоке.

ИСТОЧНИКИ

- [1] Congressional Research Service (CRS). Egypt: Background and U.S. Relations. Updated 12 March, 2019. CRS Report # RL33003. Washington, DC.
- [2] McGreal Ch. White House Warns \$1.5bn Aid to Egypt Could Be Withdrawn *The Guardian*. 29.01.2011.
- [3] Saudi King Told Obama He'd Fund Mubarak if U.S. Halted Egypt Aid. *Haaretz*. 10.02.2011.
- [4] Corn D. How Fast Can Obama or Congress Cut Off Aid to Mubarak? *Mother Jones*. 04.02.2011.
- [5] Granger Issues Statement on the Future of Egyptian Aid. Kay Granger Personal Website. January 31, 2011. Available at: <https://kaygranger.house.gov/press-release/granger-issues-statement-future-egyptian-aid> (accessed: 15.05.2019)
- [6] Remarks by the President on the Middle East and North Africa. May 19, 2011.
- [7] Keinon H. US Lawmaker: Aid to Egypt Depends on Peace with Israel. *The Jerusalem Post*. 23.08.2011.
- [8] Consolidated Appropriations Act of 2012. Pub. L. No. 112-74. 23.12.2011. 125 Stat. 1179, 1186.
- [9] Myers S.L., Kirkpatrick D.D. As Tensions Rise, Egypt Bars Exit of Six Americans. *The New York Times*. 26.01.2012.
- [10] Quinn A. U.S. approves Egypt military aid despite rights fears *Reuters*. 23.03.2012.
- [11] U.S. Government Accountability Office (U.S. GAO). Egypt. U.S. Government Should Examine Options for Using Unobligated Funds and Evaluating Security Assistance Programs. GAO Report for Congressional Requesters. GAO-15-259. February 2015. Washington, DC, p.17.
- [12] Sharp, J. Egypt in Crisis: Issues for Congress. CRS Report # R43183. September 12, 2013. Washington, DC.
- [13] The White House. Office of the Press Secretary. Statement by President Barack Obama on Egypt. 03.07.2013.
- [14] Egypt Unrest: US to Go Ahead with F-16 Jets Delivery. *BBC*. 11.07.2013.
- [15] Face the Nation Transcripts. July 14, 2013. *CBS News*. 14.07.2013.

- [16] McCain J., Graham L. Cut off Aid to Egypt. *The Washington Post*. 12.07.2013.
- [17] AIPAC Opposes Cuts in Egypt Aid. *Jewish Telegraphic Agency*. 01.08.2013.
- [18] Remarks by the President on the Situation in Egypt. 15.08.2013.
- [19] Gordon M.R., Landler M. In Crackdown Response, U.S. Temporarily Freezes Some Military Aid to Egypt. *The New York Times*. 9.10.2013.
- [20] Bogardus K. Egypt Turns to K Street After U.S. Aid Cut. *The Hill*. 12.10.2013.
- [21] Remarks by Secretary of State John Kerry with Egyptian Foreign Minister Nabil Fahmy. 03.11.2013
- [22] Klapper B. GOP Senator Holds Up \$60M in Economic Aid to Egypt. *San Diego Union Tribune*. 22.10.2013.
- [23] Hanna M.W., Katulis B. Preparing for a Strategic Shift on U.S. Policy toward Egypt. Center for American Progress & Century Foundation. Washington, DC, 2013.
- [24] Consolidated Appropriations Act of 2014. Pub. L. No. 113-76. § 7401(a), 128 Stat. 5, 522-24.
- [25] U.S. Department of State Spokesperson Jen Psaki Daily Press Briefing. 23.04.2014.
- [26] Consolidated and Further Continuing Appropriations Act, 2015. Pub. L. 113-235. 16.12.2014. § 7401(a). 128 Stat. 2632-33.
- [27] Miller A. Trump Blinks, and Sisi Wins. Carnegie Endowment for International Peace. 10.08.2018. Available at: <https://carnegieendowment.org/2018/08/10/trump-blinks-and-egypt-s-sisi-wins-pub-77052> (accessed: 15.05.2019).
- [28] Sharp J.M. Ending Cash Flow Financing to Egypt: Issues for Congress. CRS Report #R44060. Washington, DC, 2015. P.3
- [29] Memorandum of Justification for Certification Under Section 7041(a)(6)(c) of the Department of State, Foreign Operations, and Related Program Appropriations Act, 2015. 12.05.2015.
- [30] The New York Times Editorial Board. The Questionable Legality of Military Aid to Egypt. *The New York Times*. 19.08.2015.
- [31] Consolidated Appropriations Act, 2016. Pub.L. 114-113. 18.12.2015. § 7401(a).
- [32] U.S. GAO. Security Assistance: U.S. Government Should Strengthen End-Use Monitoring and Human Rights Vetting for Egypt. Report to Congressional Requesters. GAO-16-435. Washington, DC, 2016. P.35-36
- [33] U.S. Shifts Egypt Aid to Other Countries *Al-Monitor*. 16.10. 2016.
- [34] Statement by Senators John McCain & Lindsey Graham on Egyptian Legislation regulating NGOs. 01.12. 2016.
- [35] Elsinawi M. U.S. Congress Urged to Make Aid to Egypt More Conditional *Voanews.com*. 27.04.2017.
- [36] Sharp J. CRS Insight. Recent Developments in U.S. Aid to Egypt. IN10789. 29.09.2017. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/IN10789.pdf> (accessed: 15.05.2019)
- [37] Miller A. Commentary: Five Myths about U.S. Aid to Egypt *Reuters*. 13.08.2018.
- [38] Water M.K. Assistant Secretary of Legislative Affairs. Congressional Notification Transmittal Sheet. 23.01.2018.
- [39] Judson J. Granger Pushes Back on White House Move to Cut Military Aid to Egypt *Defense News*. 06.09.2017.
- [40] Consolidated Appropriations Act, 2018. H.R. 1625/Pub. L. 115-141. Book 2. P. 1690.
- [41] U.S. Will Consider Resuming Halted Military Aid to Egypt: Trump *Reuters*. 25.07.2018.

[42] Consolidated Appropriations Act, 2019. Pub. L. 116-6 (H.J. Res. 31). 15.02.2019. §7041(a). P. 323.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бартенев В.И., 2016. Американские программы помощи зарубежным странам в области безопасности: прошлое, настоящее, будущее (часть I). *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*, № 4, с. 204–234.

Бартенев В.И., 2018. Блокирование помощи как элемент внешнеполитического инструментария США: *de jure* и *de facto*. *Вестник МГИМО-Университета*, № 6, с. 110–140.

Глазунова Е.Н., 2012. У истоков содействия международному развитию: американская программа технической помощи развивающимся странам *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*, № 2, с. 126–157.

Хлебникова Л.Р., 2014. Инструменты внешней помощи в контексте американо-израильского взаимодействия (1948–2014). *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*, № 3, с. 115–149.

Шакиров А.Р., 2012. США: Официальная помощь развитию. *Мировая экономика и международные отношения*, № 3, с. 43–51.

Шумилин А.И., 2013. США–Египет: в поисках новой модели партнёрства. *США ❖ Канада: экономика, политика, культура*, №1, с.37-54.

REFERENCES

Bartenev V.I., 2016. Amerikanskije programmy pomoshchi zarubezhnyim stranam v oblasti bezopasnosti: proshloe, nastoyashchee, budushchee (chast' I). [U.S. Security Assistance Programs: Past, Present, Future (Part I)]. *Moscow University Journal of World Politics*, no. 4, p. 204–234.

Bartenev V.I., 2018. Blokirovaniye pomoshchi kak element vneshnepoliticheskogo instrumentariya SShA: de jure i de facto [Aid Prohibition As a Tool of the U.S. Foreign Policy: De Jure and De Facto]. *MGIMO Review of International Relations*, no.6, p.110-140.

Berger L., 2012. Guns, Butter, and Human Rights – the Congressional Politics of U.S. Aid to Egypt *American Politics Research*, vol.40, no.4, pp. 603–635.

Clarke D.L., 1997. US Security Assistance to Egypt and Israel: Politically Untouchable? *Middle East Journal*, vol. 51, no.2, pp. 200–214.

Crawley M., 2016. 'We Caved' *Politico Magazine*. January–February 2016.

Fleck R.K., Kilby C., 2001. Foreign Aid and Domestic Politics: Voting in Congress and the Allocation of USAID Contracts *Southern Economic Journal*, no.67, pp. 598–617.

Callaway R.L., Matthews E.G., 2008. Strategic US Foreign Assistance: The Battle between Human Rights and National Security. Aldershot: Ashgate. 219 p.

Glazunova E.N., 2012. U istokov sodeistviya mezhdunarodnomu razvitiyu: amerikanskaya programma tekhnicheskoi pomoshchi razvivayushchimsya stranam [At the Origins of International Development Cooperation: the U.S. Program of Technical Assistance to Underdeveloped Countries] *Moscow University Journal of World Politics*, no.2, pp. 126–157.

Gramer R., 2019. Lawmakers Warn Egyptian Leader Over Human Rights Abuses *Foreign Policy*. 09.04.2019.

Hassan O., 2017. *The \$74 Billion Problem: US–Egyptian Relations after the 'Arab Awakening'* *International Politics*, vol. 54, no. 3, pp. 322–337.

Jadallah D. 2016. US Economic Aid in Egypt: Strategies for Democratisation and Reform in the Middle East. London: I.B. Tauris. 389 p.

Khlebnikova L.R., 2014. Instrumenty vneshnei pomoshchi v kontekste amerikano-izrail'skogo vzaimodeistviya (1948-2014) [Foreign Aid Instruments in the Context of the United States – Israel Relations (1948-2014)]. *Moscow University Journal of World Politics*, no. 3, pp. 115–149.

Krieger Z., 2012. Egypt vs. Israel: How Congress Weighs the Risks of Cutting Our Aid to Cairo *The Atlantic*. 16.02.2012.

Lancaster C., 2007. Foreign Aid: Diplomacy, Development, Domestic Politics. Chicago, University of Chicago Press. 288 p.

McElhinny C. et al., 2008. beyond the Water's Edge: Measuring the Internationalism of Congress. Washington, DC: Rowman & Littlefield, 238 p.

Milner H.V., Tingley D.H., 2010. The Political Economy of U.S. Foreign Aid: American Legislators and the Domestic Politics of Aid *Economics and Politics*, no.22, pp. 200–232.

Rogin J., 2012. Clinton Waives Restrictions on U.S. Aid to Egypt *The Foreign Policy*. 22.03.2012.

Shakirov A.R., 2012. SShA: Ofitsial'naya pomoshch' razvitiyu [USA: Official Development Aid] *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 3, pp. 43–51.

Schulberg J., 2014. The Military Coup in Thailand Is Putting the U.S. in an Awkward Position *The New Republic*. May 24, 2014.

Shumilin A.I., 2013. The USA - Egypt: in Search for a New Partnership Model. *USA-Canada: Economics, Politics, Culture*, no.1, p.37-54.

Zimmermann A.M. 2017. U.S. Assistance, Development, and Hierarchy in the Middle East. New York: Palgrave Macmillan, 286 p.

Информация об авторе / About the author

Бартенев Владимир Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, 107131, Москва, ул. Рождественка, д.12; доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов, директор Центра проблем безопасности и развития факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1;

Vladimir I. Bartenev, Cand. Sci. (History) Institute for Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation, 107031, Moscow, Rozhdestvenka, 12; Professor at the Chair for International Organizations and World Political Processes, Director for Center for Security and Development Studies at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University. 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

УДК 2-9

DOI: 10.31857/S032120680005968-8

Православная Америка: прошлое и настоящее

В.О. Печатнов

*МГИМО МИД России, РФ, 119154 Москва, пр-т Вернадского, 76
ORCID: 0000-0001-6733-031X e-mail: vopechatnov@gmail.com;*

В.В. Печатнов

*МГИМО МИД России, РФ, 119154 Москва, пр-т Вернадского, 76
ORCID: 0000-0001-9340-9363 e-mail: vpechatnov@yandex.ru*

Статья поступила в редакцию 4.06.2019.

Резюме: Анализ основных этапов эволюции православия в США и тенденции его современного развития показывает, что современная православная Америка представляет собой напластование культурных слоев нескольких столетий, в основе которых лежит русский слой, заложенный ещё первыми русскими миссионерами на Аляске. Кратко прослеживается дальнейшее превращение русского православия от «церкви диаспоры» до поместной американской церкви к началу XX века, а также траектории развития трёх основных русских православных юрисдикций в США – Православной церкви в Америке, Русской православной церкви за границей и приходов Московского патриархата. Основное внимание в статье уделяется анализу современного состояния американского православия в этих юрисдикциях на основе социологических исследований: его месту в общем религиозном ландшафте США, особенностям географического распределения православных приходов, социально-демографическим характеристикам православного клира и паствы, степени интегрированности этих юрисдикций в американское общество, причинам малой распространённости православия в США по сравнению с основными религиозными конфессиями этой страны. Делается вывод о том, что, несмотря на свою малочисленность, православие в США прочно укоренилось в американском обществе и имеет неплохие перспективы дальнейшего развития.

Ключевые слова: православие, РПЦ, РПЦЗ, Православная церковь в Америке, Русская духовная миссия на Аляске, православные приходы

Для цитирования: Печатнов В.О., Печатнов В.В. Православная Америка: прошлое и настоящее. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2019 49(8): 75-91.

DOI: 10.31857/S032120680005968-8

Orthodox America: Past and Present

Vladimir O. Pechatnov

*Moscow State Institute of International Relations. 76 Vernadsky pr.,
Moscow 119154 Russian Federation
ORCID: 0000-0001-6733-031X e-mail: vopechatnov@gmail.com;*

Valentin V. Pechatnov

*Moscow State Institute of International Relations. 76 Vernadsky pr.,
Moscow 119154 Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9340-9363 e-mail: vpechatnov@yandex.ru*

Received 4.06.2019

Abstract: The article presents a review of the main stages of historical evolution of Orthodox Christianity in the United States as well as an analysis of recent trends in its contemporary development. The present-day Orthodox Christianity in America is a combination of several cultural layers based on Russian spiritual legacy laid by the Russian Orthodox mission in Alaska beginning from the late 18th century. The subsequent transformation of this “diaspora Church” into an American Orthodox Church was followed by its fragmentation into three different jurisdictions: Orthodox Church in America (OCA), Russian Orthodox Church Outside of Russia (ROCOR) and parishes of Moscow Patriarchate. Based on survey research and other sociological studies of Orthodox America, the article’s main focus is on the current state of these jurisdictions: their place in changing U.S. religious landscape, their geographical distribution, socio-demographic characteristics of their clergy and laity, their level of integration into American society as well as factors of its relatively marginal status compared to main America’s religions. The authors’ conclusion is that despite its small numbers U.S. Orthodoxy is firmly rooted in American society and has good prospects for further growth.

Keywords: Orthodox Christianity, Russian Orthodox Church, Russian Orthodox Church Outside of Russia, Orthodox Church in America, Russian Orthodox Mission in Alaska, Orthodox parishes.

For citation: Pechatnov V.O., Pechatnov V.V. Orthodox America: Past and Present. *USA & Canada*. 2019 49(8): 75-91. DOI: 10.31857/S032120680005968-8.

ВВЕДЕНИЕ

В современных США насчитывается несколько сотен религиозных конфессий, представлены все мировые религии и большая часть локальных религий. Так, Религиозная перепись США 2010 г. содержит сведения о 236 религиозных группах [1]. Своё особое место в этом религиозном калейдоскопе занимает православное христианство. По сравнению с протестантизмом, католичеством и даже иудаизмом оно весьма скромное по численности, но очень важное для русских людей, как в самих США, так и за их пределами. Православная Америка – это особый мир духовного и евхаристического общения, основанного на многовековой традиции, восходящей к эпохе Иисуса Христа и апостолов. Она является частью вселенского православия и включает в себя не только «традиционных» православных – людей с греческими, русскими, балканскими и восточноевропейскими корнями, но и коренных американцев, которые обрели в православии свое духовное пристанище. В культурологическом смысле современная православная Америка представляет собой напластование культурных слоёв нескольких столетий, в основе которых лежит русский слой. Заимствуя выражение выдающегося православного богослова русской Америки прот. А. Шмемана, можно сказать, что современное американское православие выросло «из русского корня» [Григорьев Д., 2007].

ИСТОКИ

Первые православные появились в Америке ещё в колониальный период. В 1768 г. шотландский предприниматель Эндрю Тернбулл основал во Флориде поселение, которое назвал Новой Смирной в честь родины своей жены-

гречанки, древнего города Смирны в Малой Азии. В качестве колонистов Тернбулл набрал православных греков. Однако условия жизни в Новой Смирне оказались чрезвычайно тяжёлыми, многие колонисты умерли, а оставшиеся в живых перебрались в ближайший город Сент-Огастин [Erickson, J., 2008].

Настоящее проникновение православия на Североамериканский континент началось в конце XVIII века с русской духовной миссии на Аляске – тогдашней далёкой колонии Российской империи. Вскоре после образования в 1784 г. первого русского торгового поселения на острове Кадьяк его основатель, купец Г.И. Шелихов, обратился в Святейший Правительствующий Синод с просьбой прислать туда священников для духовного окормления русского населения колонии и обращения в православие местных туземцев. Императрица Екатерина II поддержала его инициативу, наказав петербургскому митрополиту Гавриилу (Петрову) подобрать небольшую группу миссионеров. В 1794 г. восемь монахов Валаамского и Коневецкого монастырей во главе с архимандритом Иоасафом (Болотовым) начали своё нелёгкое служение на этой необжитой суровой земле. Ещё через два года Священный Синод учредил Кадьякское викариатство, назначив епископом Иоасафа, который, к несчастью, вскоре утонул во время кораблекрушения. Оставшись без руководства и подвергаясь притеснениям со стороны начальства Русской Американской компании, епархия стала чахнуть, и Священный Синод постановил было закрыть её, но после вмешательства императора Александра I Св.Синод стал снова посылать на Аляску священников [Смолич И.К., 1997: 271-272].

Последним из восьми первоначальных подвижников был монах Герман, основавший на островке Еловом обитель Новый Валаам, где он жил отшельником до самой смерти в 1837 г.: крестил туземцев, исцелял больных, воспитывал и обучал сирот. Алеуты почитали Германа святым ещё при жизни, а в 1970 г. он был канонизирован как преподобный Герман Аляскинский, став первым американским святым в православном календаре.

Новый период в жизни аляскинской миссии связан с деятельностью священника Иоанна Вениаминова (1797–1879), будущего святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского, прибывшего в Америку в 1824 г. Пастырь, миссионер, учёный-этнограф, он положил начало переводу Св. Писания на местные языки, создал первую приходскую школу в селении Уналашка и в 1840 г. добился одобрения Св. Синодом и Императором Николаем I учреждения Камчатской, Курильской и Алеутской епархии с кафедрой в столице русской Аляски г. Ситке (Новоархангельске), где он основал кафедральный собор в честь архангела Михаила. Алеуты вспоминали, что, когда он проповедовал, «все люди слушали, замерев; никто – даже малые дети, не ощущал ни голода, ни жажды» [Григорьев Д., 2007: 28]. Не случайно его прозвали «апостолом Аляски». Священника Иоанна, ставшего затем епископом Иннокентием, как и других лучших русских миссионеров, отличало уважительное отношение к аборигенам, в которых он видел доброе нравственное начало. «Чем ближе знакомлюсь я с дикими, тем более люблю их...», – писал он, – ибо многие, так называемые дикие, гораздо лучше многих, так называемых, просвещенных в нравственном отношении» [*Климент (Капалин)*,

2009: 170]. При умелом администраторе епископе Иннокентии русская духовная миссия в Америке обросла всей необходимой инфраструктурой. Ко времени уступки Аляски Соединённым Штатам в 1867 г. в ней насчитывалось свыше 12 тыс. православных туземцев, 9 приходов, 32 церкви и часовни, а также 17 школ и три приюта [Stokoe M., Kishkovsky L., 1995]. С ликвидацией Русской Америки в Аляску хлынули протестантские миссионеры, которые начали притеснять православные приходы. Им потворствовали местные власти, проводившие политику американизации туземного населения. Большая часть русских священников вместе с русским населением вскоре покинула Аляску.

Но святитель Иннокентий, ставший в 1868 г. первоиерархом Русской православной церкви (РПЦ), ратовал за продолжение русской духовной миссии на Североамериканском континенте, которая приобретала теперь иное предназначение. «Я вижу в этом обстоятельстве (продаже Аляски. – *Авт.*) один из путей Провидения, которым наше Православие может проникнуть в Соединенные Штаты», - писал он обер-прокурору Св. Синода графу Д.А. Толстому в декабре 1867 г. Святитель предлагал сохранить американское викариатство с перенесом его резиденции в Сан-Франциско, а также постепенно переходить на английский язык в богослужении, преподавании в семинариях и управлении самой епархией, прозорливо предвидя, что русский язык в американском православии постепенно заменится английским. Он также рекомендовал разрешить епископату «рукополагать в священнослужители к нашим церквям из американских подданных, которые примут Православие со всеми его учреждениями и обычаями» [Письма Иннокентия, Митрополита Московского и Коломенского, 1901: 139-140].

Так было намечено направление дальнейшего развития православной миссии в Америке, ибо отныне она могла сохраниться и расширяться только путём укоренения среди основного населения страны, утверждаясь на новой американской почве. Многие годы спустя «апостол Аляски» был причислен к лику святых РПЦ. Аляска же и по сей день остаётся самой православной частью Америки, ибо, несмотря на многолетний протестантский и католический прозелитизм, её коренные жители сохранили приверженность вере предков, впервые привнесённую русскими миссионерами.

Последующие полвека американское православие развивалось по пути, предначертанному св. Иннокентием. Руководство сохранённой епархии оставалось русским, но православие в США прирастало в основном за счёт массового притока иммигрантов из православных регионов Европы – галичан, карпатороссов, русинов, буковинцев, болгар, румын, албанцев, греков, сербов, черногорцев. За исключением греков, оставшихся верными Константинопольскому патриарху, эти иммигранты (включая бывших униатов из Галиции и Карпатской Руси) присоединялись к Русской Церкви в Америке, паства которой становилась всё более многонациональной.

В 1898 г. Русскую Церковь в Америке возглавил будущий патриарх Московский и Всея Руси 32-летний епископ Тихон (Белавин), который продолжил дело святителя Иннокентия. Ввиду растущего ареала влияния епархии, в 1899 г. она

по ходатайству Тихона была переименована Св. Синодом в епархию Алеутских островов и Северной Америки. В 1905 г. в ней насчитывалось 72 церкви и 83 молитвенных дома, 80 приходских школ с 2 тыс. учащихся, 79 братств, восемь детских приютов, а количество постоянных прихожан превышало 55 тыс. человек [Попов А.В., 2005: 144]. В 1905 г. кафедра епархиального архиерея была переведена из Сан-Франциско в Нью-Йорк – поближе к районам, заселённым новыми православными. При владыке Тихоне открылась первая духовная семинария в Миннеаполисе, где занятия и службы велись на русском и английском языках, а также – Свято-Тихоновский монастырь в Пенсильвании. Приумножилось количество периодических изданий и других православных публикаций.

Архиепископ Тихон много сделал для упрочения канонического единства Русской Церкви в Америке при сохранении национальных особенностей её составных частей, а также для привлечения мирян к участию в приходских делах. По его инициативе в 1907 г. состоялся первый Всеамериканский церковный собор с участием представителей приходов. Тихон обратился к нему с программой серьёзных реформ, нацеленных на повышение автономии и самостоятельности Русской Церкви в Америке: «Дело в том, - писал он, - что в состав ее входят не только разные народности, но и разные Православные Церкви, которые при единстве в вере имеют каждая свои особенности в каноническом строе, в богослужебном чине, в приходской жизни; особенности эти дороги для них и вполне терпимы с общей православной точки зрения. Посему мы не считаем себя вправе посягать на национальный характер здешних Церквей – напротив, стараемся сохранить таковой за ними, предоставляя им возможность быть непосредственно подчиненными начальникам их же национальности... В своей области каждый из них самостоятелен, но дела, общие для всей Американской Церкви, решаются соборно под председательством русского архиепископа. Жизнь в Новом Свете по сравнению со Старым имеет свои особенности, с которыми приходится считаться и здешней церкви, а посему этой последней должна быть предоставлена большая автономия (автокефальность), чем другим русским митрополиям» [Попов А.В., 2005: 145-146]. Владыке Тихону не довелось довести намеченное до конца, поскольку в том же 1907 г. он был отозван в Россию, где продолжил свое архипастырское служение¹.

К 1917 г. Северо-Американская епархия охватывала всю территорию континентальных США, Канады и Аляски, имела четыре викариатства (Аляскинское, Бруклинское, Питтсбургское и Канадское), 272 прихода, 242 священнослужителя и около 300 тыс. прихожан. Кроме того, в неё входили Сиро-арабская миссия (32 церкви и до 30 тыс. прихожан), Албанская миссия (три церкви и до 30 тыс. прихожан) и Сербская миссия (36 церквей и до 15 тыс. прихожан). Согласно описи

¹ Подробнее о деятельности св.Тихона в Америке см.: Американский период жизни и деятельности святителя Тихона Московского, 1898-1907 / Под ред. А.В. Попова. СПб.: Сатисъ, 2013; Американский период жизни и деятельности святителя Тихона Московского. Документы / Под ред. А.В. Попова. СПб.: Сатисъ, 2014.

религиозных организаций 1916 г. «Восточное Православие» было самой быстро-растущей христианской конфессией в США [Stokoe M., Kishkovsky L., 1995: 18].

Но дальнейшее развитие православия в США было нарушено революцией в России и последовавшими за ней потрясениями. Связь с матерью-церковью была разорвана, финансовая помощь из России прекратилась, епархия лишилась опытного руководства. Её ослабление и общий взлёт национализма после Первой мировой войны привели к тому, что различные поместные церкви стали создавать в Америке свои собственные епархии. Произошло раздробление РПЦ в США на самостоятельные национальные юрисдикции: три русские, две арабские, и также сербская, румынская, албанская, украинская и карпато-русская. Впоследствии их количество умножилось. В результате на территории одного города нередко возникало несколько православных епископов и приходов, относящихся к разным юрисдикциям. Эта неканоническая ситуация порождала трения в среде духовенства и сеяла среди мирян сомнения в единстве православной веры.

Ситуация внутри РПЦ в Америке несколько упорядочилась с назначением в 1922 г. патриархом Тихоном её главой митрополита Платона (Рождественского) – опытного архиерея, уже возглавлявшего американскую епархию в 1907–1914 гг. По его инициативе Четвертый Всеамериканский собор 1924 г. в Детройте объявил Русскую православную епархию в Америке «самоуправляющеюся Церковью» и преобразовал её в автономный митрополичий округ (так называемую Митрополию), которым управлял выборный митрополит, Собор епископов и митрополичий совет из представителей духовенства и мирян. Этот автономный статус должен был оградить американскую православную церковь от воздействия разрушительных событий в России.

Однако дальнейшая жизнь Митрополии была нарушена церковным расколом, надвигавшимся сразу с двух сторон. В 1921 г. в среде белой эмиграции в Сремских Карловцах (Сербия) образовался Синод Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ). РПЦЗ стремилась объединить все ветви русского православия, находившиеся вне Советской России, сохраняя при этом непоколебимую верность идеалам и укладу России царской. Владыка Платон поначалу сотрудничал с «Синодом», как тогда обычно называли РПЦЗ, но затем их отношения обострились. В 1927 г., через год после разрыва между Митрополией и Синодом, уже имевшая свои епархии в Западной Европе РПЦЗ создала собственную епархию и в Америке. В 1946 г. зарубежный Синод перебрался из Югославии сначала в Мюнхен, а затем в Нью-Йорк. Его паства резко расширилась за счёт «перемещенных лиц» – большой массы новых эмигрантов из СССР и Восточной Европы, прибывших в США после Второй мировой войны.

С другой стороны, изменилась позиция самой матери-церкви. После кончины св. патриарха Тихона в 1925 г. заместитель Патриаршего местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский, 1867-1944), будучи фактическим главой РПЦ, пошёл на компромисс с Советской властью, результатом чего явилось временное ослабление гонений и некоторое признание Русской Церкви правительством. Однако теперь епископы РПЦ вне России должны были дать обещание воздержаться от антисоветской деятельности [Erickson J., 2008: 63]. Митрополит

Платон, неоднократно выступавший с резкой публичной критикой советского режима, «пропитанного атеистическими принципами», такое обещание давать отказался. В ответ на это в 1933 г. митрополит Сергей и синод при нём запретили его в священнослужении, объявили неканоничным провозглашение автономии Северо-Американской епархии 1924 г., и образовали Американский экзархат РПЦ во главе с архиепископом Вениамином (Федченковым) [Платон (Рождественский). Открытая православная энциклопедия «Древо»]. Однако большинство православных приходов остались верными владыке Платону.

В итоге на американской территории образовались три конкурирующие русские православные юрисдикции – РПЦ Московского Патриархата, Митрополии и РПЦЗ, что расплывало силы русской церкви в США. К расколу американского православия на национально-этнической почве прибавился политико-идеологический раскол внутри самой русской церкви и её разрыв с матерью-церковью в России.

В последующие годы каждая из её ветвей в Америке шла своим путём, но – с постепенным преодолением этого раскола. Наиболее активную позицию в этом вопросе занимала Митрополия, которая пыталась наладить взаимодействие как с Москвой, так и с другими православными этническими церквями в самой Америке. С Москвой диалог долго не налаживался из-за требований Московского патриархата дать ему право назначать американского митрополита и отказаться от т.н. «антисоветской деятельности». На втором направлении продвижение было более заметным, особенно при митрополите Леонтии (Туркевиче), который прибыл в Америку молодым священником ещё при митрополите Тихоне в 1906 г. и оставался главой Митрополии с 1950 по 1965 г. Следуя заветам своего наставника, владыка Леонтий сочетал верность русской православной традиции с приверженностью идее целостности многонационального американского православия. «Это не будет повторением римо-католичества, – говорил он о дальнейшем развитии Русской Православной миссии в Америке, – так как принцип вселенскости будет выражаться гораздо шире по объёму – будет допускаться в лоно единой церкви каждый язык и каждое племя без лишения его национальных особенностей» [Григорьев Д., 2007: 62]. При митрополите Леонтии стали проводиться регулярные межцерковные конференции по вопросам духовного образования, встречи и совместные богослужения священников разных православных юрисдикций, создаваться совместные молодёжные и благотворительные организации. В 1950 г. Митрополия вступила в Национальный совет церквей США, а в 1954 г. – во Всемирный совет церквей, что дало ей возможность неформального общения с представителями многих православных церквей, в том числе с РПЦ. В 1960 г. была образована общецерковная организация «Постоянная конференция канонических православных епископов в Америке» (SCOBA) – консультативный орган, координирующий действия своих членов в благотворительной, миссионерской и образовательной областях. И по сей день SCOBA остаётся главным поборником укрепления православного единства в Америке [Erickson J., 2008: 93-94].

При митрополите Леонтии также произошел прилив новых интеллектуальных сил из западноевропейского русского зарубежья. Плеяда выдающихся богословов – протоиерей Г. Флоровский, профессора Н.А. Арсеньев и А.А. Боголепов, выпускники Свято-Сергиевского богословского института в Париже о. И. Мейендорф, о. А.Шмеман и профессор С.С.Верховской - стала подлинным «мозговым трестом» Митрополии на протяжении целого поколения [Григорьев Д., 2007: 39]. Их деятельность привела к так называемому «богословскому возрождению» в американском православии, способствовала подъему его духовного и просветительского уровня.

После кончины митрополита Леонтия в 1965 г. его преемником стал архиепископ Ириней (Бекиш) – последний американский иерарх российского происхождения. При нём на площадке ВСЦ начались переговоры представителей Митрополии с главой Отдела внешних церковных связей РПЦ епископом Никодимом (Ротовым), которые закончились подписанием 31 марта 1970 г. соглашения о предоставлении Митрополии автокефалии со стороны РПЦ. Соглашение стало возможным в результате отказа РПЦ от своих прежних требований. По его условиям РПЦ признавала независимость «Православной Церкви в Америке» (как она стала теперь называться), её исключительную юрисдикцию и права в Северной Америке, кроме тех приходов Московской Патриархии, которые не захотят присоединиться к ПЦА, и Свято-Николаевского собора в Нью-Йорке как представительства РПЦ в Америке [3]. Так было восстановлено долгожданное молитвенное и евхаристическое общение американского православия с матерью-церковью при сохранении полной самостоятельности и самобытности её американской дочери.

Крах богоборческого советского строя и возрождение Русской православной церкви в России сделали возможным следующий важный шаг в преодолении трагического раскола внутри русского православия - воссоединение РПЦ с РПЦЗ. Последняя выдвинула ряд условий для начала межцерковного диалога: осуждение декларации о лояльности советской власти (подписанной митрополитом Сергием в 1927 г.), канонизация российских «новомучеников», включая царя Николая II и членов его семьи, отказ от участия в экуменическом движении и др. Большая часть этих требований со временем была удовлетворена [Красиков А., 2005: 47]. В мае 2007 г. после нескольких лет переговоров Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II и предстоятель РПЦЗ митрополит Лавр подписали Акт о каноническом общении, согласно которому РПЦЗ «предбывает неотъемлемой самоуправляемой частью Поместной Русской Православной Церкви» [2]. Наконец, в 2009–2011 гг. было восстановлено евхаристическое общение РПЦЗ и ПЦА, отмеченное первой совместной литургией и началом сотрудничества в духовном образовании [10]. Хотя все три ветви русской церкви в Америке пошли навстречу друг другу и матери-церкви, они продолжают сохранять свою самостоятельность и своеобразие.

ПРАВОСЛАВИЕ В АМЕРИКЕ СЕГОДНЯ

Однако три ветви русской церкви составляют лишь часть общей картины американского православия, которое включает в себя 13 православных юрисдикций. Крупнейшей из них является Греческая православная архиепископия, насчитывающая по данным Православной переписи, проведенной Бюро переписи США в 2010 г. [1], 525 приходов и 477 тыс. прихожан; за ней идут ПЦА (551 приход в США и около 85 тыс. прихожан), Антиохийская архиепископия (75 тыс. прихожан), Сербская православная церковь в Северной Америке (69 тыс.) и Восточно-Американская и Нью-Йоркская епархия РПЦЗ (28 тыс.). Список замыкает Албанская православная епархия с двумя приходами и 700 прихожанами. Общее число приверженцев православия в Америке по примерным подсчётам составляет около 1 млн. человек [5]. При всех культурных различиях православные церкви едины в вере и опыте духовной жизни. Они имеют много общего и в составе мирян, и в географическом распределении, а главное – в том месте, которое занимает православие в общем религиозном ландшафте США и американском обществе в целом.

Сравнительно низкая распространённость православия в Америке связана с его отличиями от основных американских конфессий. Во-первых, православные церкви имеют преимущественно этническое происхождение и в той или иной степени сохраняют свою историческую идентичность и по сей день. Во-вторых, многие из них подчиняются материнским церквям стран своего происхождения и в этом смысле не являются чисто американскими. В-третьих, православные церкви и приходы представляют собой более или менее замкнутые общины единоверцев, что отражается в низком уровне браков с иноверцами, пониженном участии в межконфессиональной и общественной деятельности за пределами своей общины. Для православных церковь – это, прежде всего, место богослужения и поклонения Господу, а не социальный клуб, как для большинства других американских конфессий. Исследования показывают, что православных в церкви привлекает, прежде всего, Божественная литургия и единение в евхаристии (93% по сравнению с 61% у католиков, 46% у протестантов, принадлежащих к основным протестантским деноминациям, и 22% у протестантов-евангеликов) [Krindatch A., 2008: 26]. Наконец, для православной церковной жизни характерна жёсткая иерархия и центральная роль настоятеля как главного авторитета и духовного наставника, тогда как протестанты и католики склонны рассматривать своих священников как работающих по найму. Православные, согласно опросам, видят в своих пастырях духовных предводителей, а не администраторов и помощников в практических вопросах. Не случайно в православных храмах подавляющее большинство священников являются профессиональными рукоположенными служителями церкви, в то время как в протестантских общинах среди клира много волонтеров и работающих на общественных началах.

Другим отличием православных американцев является характер их расселения. Православные приходы имеются по всей стране, но расположены в основном в урбанизированных районах (59% приходов – в городах с населением более

50 тыс. человек) и почти половина их прихожан проживает в пяти урбанизированных штатах – Нью-Йорке, Калифорнии, Иллинойсе, Нью-Джерси и Массачусетсе [Krindatch A., 2018: 5]. В демографическом отношении православные общины складываются из потомков иммигрантов с православными корнями, новых иммигрантов из стран с православными традициями, а также – новообращенных американцев и их детей. По своей гендерно-возрастной структуре православное население отличается повышенной долей мужчин (50% по сравнению с заметно более феминизированными католиками и протестантами) и сравнительно молодым составом: молодые люди в возрасте от 18 до 29 лет составляют 23% общего числа (по сравнению с 11% среди белых католиков и протестантов). Православные американцы также выделяются повышенным уровнем образования: 28% имеют среднее образование, 20% – незаконченное высшее, 25% закончили колледж, а 26% имеют степень доктора или магистра. В этом они уступают только иудаистам, индуистам и унитариянам-универсалистам. Не случайно православные приходы, как показывают опросы, активнее используют интернет, чем большинство приходов других конфессий. По уровню доходов православные американцы также стоят выше среднего верующего американца: доход ниже 30 тыс. долл. в год имеют лишь 18%, от 30 до 50 тыс. – 17%, от 50 до 100 тыс. – 36% и свыше 100 тыс. – 29%. По этому показателю они уступают только иудаистам, индуистам и епископалам, а в категории «среднего» класса (от 50 до 100 тыс.) занимают первое место [Jones R., Cox D. 2017: 22-29].

Своеобразен и партийно-политический профиль православных избирателей: лишь 26% относят себя к Республиканской партии (гораздо меньше, чем среди белых католиков и белых протестантов), 43% считают себя независимыми (что заметно выше среднего показателя среди верующих) и 26% сохраняют приверженность Демократической партии [Jones R., Cox D., 2017: 37]. Похоже, что и в политической жизни православная Америка идет своим путём, сторонясь как мультикультурного секуляризма демократов, так и воинственного фундаментализма республиканцев. Нынешняя крайняя политическая поляризация страны её мало затронула.

В целом состояние православной Америки на фоне остальных конфессий выглядит весьма благополучно. За исключением Антиохийской церкви количество православных приходов которой постепенно растёт (на 15% за 2010–2015 гг.), тогда как доля остальных белых христиан сокращается в относительном и даже абсолютном измерении [Печатнов В.О., Печатнов В.В., 2018: 48-50]. 70% православных прихожан и приходских священников считают положение своих приходов стабильным или процветающим [Krindatch A., 2018: 39].

Это не означает отсутствия проблем, присущих всей верующей Америке. Пожалуй, главные из них – это дефицит молодых священников и молодых прихожан, который подтверждается статистикой и опросами приходов. По мере развития секуляризации каждое новое поколение становится все менее религиозным. По данным опросов, среди молодёжи в возрасте от 18 до 29 лет доля нерелигиозных составляет 34%, а среди «поколения Z» (родившихся после 1996 г.) – 39%, причём по мере взросления она почти не сокращается [Печатнов В.О., Пе-

чатнов В.В., 2018: 50]. Сохранение веры отцов (*retention*) является проблемой и для православных семей в американских условиях раздельного проживания взрослых детей и родителей, высокой профессиональной и географической мобильности, а также общей эрозии традиционных ценностей под натиском морального релятивизма.

Социологические исследования паствы ПЦА (как, впрочем, и других православных церквей) показывают, что главными факторами, влияющими на жизнь церкви, по мнению самих верующих, является распространение нетрадиционных семей и потребительства, а главными проблемами православные прихожане считают отток молодёжи и противоречия между культурным «мейнстримом» Америки, с одной стороны, и традициями, и требованиями православной церкви - с другой [Krindatch A., 2008: 77]. Последняя проблема стоит особенно остро для православия с его вероучительной, литургической и иконографической спецификой, верностью вековым традициям, иерархической структурой и строгими требованиями по части соблюдения православных норм и обрядов. В стране, где господствует индивидуализм, культ комфорта и «лёгкой» жизни, свобода выбора и религиозный релятивизм, где люди часто меняют религиозную принадлежность и видят в религии скорее средство психологической терапии, нежели спасения, быть православным весьма трудно, и на это способны немногие. Социологические исследования религии показывают, что православные заметно более привержены своей вере и её догматам, чем католики и традиционные протестанты. Хотя большинство православных не считает свою веру единственным путём к спасению, подавляющее большинство (80%) убеждено в том, что «в православии больше истины, чем в других религиях» и заявляет, что не могут представить себя в лоне другой религии [Krindatch A., 2018: 128-129].

Для православных юрисдикций российского происхождения в США существуют и дополнительные трудности - ослабление притока православных иммигрантов и размывание русского присутствия в священнической и приходской среде по мере смены поколений. К тому же атмосфера многолетней холодной войны, возродившаяся и в последние годы с её антироссийской пропагандой, не способствует росту популярности, связанной с Россией православной церкви. Три ветви американского православия, выросшие из русского корня, реагируют на эту действительность по-разному.

Наиболее активно на путь приспособления к американскому «мейнстриму» уже давно встала самая многочисленная из них - Православная церковь в Америке, имея в виду заветы святых Иннокентия и Тихона о необходимости укоренения православия на американской почве. Она сосредоточилась на миссионерской работе среди американского населения, сделав главный упор на обращение в православие коренных американцев. Превращение «церкви диаспоры» в американскую православную церковь, начавшееся ещё в первой половине XX века, получило большое ускорение после обретения автокефальности. Это выразилось в росте численности англоязычных приходов, окончательном переходе на английский язык в системе духовного образования и церковного управления, росте влияния приходских советов и роли в них самих прихожан, а также неко-

торых изменениях в богослужении с целью сделать его более понятным и привычным для американцев (распространение практики регулярных проповедей, сокращения богослужения, упрощенный перевод богослужебных текстов, разрешение сидеть во время большей части службы и др.).

ПЦА многого добилась в этой своего рода миссионерской «американизации». Социологические исследования православных церквей в Америке показывают, что ПЦА наряду с Антиохийской архиепископией и Карпаторусской епархией является наименее этнически ориентированной церковью, в которой преимущественно славянская культурная ориентация сочетается с американской идентичностью [9]. Она больше других православных юрисдикций интегрирована в американское общество: 90% её прихожидов используют в богослужении английский язык, 92% прихожан родились в США, 90% священников родились и рукоположены в США, уровень смешанных браков (т.е. браков с неправославными) среди её прихожан достигает 60-70%. В ПЦА также гораздо больше новообращённых из других христианских конфессий (в основном – протестантов): среди мирян эта доля равна 51%, а среди клира – 59% [Krindatch A., 2008: 5-7].

Ещё одна особенность ПЦА – сравнительно высокая доля активных (регулярных) прихожан: 57% их общего числа бывают в церкви не менее одного раза в неделю по сравнению с 31% в приходах РПЦЗ и 15% в приходах Московского Патриархата. Исследования показывают, что это во многом связано с величиной приходоидов – чем меньше приход, тем он сплочённее и тем выше в нём доля активных прихожан². В ПЦА средний приход насчитывает 154 прихожанина по сравнению с 201 у РПЦЗ и 413 у приходоидов МП. Кроме того, сказывается и высокая доля в ПЦА новообращённых, которые зачастую проявляют большую активность, чем православные – выходцы из верующих православных семей. Наконец, социологами выявлена ещё одна взаимосвязь – между активностью прихожан и языком богослужения: английский язык делает его гораздо более понятным и интересным, чем церковно-славянский [6].

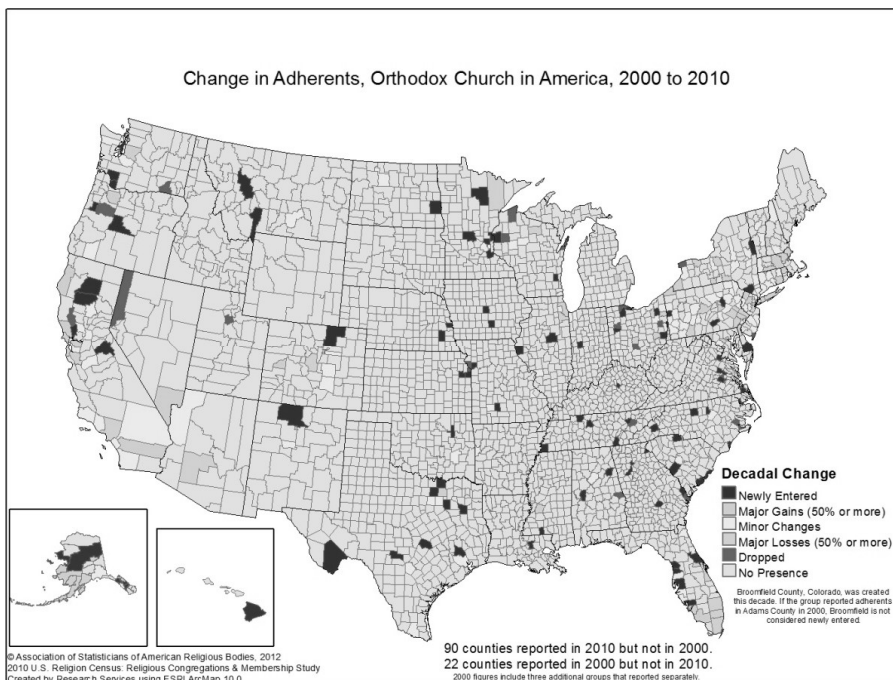
Широка и география присутствия ПЦА на Североамериканском континенте, которое растёт в последние годы (см. карту 1).

В настоящее время ПЦА имеет 14 епархий (включая румынскую, мексиканскую, канадскую, болгарскую и албанскую) и насчитывает почти 700 приходоидов в США, Канаде и Мексике. Управляет юрисдикцией св. Синод во главе с митрополитом Тихоном (Моллардом), наречённым в честь своего выдающегося русского предшественника. К ПЦА относятся три семинарии: Свято-Владимирская в Крествуде (Нью-Йорк), Свято-Тихоновская в Пенсильвании и Свято-Германовская на Аляске. Самая известная и авторитетная из них – Свято-Владимирская, которую с 1950 по 1992 г. поочерёдно возглавляли Георгий Флоровский, Александр Шмеман и Иоанн Мейендорф. Свято-Владимирская семинария является одним из мировых центров православного богословия и готовит кадры

² Здесь применима закономерность, выявленная британским антропологом Р. Данбаром («число Данбара») – максимальный размер общности людей, в которой все могут знать друг друга и поддерживать устойчивые личные отношения, примерно равняется 150.

православных священников и теологов для многих стран. Православная церковь в Америке также имеет 25 монастырей и монашеских общин. Кафедральным собором ПЦА является Свято-Никольский храм в Вашингтоне, посещаемый большей частью российской колонии в столице США и её окрестностях. ПЦА также имеет своё подворье в Москве.

Карта 1. Рост численности прихожан ПЦА, 2000-2010 гг.

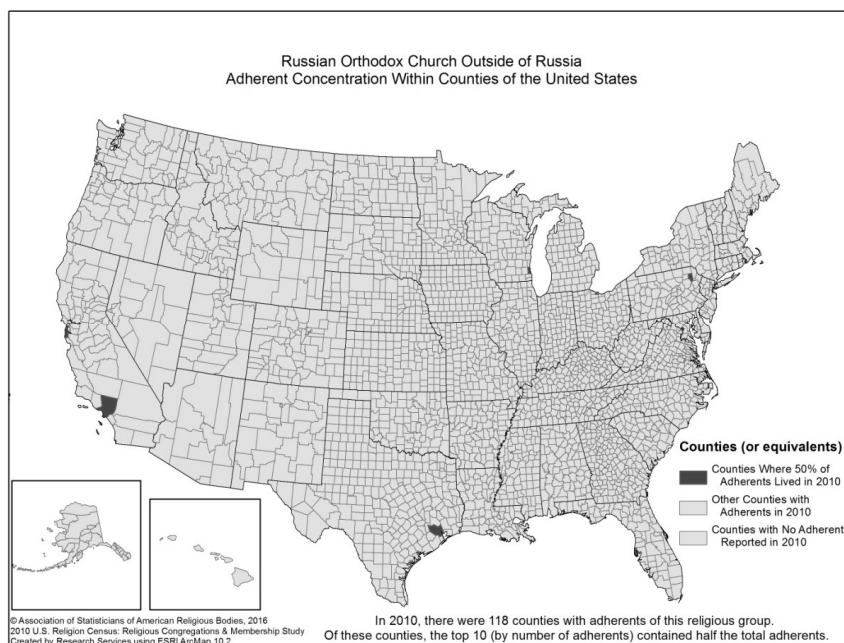

(www.usreligioncensus.org/maps2010.php)

Русская православная церковь за границей пошла другим путём. В отличие от ПЦА она сохранила твердую приверженность строгим каноническим традициям и иерархическому церковному укладу, считая себя последним оплотом и хранителем «неповреждённого православия» во всё более секулярном и либеральном американском обществе [Анашкин Д., 2013]. Во многом она ещё остаётся «церковью диаспоры», опираясь в основном на потомков русской иммиграции первой и второй волн. В 85% приходов РПЦЗ служба ведётся на церковнославянском языке и только в 15% приходов - на английском. Уровень смешанных браков среди её прихожан не превышает 50% [8]. В Восточно-Американской и Нью-Йоркской епархии РПЦЗ около 140 приходов (с общим количеством прихожан 27 тыс. человек) и десять монастырей, главным из которых является мужской монастырь Св.Троицы в Джорданвилле (Нью-Йорк) (см. карту 2).

Там же расположена и Джорданвилльская духовная семинария Св. Троицы с богатым архивом по истории РПЦЗ.

Карта 2. Распределение прихожан РПЦЗ по графствам США

(www.usreligioncensus.org/maps2010.php)

Кроме того, в США РПЦЗ имеет Сан-Францисский православный Институт святых Кирилла и Афанасия Александрийских, где хранятся архивные материалы по истории Русской духовной миссии на Аляске. В настоящее время епархией управляет митрополит Нью-Йоркский и Северо-Американский Иларион.

Обе эти ветви русского православия в США дополняют друг друга, внося свой вклад в развитие американского православия. ПЦА, по словам авторитетного западного знатока православия Р. Тафта, ведёт поиск церковной традиции, «которая была бы истинно православной и истинно американской», тогда как РПЦЗ сохраняет «верность типикону, уставу, литургическим традициям» [11].

Самая малочисленная ветвь русского православия в США – приходы Московской патриархии (32 общины с общим количеством прихожан около 12 тыс. человек) по показателям интегрированности в американское общество занимают промежуточное положение между приходами ПЦА и РПЦЗ: английский язык используется в двух третях приходов, 75% клира – американского происхождения и 25% – российского [8].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одна из нерешённых проблем американского православия – отсутствие единства православной Америки. Самая амбициозная попытка её решения была предпринята в июне 1994 г., когда в местечке Лигоньер (Пенсильвания) состоялась встреча 29 православных американских архиереев, которые приняли «Заяв-

ление о Церкви в Америке». В этом документе провозглашалась конечная цель – преодоление разделения на юрисдикции и объединение всех поместных православных церквей Северной Америки. Были предложены и конкретные шаги на этом пути, в том числе – создание Епископской ассамблеи как предтечи Генерального Епископского Синода. Однако Константинопольский патриарх пресёк реализацию этой инициативы, которая, тем не менее, продолжает обсуждаться в православных кругах. Показательно, что из всех поместных православных церквей наиболее проюнионистскую позицию занимает ПЦА. Подавляющее большинство её иерархов и священников выступает за создание единой автокефальной православной церкви в Америке и почти половина её паствы считает необходимыми более активные усилия в этом направлении с тем, чтобы укрепить позиции православия в Америке [Krindatch A., 2018: 45; 2008: 92-93].

В обозримом будущем такое единство вряд ли достижимо, но и без того очевидно, что православие в Америке прочно укоренилось, а его перспективы представляются если и не радужными, то весьма обнадеживающими. Общее количество православных приходов и верующих продолжает расти. Имеющиеся прогнозы свидетельствуют о том, что эта тенденция сохранится и в ближайшем будущем.

ИСТОЧНИКИ

1. Религиозная перепись США 2010 г. Available at: www.usreligioncensus.org/maps2010/php (accessed 29.11.2018).
2. Акт о каноническом общении. (Act o kanonicheskom obshchenii (2007) [Act on Canonical Communion]). Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/155920.html> (accessed on 2.12.2018).
3. Agreement on the Autocephaly for the Orthodox Church in America (1970). Available at: <https://oca.org/history-archives/autocephaly-agreement> (accessed 03.12.2018).
4. Платон (Рождественский), 2018. Открывая православная энциклопедия «Древо» (Otkrytaia pravoslavnaia entsiklopedia “Drevo” [Open Orthodox Encyclopedia “Drevo”]). Available at: <https://drevo-info.ru/articles/11437.html> (accessed 25.11.2018).
5. Atlas of American Orthodox Christian Churches (2011). Alexei Krindatch, ed. Brookline, MA: Holy Cross Orthodox Press.
6. Krindatch A., 2010. Eight Facts about Church Attendance in US Orthodox Christian Churches. Available at: <http://hrr.hartsem.edu/research/EightFactsAboutChurchAttendance.pdf> (accessed 17.11.2018).
7. Krindatch A. 2010. Five Interesting Facts about Orthodox Church Demography and Geography in the United States. Available at: <http://hrr.hartsem.edu/research/OrthodoxUS5interestingfacts.pdf> (accessed 03.12.2018).
8. Krindatch A., 2000. Tab. 3. Orthodox Churches in USA: the Extent of Integration with American Society. Available at: <http://hrr.hartsem.edu/research/tab3.pdf>, (accessed 03.12.2011).

9. Krindatch A., 2011. *Usage of English language, Ethnic Identity and Ethnic Culture in American Orthodox Christian Churches*, p. 28. Available at: <http://www.assemblyofbishops.org/assets/files/docs/research/3.%20Usage%20Of%20English%20Language%20Ethnic%20Identity.pdf> (accessed 03.12.2018).

10. ROCOR and OCA. Available at: https://orthodoxwiki.org/ROCOR_and_OCA (accessed 03.12.2018).

11. Из интервью ведущего знатока православия на Западе проф. Р. Тафта 30.10.2013. Available at: <https://bogoslov.ru/text/3590491.html> (accessed 30.09.2017).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анашкин Д., 2013. Церковный консерватизм в современном обществе. Available at: <http://www.rocorstudies.org/2013/12/31/tserkovny-j-konservatizm-v-sovremennom-obshhestve> (accessed 02.12.2018).

Григорьев Д., прот., 2007. От Древнего Валаама до Нового Света. Православная миссия в Северной Америке. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2007, 209 с.

Климент (Капалин), митрополит., 2009. Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года. М.: ОЛМА Медиа Групп, 604 с.

Красиков А., 2005. Русское православие на родине и в Америке: диалог цивилизаций? // Российско-американские отношения в условиях глобализации. Под ред. Е. Алексеевой. М.: Институт Дж. Кеннана, с. 25-49.

Печатнов В.О., Печатнов В.В., 2018. Меняющийся религиозный ландшафт Америки // Мировая экономика и международные отношения. 62, № 9, с. 48-59.

Письма Иннокентия, Митрополита Московского и Коломенского. Собран. И.В. Барсуковым: в 3 кн. СПб.: Синодальная типография, 1901. Кн. 3.

Попов А.В., 2005. Русское православное зарубежье: история и источники. М.: ИПВА, 2005.

Смолич И.К., 1997. История Русской Церкви: 1700-1917. В 2 ч. Ч. 2. М.: Валаамский монастырь, 1997.

REFERENCES

Anashkin D. 2013. *Tserkovnyi konservatizm v sovremennom obshchestve* [Church Conservatism in Contemporary Society]. Available at: <http://www.rocorstudies.org/2013/12/31/tserkovny-j-konservatizm-v-sovremennom-obshhestve> (accessed 02.12.2018).

Barsukov I.V. (ed.). 1901. *Pis'ma Innokentiiia, Mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo* [The Letters of Innokenty, Metropolitan of Moscow and Kolomna]. In 3 books. Book 3. St. Petersburg: Sinodal'naia tipografiia.

Erickson J., 2008. *Orthodox Christians in America. A Short History*. New York: Oxford University Press.

Grigor'ev D., 2007. *Ot drevnego Valaama do Novogo Sveta. Pravoslavnaia missiia v severnoi Amerike* [From Old Valaam to the New World. Orthodox Mission in North America]. Moscow: Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii humanitarnyi universitet.

Jones R., Cox D. 2017. America's Changing Religious Identity. Findings from the 2016 American Values Atlas. Available at: <http://www.prrri.org/wp-content/uploads/2017/09/PRRI-Religion-Report.pdf> (accessed 25.10.2018).

Kliment (Kapalin), 2009. Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' na Alaske do 1917 g. [Russian Orthodox Church in Alaska Before 1917]. Moscow: OLMA Media Grupp.

Krasikov A., 2005. Russkoe pravoslavie na rodine i v Amerike: dialog tsivilizatsii?, in Alekseeva, E., ed., Rossiisko-amerikanskie otnosheniia v usloviakh globalizatsii ["Russian Orthodoxy in the Motherland and in America: Dialogue of Civilizations?" in *Russian-American Relations in the Context of Globalization*]. Moscow: J. Kennan Institute.

Krindatch A., 2008. The Orthodox Church Today. A National Study of Parishioners and the Realities of Orthodox Parish Life in the USA. Berkeley, CA: Patriarch Athenarogas Orthodox Institute Press. Available at: <https://www.hartfordinstitute.org/research/OrthChurchFullReport.pdf> (accessed 03.12.2018).

Krindatch A., 2018. Orthodox Christian Churches in 21st Century America. A Parish Life Study. Available at: <http://www.assemblyofbishops.org/assets/files/studies/2018-01-Orthodox Churches in 21st Century America Final. Pdf> (accessed 03.12.2018).

Pечатнов В.О., Печатнов В.В., 2018. Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia, t. 62, no. 9, pp. 48-59.

Popov A.V., 2005. Russkoe pravoslavnoe zarubezh'e: istoriia i istochniki [Russian Orthodox Diaspora: History and Sources]. Moscow: IPVA.

Smolitch I.K., 1997. Istoriia Russkoi Tserkvi: 1700-1917 [A History of the Russian Church: 1700-1917]. In 2 parts. Part 2. Moscow: Valaam Monastery Publ.

Stokoe M., Kishkovsky L., 1995. Orthodox Christians in North America. Wayne, NJ: Orthodox Christian Publication Center.

Tarasar C. (ed.), 1975. Orthodox America, 1794-1976. Development of the Orthodox Church in America. Syosset, N.Y.: The Orthodox Church in America, Dept. of History and Archives.

Информация об авторах / Information about the Authors

Печатнов Владимир Олегович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки, Заслуженный деятель науки РФ, МГИМО МИД России. Российская Федерация, 119154 Москва, проспект Вернадского, 76;

Печатнов Валентин Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии МГИМО МИД России. Российская Федерация, 119154 Москва, проспект Вернадского, 76.

Vladimir O. Pechatnov, Doctor Sci. (History), Professor Department of European and American Studies, Distingwish Scholar of Russian Federation, Moscow State Institute of International Relations. 76 Vernadsky pr. Moscow 119154 Russian Federation;

Valentin V. Pechatnov, Candidate Sci. (History), Assistant Professor Department of Philosophy Moscow State Institute of International Relations. 76 Vernadsky pr. Moscow 119154 Russian Federation.

УДК 327.8, 327.2, 328.124, 328.126
DOI: 10.31857/S032120680005969-9

Проблема нормализации американско-кубинских отношений в Конгрессе США

М.А.-М. Кодзоев

Институт Латинской Америки Российской академии наук.

Российская Федерация, 115035, Москва, ул. Б. Ордынка, д. 21/16.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9330-5599> e-mail: zakon2bona@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.04.2019.

Резюме: На основе анализа законодательных актов и законопроектов, выдвигавшихся в течение более пятидесяти лет, предпринята попытка выявить возможности урегулирования американско-кубинского конфликта в будущем. Основным источником исследования стали материалы сайта Конгресса США, на котором представлены как тексты законов, резолюций и законопроектов, так и результаты голосований по ним, а также стенограммы слушаний в обеих палатах. Их изучение помогло выяснить, чем руководствовались и руководствуются сегодня сторонники более «мягкой» политики в отношении Гаваны. Сравнив их мотивы, с одной стороны, и масштабы поддержки их точки зрения на каждом отдельном историческом этапе – с другой, удалось выявить внутривластные факторы, оказывающие наиболее сильное влияние на политику Вашингтона в отношении Острова свободы. В этом смысле весьма интересна позиция американского бизнеса и фермерского лобби в XXI веке. Прагматика, которой руководствуются сельскохозяйственные компании США, желающие умножить своё присутствие на кубинском рынке, способствовала тому, что идея нормализации американско-кубинских отношений получила широкое распространение и небывалую в прошлом веке поддержку на Капитолийском холме. Вместе с тем довольно прочные позиции до сих пор занимают противники двустороннего сближения. По сути, они создают условия для интенсификации конфликта и дальнейшей эскалации вражды. Их действия обусловлены не прагматикой, а другими факторами, природа которых ближе к политической игре, нежели к соображениям обоюдной выгоды. Между этими полярными точками зрения находится группа законодателей, которых можно назвать приверженцами компромисса. Именно на этом поле разворачивается полемика сторонников и противников нормализации американско-кубинских отношений. Благодаря этой группе сенаторов и конгрессменов всё новейшее законодательство, регулирующее политический курс в отношении Гаваны, стало носить не столь радикальный характер, как это было во времена холодной войны. Эволюция законопроектов, выдвинутых в течение более полувека, может указывать на изменение ситуации в политических верхах США, а также на сегодняшние позиции американских законодателей.

Ключевые слова: США, Куба, Конгресс США, законодательство, нормализация американско-кубинских отношений, сельскохозяйственное лобби, конфликт.

Для цитирования: Кодзоев М.А.-М. Проблемы нормализации американско-кубинских отношений в Конгрессе США. *США & Канада: экономика, политика, культура. 2019;49(8): 92-106. DOI: 10.31857/S032120680005969-9.*

The Problem of the Normalization of Relations between the United States and Cuba in the US Congress

Magomed A-M. Kodzoev

Institute for Latin American Studies, Russian Academy of Sciences.

21/16, B. Ordynka St., Moscow, 115035, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9330-5599> e-mail: zakon2bona@mail.ru

Received 16.04.2019.

Abstract: On the basis of laws and bills suggested during more than fifty years an attempt was made to identify possibility of settling the Cuban-American conflict in the future. Major source for the study was the site of the US Congress that provides both the texts of laws, resolutions and bills and the results of voting on them. Besides there are transcripts of the speeches made by members of both houses. The analysis served to understand what exactly motivated and motivates now the supporters of softer policy toward Havana. Comparison between their motivation and degree of support of their point of views of each historical period showed which of domestic political factors has the strongest impact on the Washington's policy toward the Island of Freedom. In this respect, a position of American business and farm lobby in 21st century is very interesting. The pragmatism, by which the agricultural companies of the USA wanting to boost their income from trade with Cuba are governed, has contributed to promoting and encouraging ideas of US-Cuba normalization of relations on Capitol Hill. However, those who oppose the US-Cuba rapprochement still occupy very strong position. They facilitate the intensification of conflict and further escalation of hostility. Their actions are not motivated by economic pragmatism, but by another factors relating to the political games, not to mutual benefits. Between those conflicting viewpoints, there is the group of lawmakers who might be termed supporters of compromise. It is on this basis that there are the debates between the supporters and opponents of the normalization of the US-Cuba relations. Grace of this group of congressional representatives all of new acts that regulate policy toward Havana has become more moderate than in Cold War. The evolution of Congress bills initiated during more than 50 years may indicate a shift in the political situation in the US Congress.

Keywords: USA, Cuba, the US Congress, legislation, the normalization of the US-Cuba relations, agricultural lobby, conflict.

For citation: Kodzoev M.A-M. The Problem of the Normalization of Relations between the United States and Cuba in the US Congress. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture. 2019;49(8): 92-106.* DOI: 10.31857/S032120680005969-9.

ВВЕДЕНИЕ

Политика США в отношении Кубы регулируется целым рядом законодательных актов, резолюций и других нормативных документов (президентские указы, декларации и др.). Среди них выделяются закон «О торговле с врагом» от 1917 г., закон «О кубинской демократии» (Акт Торричелли) от 1992 г. и закон «За свободу и демократическую солидарность с Кубой» (Закон Хелмса – Бёртона) от 1996 г. По сути, они составляют фундамент торгово-экономического эмбарго и

способствуют сохранению и ужесточению полувекового американо-кубинского конфликта.

В тех случаях, когда Белый дом пытался улучшить взаимодействие с кубинским правительством, постановления Конгресса становились серьёзным препятствием. Например, Барак Обама, заявивший в ходе своей первой избирательной кампании о готовности нормализовать отношения, впоследствии оказался практически бессилён перед лицом чётко продуманного антикубинского законодательства. Конечно, глава государства обладает широкими полномочиями и при благоприятных условиях может многое поменять во внешней политике. И всё же его возможности ограничены.

Между тем на сегодняшний день члены Конгресса придерживаются различных мнений по кубинской проблеме: одни выступают за ужесточение политики, другие – за нормализацию. В зависимости от того, на чьей стороне окажется решающий перевес, конфликт двух государств с большой долей вероятности либо будет решён, либо вступит в очередной цикл своей эскалации. Поскольку идея улучшения американо-кубинских отношений в последние десятилетия стала получать возрастающую поддержку, весьма интересно то, при каких условиях она возникла и как развивалась.

ТЩЕТНОСТЬ БЫЛЫХ УСИЛИЙ

С начала 1960-х годов в Конгрессе США преобладало мнение, что в отношении Кубы необходимо проводить жёсткую линию. Однако на то, как именно следует воплощать её в жизнь, законодатели всегда смотрели по-разному. К примеру, накануне Карибского кризиса в октябре 1962 г. президент Джон Ф. Кеннеди за закрытыми дверями обсуждал проблему дальнейших действий в отношении острова. На этой встрече конгрессмен-республиканец Чарльз А. Хэллек предлагал ограничиться введением военно-морской блокады и «карантина» вокруг соседней страны, а сенаторы-демократы Ричард Рассел и Джеймс У. Фулбрайт настаивали на осуществлении вооружённого вторжения [1]. Интересно, что Дж. У. Фулбрайт меньше чем за год до описываемых событий активно выступал против каких-либо военных действий [Schlesinger A.M., Jr., 1965: 812]. Это говорит о глубоком замешательстве, царившем в Вашингтоне в те времена.

До конца 1960-х и в первой половине 1970-х годов идея улучшения отношений не имела практически никакой поддержки в Конгрессе. Это было связано с тем, что Карибский кризис оказал сильнейший психологический эффект на общественное мнение в США. Господствовавшая среди американцев точка зрения предполагала, что «Куба представляет собой “серьёзную угрозу миру на Земле”» [Кузнецов Д.В., 2009: 45]. С 1960 по 1972 г. положительно к этой латиноамериканской стране относилось не более 6% граждан, в то время как отрицательно – от 53 до 83%. Лишь в 1978 г. уровень отрицательного отношения снизился до 43% [Кузнецов Д.В., 2009: 45]. Настроения в обществе оказывали соответствующее влияние на позицию законодателей, которые и сами едва ли могли

за столь короткий период времени избавиться от того эмоционального «осадка», который остался после событий осени 1962 года.

Источник: Gallup. Available at: <http://www.gallup.com/poll/1630/cuba.aspx> (accessed 12.04.2019).

Начиная с 1974 г. большинство американцев (за исключением 1996 г.) выступало за восстановление двусторонних дипломатических отношений двух государств (см. график 1). В середине 1970-х годов в американо-кубинских отношениях имела место некоторая разрядка. Государственный секретарь Генри Киссинджер в то время прилагал немало усилий, чтобы Белый дом решился на смягчение своей позиции, и в период правления Джеральда Форда его старания принесли определённые плоды. В таких условиях сенатор Эдвард Кеннеди предложил закон «О прекращении эмбарго на торговлю между США и Кубой» от 4 марта 1975 г. (*S.935 - A bill to terminate the embargo against trade between the United States and Cuba*). Это была одна из первых инициатив в пользу улучшения отношений с Островом свободы, прозвучавшая в Конгрессе США. Кстати, её соавторами выступили семь сенаторов из Демократической партии, в числе которых был и Джордж Макговерн. Последний в 1977 г. вместе с другим сенатором-демократом Джеймсом Абуреском выступил за отмену ограничений на двустороннюю торговлю медицинской и сельскохозяйственной продукцией. Но поскольку Вашингтон не мог допустить, чтобы кубинский сахар попал на рынок США, Комитет Сената США по международным отношениям отклонил соответствующий законопроект [LeoGrande W.M., Kornbluh P., 2015: 181-182].

В Палате представителей в середине 1970-х годов тоже не раз выдвигались похожие инициативы. Например, демократ Майкл Харрингтон вместе с одиннадцатью соавторами (десять демократов и один республиканец) предложил

законопроект «Об отмене экономических санкций против Кубы, которые представлены в некоторых актах Конгресса» от 7 мая 1974 г. (*H.R.14626 – A bill to repeal economic sanctions against Cuba which are contained in certain acts of Congress*). Он предполагал снятие запрета на осуществление международных программ развития на Кубе и оказание острову гуманитарной помощи и также не был принят.

Демократ Джонатан Бингхэм, член Палаты представителей с 1973 по 1983 г., был известным сторонником нормализации отношений с Кубой и был лично знаком с Фиделем Кастро [LeoGrande W.M., Kornbluh P., 2015: 181-182]. За годы своей политической карьеры он три раза выступил в качестве автора или соавтора законопроектов, в которых предлагалось смягчить политику в отношении Гаваны. Однако ни один из них не стал законом, так как не получил достаточной поддержки.

В 1980-х годах началось беспрецедентное усиление позиций американо-кубинского лобби и антикубинских настроений в Конгрессе. С 1981 по 2008 г. Кубино-американский национальный фонд (КАНФ) (*Cuban-American National Foundation, CANF*), как писал американский исследователь Вильям Леогранде, «фактически получил право вето в политике США» [Normalizing US-Cuba relations: escaping the shackles of the past, 2015: 476.]. Он был основан иммигрантами, бежавшими с острова по причине несогласия с политикой Ф. Кастро. Фонд выступал против социалистического правительства и резко его критиковал. Большой победой КАНФ можно считать закон «О кубинской демократии» (*H.R.5323 – Cuban Democracy Act*), инициированный конгрессменом-демократом Робертом Торричелли в 1992 г., и закон «О свободе и демократической солидарности с Кубой» (*H.R.927 – Cuban Liberty and Democratic Solidarity Act*), представленный республиканцами Дэном Бёртоном и Джесси Хелмсом в 1995 г. Эти законы ужесточили санкции и распространили их на третьи страны. Соавторами Акта Торричелли выступили 34 члена Палаты представителей, из них 18 – республиканцы, 16 – демократы. Среди них была, кстати сказать, и Илеана Рос-Лейтинен, конгрессвумен кубинского происхождения, которая на протяжении многих лет будет активно выступать против правительства Гаваны.

Соавторами Закона Хелмса – Бёртона выступили 43 законодателя. В их числе – республиканец Линкольн Диас-Баларт и демократ Роберт («Боб») Менендес, которые с 1993 г. дополнили ряды антикубински настроенных групп в Конгрессе. Становившаяся всё крепче в 1990-х годах команда противников американо-кубинского сближения впоследствии очень сильно способствовала ужесточению политики США в период президентства Джорджа Буша-младшего (2001–2009). Для тех, кто выступал за улучшение отношений, это был период тщетности усилий. И, тем не менее, они не переставали действовать.

НАЧАЛО ДЕЙСТВИЙ

В США стали формироваться группы интересов, выступавшие за нормализацию американо-кубинских отношений. К примеру, в 1994 г. был основан Американо-кубинский торгово-экономический совет (*U.S.-Cuba Trade and Economic Council*), оказывающий консалтинговые услуги по вопросам бизнес-отношений между представите-

лями двух стран. Как указано на сайте этой организации, она «взаимодействует... с членами Конгресса» и уделяет особое внимание законодательству Соединённых Штатов, которое регулирует торгово-экономическое взаимодействие с Кубой [2]. Появление Совета, с которым стал сотрудничать целый ряд крупнейших американских фирм (например, автомобильная компания «Дженерал моторс» (*General Motors*); арканзасские пищевые корпорации «Тайсон фудс» (*Tyson Foods*) и «Райсленд фудс» (*Riceland Foods, Inc.*); базирующаяся в штате Теннесси логистическая компания «Федекс» (*Fedex*) и др.), свидетельствовало о желании широких слоёв общества получить возможность заниматься бизнесом на Острове свободы. Как следствие, членам Конгресса – сторонникам нормализации отношений стала оказываться существенная юридическая, организационная и информационная поддержка.

Несмотря на позитивные изменения, до конца XX века Конгресс США не принял ни одного закона, который смягчал бы режим торгово-экономического эмбарго в отношении Кубы. Наоборот, позиция большинства в высшем законодательном органе в течение четырёх десятилетий лишь ужесточалась. Правила, установленные Законом Хелмса – Бёртона, были настолько жёсткими, что начиная с Билла Клинтона каждому президенту США приходилось вводить мораторий на действие его третьей главы. Последняя позволяет подавать в суд на граждан любой страны мира, пользующихся или торгующих имуществом, национализированным по результатам Кубинской революции.

Источник: S. Zahniser, B. Cooke. US-Cuba Agricultural Trade: Past, Present and Possible Future. United States Department of Agriculture. Technical Report, June 2015. P. 6.

Тем не менее, идея улучшения отношений постепенно получала более широкое распространение и на рубеже столетий это стало давать свои плоды. В

начале XXI века в Конгрессе столкнулись интересы разных групп влияния. С одной стороны, команда консервативно настроенных политиков выступала против любых мер, направленных на смягчение ограничений в отношениях с Кубой, с другой – значительно окрепли позиции сторонников установления торгово-экономического взаимодействия. Об этом свидетельствует принятие в 2000 г. закона «О реформировании торговых санкций и экспортном росте» (*Trade Sanctions Reform and Export Enhancement Act*). В соответствии с ним Куба могла закупать американскую сельскохозяйственную и медицинскую продукцию при условии предоплаты наличными. Как результат, двусторонняя торговля в начале XXI века продемонстрировала впечатляющий рост (см. график 2).

Весьма показательны голосования в Конгрессе за этот закон. В Палате представителей инициативу поддержали 340 законодателей (176 республиканцев, 162 демократа и два независимых конгрессмена), против высказались 75 (36 республиканцев и 39 демократов). Причём их голоса не всегда соответствовали их позиции по вопросу отношений с кубинским правительством. Например, Марио Диас-Баларт, как и Роберт Менендес, – известные противники двустороннего сближения – голосовали «за». В Сенате наблюдалась похожая картина: 86 – «за» (45 республиканцев и 41 демократ), 8 – «против» (7 республиканцев и лишь один – демократ). «Ястреб» Джон Маккейн активно критиковал предложенный проект, заявив на слушаниях, что он предусматривает чрезмерные субсидии фермерам [3]. Последовательно выступая против нормализации американо-кубинских отношений, политик, тем не менее, ни разу не коснулся этой темы в своём выступлении. Что же могло побудить некоторых членов Конгресса вести себя столь противоречиво?

Главная причина странного, на первый взгляд, поведения консерваторов заключалась в том, что данный закон обсуждался как один из разделов более общего закона «Об ассигнованиях на сельское хозяйство, развитие сельских поселений, управление по контролю над пищевой и медицинской продукцией и на связанные с ними учреждения» (*Agriculture, Rural Development, Food and Drug Administration, and Related Agencies Appropriations Act*). Кроме того, в принципе, консерваторы выступали лишь против открытия доступа кубинским производителям на рынок США. Это, с точки зрения некоторых американских политиков, могло упрочить позиции социалистического правительства [LeoGrande W.M., Kornbluh P., 2015: 182]. Но в данном случае речь шла о возможностях Кубы закупать американское продовольствие, а не наоборот.

Однако была ещё одна причина, по которой закон получил столь широкую поддержку. Десять южных штатов США, согласно исследованию, проведённому организацией «Поможем Кубе» (*Engage Cuba*), потенциально могли бы в разы увеличить свои доходы от экспорта продовольствия на Кубу. Речь идёт о штатах Арканзас, Джорджия, Огайо, Иллинойс, Канзас, Луизиана, Миннесота, Небраска,

Теннесси, Техас*. Их представители в совокупности занимали около четверти всех мест в нижней палате Конгресса: 115 человек, лишь одиннадцать из которых выступили против закона [5]. Почти все соответствующие сенаторы проголосовали «за». Очевидно, они сильнее многих других были заинтересованы в открытости кубинского рынка для американского сельхозпроизводителя. Поэтому их партийная принадлежность не сыграла никакой роли. Впервые в истории американско-кубинских отношений экономическая прагматика стала ключевым фактором в процессе принятия решений в высшем законодательном органе США.

В марте 2002 г. в Палате представителей сформировалась рабочая группа по Кубе, в которую вошли 46 человек (демократов и республиканцев – поровну). Большинство из них были представителями тех же аграрных штатов, о которых шла речь выше [Hosseini G., Askari G.H., Forrer J., Teegen H., Yang J., 2003: 133]. Инициаторами создания группы выступили республиканец от штата Аризона Джеф Флейк и демократ от штата Массачусетс Уильям Делахант. Показательно то, что в её рядах оказались такие известные политики, как республиканцы Рон Пол (Техас), Пол Райан (Висконсин), Джон Бузман (Арканзас); демократы Джеймс Макговерн (Массачусетс), Чарльз Рейнджел (Нью-Йорк) и др. Они выступали за отмену ограничений на поездки на Кубу и увеличение американско-сельскохозяйственного экспорта на остров.

Сторонников нормализации становилось всё больше. Член Палаты представителей с 1989 г., демократ Хосе Серрано за двадцать лет своей политической карьеры выступил автором и соавтором более тридцати законопроектов, в которых предлагалось улучшить отношения с Кубой. Политик призывал снять ограничения на двустороннюю торговлю, пересмотреть многие положения Акта Торричелли, сделать исключение для экспорта медицинской и сельскохозяйственной продукции на остров, ограничить полномочия президента США по контролю за американско-кубинским взаимодействием, разрешить культурный обмен, позволить кубинским бейсбольным командам беспрепятственно выступать на американских стадионах и т.д. Если до 1996 г. в разработке этих инициатив участвовало не более 42 членов Конгресса, то у предложенного в 1997 г. законопроекта «О торговле с Кубой товарами гуманитарного назначения» (*H.R.1951 - Cuban Humanitarian Trade Act*) было уже 132 соавтора. В последующие годы аналогичные законопроекты пользовались в разы большей поддержкой**.

В начале XXI века Э. Кеннеди продолжал отстаивать в Сенате идею нормализации американско-кубинских отношений. Его активно поддерживал целый ряд сенаторов, среди которых такие яркие политические деятели, как демократы Кристофер Додд, Джон Керри, Хиллари Клинтон и Берни Сандерс, а также республиканцы Дж. Флейк и Томас Крейг. В 2009 г. сенатор Э. Кеннеди скончался,

* Выводы проведённого исследования были справедливы задолго до даты их публикации (2016 г.), так как в нём авторы опираются на объективно существующие преимущества американско-кубинского торгово-экономического взаимодействия [4].

** Законодательство под авторством и при соавторстве конгрессмена Х. Серрано см.: Representative Jose E. Serrano. Congress.gov. Available at: <https://clck.ru/FJFxF> (accessed 13.04.2019)

так и не дожив до нормализации американско-кубинских отношений в декабре 2014 г. Он внёс существенный вклад в приближение этой даты.

Избрание демократа Б. Обамы на пост президента в 2008 г. было важной победой для сторонников улучшения отношений с Кубой. Он открыто заявил о необходимости оставить в прошлом старые обиды и сесть за стол переговоров. Таким образом, появилась возможность действовать сообща с Белым домом. Это, образно говоря, должно было стать испытанием на прочность, прежде всего для Акта Торричелли и Закона Хелмса – Бёртона. Чтобы положить конец политике торгово-экономического эмбарго, глава государства должен был сплотить всех своих сторонников.

ПЕРВЫЕ НАДЕЖДЫ

В первый президентский период Б. Обамы (до 2013 г.) обе палаты Конгресса контролировали демократы. Ими в 2009 и 2010 гг. было принято два закона, которые несколько смягчили нормы американско-кубинских отношений. Первый из них – «Сводный закон о бюджетных ассигнованиях» от 2009 г. (*H.R. 1105 – Omnibus Appropriations Act*). В соответствии с ним аграрии из США могли совершать деловые поездки на Кубу по общей лицензии, без особого разрешения от Управления по контролю над иностранными активами (*Office of Foreign Assets Control, OFAC*). Отменялись ограничения, введённые в 2004 г. администрацией Дж. Буша-мл., на посещение гражданами своих родственников на острове. В законе также говорилось, что предоплата наличными за сельхозпродукцию должна осуществляться не до, а после доставки товаров в кубинские порты отгрузки. При этом в дополнительных положениях отмечалось, что оказывать какую-либо помощь правительству Кубы запрещается (этот уточняющий пункт стал традиционным для всех аналогичных актов) [6].

Любопытно то, как голосовали за этот закон в Конгрессе. В нижней палате он получил поддержку 245 представителей, из которых лишь 16 – республиканцы; 178 выступили «против», из которых лишь 18 – демократы. В Сенате сложилась похожая ситуация. Из 62 голосов, отданных за законопроект, восемь принадлежали Республиканской партии; лишь три демократа присоединились к 32 республиканцам, выступившим против закона. Парадоксально, но на одной стороне с сенаторами К. Доддом, Дж. Керри и Б. Сандерсом, поддержавшими законопроект, оказался Р. Менендес. Позиция Дж. Маккейна осталась принципиальной – он выступил решительно против. Таким образом, впервые кубинский вопрос разделил членов Конгресса по партийному признаку.

Противники взаимодействия с кубинским правительством были весьма озабочены новым курсом Белого дома в отношении Гаваны. Об этом, к примеру, говорило то, что Р. Менендес, по его собственному признанию, принял решение поддержать «Сводный закон о бюджетных ассигнованиях» лишь после того, как его близкий друг, в тот момент министр финансов Тимоти Гейтнер, заверил его, что новые правила призваны способствовать демократическим изменениям на Кубе [7].

Закон «Об общих ассигнованиях» от 2010 г. (*HR3288 – Consolidated Appropriations Act*), утверждавший новые условия поставок сельскохозяйственной и медицинской продукции на Кубу, также продемонстрировал раскол по партийному принципу. Отметим, что поляризация в Конгрессе имела место не только по кубинскому вопросу. Конкуренция двух партий – привычное явление для американской политической жизни. Но всё же позиция президента Б. Обамы по кубинской проблеме несколько консолидировала членов Демократической партии, которые впервые почти единогласно стали поддерживать идею частичной нормализации отношений с Кубой.

Процесс законотворчества в США представляет собой сложную систему компромиссов. Крайне трудно «протогнуть» тот или иной законопроект, не имея двух третей голосов. В Конгрессе 111-го и 112-го созывов (весь первый период правления Б. Обамы) демократы не обладали квалифицированным большинством. Поэтому им приходилось идти на уступки, из-за чего в принятых с их подачи законах появлялось множество поправок. Это существенно обесценивало результаты проделанной работы.

Для того чтобы привлечь на свою сторону членов Республиканской партии, демократы шли на компромиссы, проявляя некоторую осторожность. Весьма показательны в этом смысле резолюции нижней палаты под авторством Дж. Макговерна (№251) и И. Рос-Лейтинен (№252), придерживавшихся полярных точек зрения по кубинскому вопросу, которые были приняты одновременно 11 марта 2010 г. Они касались проблемы прав человека на Острове свободы и признавали «узником совести» Орнальдо Сапата Тамайо, который незадолго до того умер в кубинской тюрьме. В своих выступлениях демократы неизменно подчёркивали, что конечной целью изменений в американо-кубинских отношениях они считают перемены в области прав и свобод на Кубе.

Вместе с тем в 2011 г. консерваторы совершили первую попытку отменить все меры по смягчению политики в отношении Кубы, предпринятые после 2009 г. Это предусматривалось дополнительными положениями законопроекта «Об ассигнованиях на финансовые услуги» (*H.R. 2434 - Financial Services appropriations bill*). Текст предписывал чётко придерживаться санкций, действовавших до 2009 г., вопреки любым другим постановлениям, включая президентские директивы [8]. Однако в конечной версии текста (*Public Law №112-74*) этот пункт не сохранился. Демократическое большинство сумело преодолеть усилия оппозиции [9].

В 2013 г. республиканцы заняли большинство в Палате представителей Конгресса и снова попытались ужесточить политику в отношении Кубы. Но соответствующие законопроекты также не получили достаточной поддержки [10]. Демократическая партия, сохранявшая доминирующее положение в Сенате и всё ещё сильные позиции в Палате представителей, в очередной раз отстояла свою позицию.

УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Последние два года своего президентства Б. Обама вёл с Конгрессом весьма интенсивную борьбу. Об этом говорит то, что за тот период глава государства десять раз пользовался правом вето. Всего за время его правления было лишь двенадцать таких случаев [11]. В 2015–2018 гг. республиканцы контролировали обе палаты Конгресса. Их ряды пополнили новые яркие политики – противники сближения с Кубой. Сенаторы кубинского происхождения Марко Рубио (с 2011 г.) и Тед Круз (с 2013 г.) впоследствии стали виднейшими оппонентами Б. Обамы. Они жёстко критиковали политику нормализации отношений между Вашингтоном и Гаваной.

Таким образом, сторонники отмены торгово-экономического эмбарго упустили появившуюся возможность. Понимая, что на поддержку законодателей рассчитывать больше не придётся, Б. Обама стал регулировать политику в отношении Кубы посредством президентских указов и директив. Но, в отличие от постановлений Конгресса, они могли быть запросто отменены следующей администрацией Белого дома. Став президентом США в 2017 г., республиканец Дональд Трамп так и поступил. 16 июня он подписал «Президентский меморандум по ужесточению политики США в отношении Кубы» (*National Security Presidential Memorandum on Strengthening the Policy of the United States Toward Cuba*).

К началу правления нового президента в Конгрессе уже давно существовало мощное лобби, которое было заинтересовано в налаживании торгово-экономического взаимодействия с Кубой. Крайне влиятельная Американская федерация фермеров (АФФ) (*American Farm Bureau Federation, AFBF*) внимательно следила за действиями Белого дома. Когда Д. Трамп подписал меморандум об ужесточении политики в отношении Гаваны, на её сайте появилось открытое письмо с призывом воздерживаться от поспешных решений. «Куба является рынком сбыта продовольствия на 2 млрд долл. в год. В настоящее время из-за сохраняющихся ограничений Соединённые Штаты экспортируют на остров сельхозпродукцию на 200 млн долл., но существует огромный потенциал, реализация которого необходима для американских фермеров в этот сложный для экономики период», – говорилось в послании АФФ [12]. Отмечалось, что «фермерское бюро продолжит сотрудничество с администрацией и Конгрессом в целях улучшения условий торговли» [12]. Старания лоббистов получили отражение в работе высшего законодательного органа и его отдельных членов. Например, сенатор-демократ Том Удалл часто в своих выступлениях упоминал, что сельскохозяйственные компании США нуждаются в расширении торговых контактов с Кубой [13].

В то же время по кубинскому вопросу в Конгрессе не произошло каких-либо серьёзных изменений в худшую сторону. Был даже принят закон «О развитии сельского хозяйства» от 2018 г. (*H.R.2 - Agriculture Improvement Act*), который разрешил осуществление на Кубе американской Программы развития иностранного рынка (*Foreign Market Development Program, FMD*) и Программы расширения

доступа к рынкам (*Market Access Program, MAP*). Как и следует из названий, их главная цель заключалась в содействии сельскохозяйственному экспорту [14].

Голосования по нему снова разделили Конгресс. Некоторые парламентарии прямо указывали на то, что «проталкивало» данный закон влиятельное фермерское лобби. В Сенате М. Рубио вместе с двенадцатью республиканцами выступил против его принятия. Мотивировал он свою позицию тем, что закон «не способен защитить интересы фермеров, рабочих семей и налогоплательщиков» [15]. Он предложил несколько поправок, которые не были приняты. Сенатор Джон Кеннеди, также голосовавший против, выразил сомнение в том, что закон будет полезен для луизианских производителей сахара. «Это наследие, которое мы должны защитить от иностранных производителей, пытающихся затопить наш рынок», – заявил он [16]. Наконец, сенатору Чаку Грессли из Айовы не понравилось, что в соответствии с фермерским законом большие компании субсидируются, а мелкий производитель оказывается обделённым. «Пока что он [законопроект. – М.К.] получил поддержку лишь среди лоббистов в Вашингтоне, которые добились увеличения финансирования из средств налогоплательщиков... В течение многих лет десять процентов фермеров получают 70% правительственных субсидий», – отметил политик в своём выступлении [17].

Интересно, что за закон проголосовали М. Диас-Баларт и И. Рос-Лейтинен (в Палате представителей), а также Т. Круз и Р. Менендес (в Сенате). Последний отметил, что данный проект содействует развитию аграрного сектора и фермерских хозяйств в штате Нью-Джерси, который он представляет в Конгрессе [18]. Представитель штата Флорида в нижней палате М. Диас-Баларт заявил, что он «горд тем, что голосует за законопроект, который будет помогать нашим [т.е. американским. – М.К.] фермерам, владельцам ранчо и садоводам» [19]. В благодарность за это 18 октября 2018 г. АФФ назвала его «другом фермерского бюро». «Я буду продолжать работать с моими коллегами и отстаивать интересы тех, кто кормит миллионы американцев», – сказал конгрессмен на встрече с членами федерации [20]. Очевидно, интересы аграриев имели решающее значение во время голосования.

Американский бизнес заинтересован не только в экспорте своей сельхозпродукции. Соавторами законопроекта «О сельскохозяйственном экспорте на Кубу» от 2017 г. (*H.R.525 – Cuba Agricultural Exports Act*), выдвинутого конгрессменом Р. Кроуфордом, были 62 члена Палаты представителей, из них 43 – республиканцы. Билль имел широкую поддержку и в Сенате [21]. Главная цель предлагаемых изменений заключалась в легализации двусторонней торговли, чтобы кубинские аграрии также могли реализовать свою продукцию на американском рынке. В частности, по мнению Р. Кроуфорда, это обеспечило бы Кубу иностранной валютой, за которую страна могла бы закупать больше агропромышленной техники из США. Также это способствовало бы расширению негосударственного бизнеса на острове. «Например, кубинские сигары, уникальный национальный продукт, практически весь производится в частном секторе», – заметил Р. Кроуфорд в одном из своих выступлений [21].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, именно аграрии стали локомотивом сближения США и Кубы. И закон 2000 г., и закон 2018 г. являются результатом их деятельности. Они сумели привлечь на свою сторону членов Конгресса и «посеяли» зерно полной нормализации американо-кубинских отношений. Как видно из истории почти четырёх десятилетий, никакие другие факторы не смогли переломить ситуацию в конфликте двух государств. Только сельскохозяйственное лобби сумело в конкретном случае разделить двух политиков кубинского происхождения (почти «близнецов») – М. Рубио и М. Диаса-Баларта. Ни глубокая либеральная философия Э. Кеннеди и Дж. Макговерна, ни идея «бейсбольной» дипломатии Х. Серрано, ни «умная политика» Б. Обамы, ни даже социальные опросы среди граждан США не смогли сдвинуть дело с мёртвой точки. Только интересы аграриев, основанные на прагматике и сугубо экономическом мышлении и поэтому носящие долгосрочный характер, последовательно приносили свои плоды. Это вполне логично – ведь потенциальные выгоды от двустороннего сотрудничества насчитывают миллиарды долларов [22].

Развитие торговли сельхозпродукцией впоследствии должно способствовать установлению более широкого взаимодействия и по другим направлениям. Всё, что было сделано в 2009–2016 гг. (установление почтового и авиасообщения, гуманитарного и научного сотрудничества и, наконец, восстановление дипломатических отношений), стало возможным благодаря той части американского истеблишмента, которая во многом была консолидирована поддержкой аграрного лобби. Последствием всего происходящего может стать полная отмена торгово-экономического эмбарго и всех законов, на которых эта политика базируется. Но сколь длительным будет этот процесс, как долго идея американо-кубинского сближения будет набирать необходимую силу в Конгрессе, сложно сказать. Можно лишь констатировать, что прагматическое мышление на современном этапе положительно влияет на отношения двух стран.

ИСТОЧНИКИ

[1] Cooper B. The Devisement of Foreign Policy during the Cuban Missile Crisis of 1962. Seminar in American Foreign Policy University of Maryland. 17.01.1966. P. 25-26. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP78B05167A001900110006-7.pdf> (accessed 12.04.2019).

[2] U.S.-Cuba Trade and Economic Council. Available at: <https://www.cubatrade.org/> (accessed 12.04.2019).

[3] Congressional Record. July 20, 2000 – Senate. Vol. 146, No. 95. P. S7317.

[4] Prospects for U.S. Agribusiness in Cuba. Engage Cuba. February 9, 2016. Available at:

<http://static1.squarespace.com/static/55806c54e4b0651373f7968a/t/56e0964060b5e96aec1d344d/1457559105663/EC+USACC+Ag+Sheets+-+Packaged.pdf> (accessed 13.04.2019).

[5] H.R.4461 - Agriculture, Rural Development, Food and Drug Administration, and Related Agencies Appropriations Act, 2001. Available at: <https://www.congress.gov/bill/106th-congress/house-bill/4461?q=%7B%22search%22%3A%5B%22Public+Law+106-387%22%5D%7D&r=1&s=1> (accessed 13.04.2019).

[6] Mark P. Sullivan. Cuba: Issues for the 111th Congress. Congressional Research Service. January 4.01.2011. P. 60-61. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/row/R40193.pdf> (accessed 13.04.2019).

[7] Congressional Record. March 10, 2009 – Senate. Vol. 155. No. 42. P. S2933.

[8] H.R.2434 - Financial Services and General Government Appropriations Act, 2012. 112th Congress (2011-2012). Title IX: Additional General Provisions (Sec. 901). Available at: <https://www.congress.gov/bill/112th-congress/house-bill/2434?q=%7B%22search%22%3A%5B%22Financial+Services+appropriations+bill%2C+H.R.+2434%22%5D%7D&s=2&r=2> (accessed 13.04.2019).

[9] Mark P. Sullivan. Cuba: Issues for the 112th Congress. Summary. Congressional Research Service, 6.11.2012. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/row/R41617.pdf> (accessed 13.04.2019).

[10] Mark P. Sullivan. Cuba: U.S. Policy and Issues for the 113th Congress. Summary. Congressional Research Service. 31.06.2014. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/row/R43024.pdf> (accessed 13.04.2019).

[11] The White House. President Barack Obama. Vetoed Legislation. Available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/briefing-room/vetoed-legislation?field_legislation_status_value=1 (accessed 13.04.2019).

[12] American Farm Bureau Cautions on Cuba. 16.06.2017. Available at: <https://www.fb.org/newsroom/american-farm-bureau-cautions-on-cuba> (accessed 13.04.2019).

[13] Nomination Hearing. The US Senate Site. 12.04.2018. Video at: <https://www.foreign.senate.gov/hearings/nomination-041218> (2:02-2:03).

[14] Foreign Market Development Program (FMD). Available at: <https://www.fas.usda.gov/programs/foreign-market-development-program-fmd> (accessed 14.04.2019).

[15] Rubio Statement on Senate Farm Bill Vote. 11.12.2018. Available at: <https://www.rubio.senate.gov/public/index.cfm/press-releases?ID=F6AA3EDF-8200-4B19-B6B2-6C3C27F1BD1F> (accessed 14.04.2019).

[16] Senate Passes Farm Bill That Includes Sen. Kennedy's Extension of National Flood Insurance Program and Protects Louisiana Farmers. 28.06.2018. Available at: <https://www.kennedy.senate.gov/public/2018/6/senate-passes-farm-bill-that-includes-sen-kennedy-s-extension-of-national-flood-insurance-program-and-protects-louisiana-farmers> (accessed 14.04.2019).

[17] Grassley Remarks on the Passage of the 2018 Farm Bill. 11.12.2018. Available at: <https://www.grassley.senate.gov/news/news-releases/grassley-remarks-passage-2018-farm-bill> (accessed 14.04.2019).

[18] Menendez Celebrates Major Wins for New Jersey in Final Passage of 2018 Farm Bill. 12.12.2018. Available at: <https://www.menendez.senate.gov/news-and>

events/press/menendez-celebrates-major-wins-for-new-jersey-in-final-passage-of-2018-farm-bill (accessed 15.04.2019).

[19] Diaz-Balart Votes to Lift Floridians into Self-Sufficiency, Support Florida's Farm and Ranch Families. 21.06.2018. Available at: <https://mariodiazbalart.house.gov/media-center/press-releases/diaz-balart-votes-to-lift-floridians-into-self-sufficiency-support> (accessed 15.04.2019).

[20] Diaz-Balart Named "Friend of Farm Bureau". 19.10.2018. Available at: <https://mariodiazbalart.house.gov/media-center/press-releases/diaz-balart-named-friend-of-farm-bureau-0> (accessed 15.04.2019).

[21] Crawford R. Common-sense next steps for US-Cuba agricultural trade. The Hill. 21.12.2017. Available at: <https://thehill.com/blogs/congress-blog/economy-budget/365740-common-sense-next-steps-for-us-cuba-agricultural-trade> (accessed 15.04.2019).

[22] U.S.-Cuba Agricultural Trade Poised for Growth. 9.09.2017. Available at: <https://www.fb.org/newsroom/u.s.-cuba-agricultural-trade-poised-for-growth1> (accessed 16.04.2019).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кузнецов Д.В. Куба и общественное мнение США. *Латинская Америка*. 2009. № 10.

REFERENCES

Hossein G., Askari G. H., Forrer J., Teegen H., Yang J. Case Studies of U.S. Economic Sanctions. The Chinese, Cuban, and Iranian Experience. Westport, London: Greenwood Publishing Group. 2003. 304 p.

Kuznetsov D.V., 2009. Kuba i obshchestvennoe mnenie SShA. *Latinskaya Amerika*. Moscow, Nauka. [Cuba and Public Opinion in the USA. Latin America, Moscow] 2009. No. 10 (In Russ.).

LeoGrande W.M. Normalizing US-Cuba relations: escaping the shackles of the past. *International Affairs*. May 2015. Vol. 91. No. 3.

LeoGrande W.M., Kornbluh P., 2015. Back Channel to Cuba. The Hidden History of Negotiations between Washington and Havana. Chapel Hill: The University of North Carolina. 585 p.

Schlesinger A.M., Jr., 1965. A Thousand Days. Boston: Houghton Mifflin Company. 1120 p.

Информация об авторе / Information about the Author:

Кодзоев Магомед Абдул-Мажитович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт Латинской Америки Российской академии наук. Российская Федерация, Москва, 115035, ул. Б. Ордынка, д.21/16.

Kodzoev Magomed Abdul-Mazhitovich, Cand. Sci. (Politics), Senior Researcher, Institute for Latin American Studies, Russian Academy of Sciences. 21/16, B. Ordynka St., Moscow, 115035, Russian Federation.

УДК 781, 782, 785

DOI: 10.31857/S032120680005970-1

Музыка США: в поисках национального стиля (к 120-летию А. Копланда)

М.В. Переверзева

Российский государственный социальный университет.

Российская Федерация, 129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, д.4, стр.1.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4992-2738> e-mail: melissasea@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.03.2019.

Резюме: Три первых десятилетия XX века в истории развития музыки США стали временем вступления её в зрелый возраст и формирования национальных музыкальных традиций. Этот период отмечен активной концертной и композиторской деятельностью, появлением новых форм и средств музыкальной выразительности, становлением национального музыкального самосознания американских композиторов. Они обращаются к национальным образам и символам страны и используют мелодии народных песен и танцев. Музыка США начинает звучать по-своему, её голос выделяется на фоне мировой звуковой вселенной. Начав с цитирования или обработки традиционных мелодий, американские композиторы вскоре пришли к воссозданию в своих произведениях особенностей музыкального мышления разных народов континента, отразив тем самым самую суть – музыкальную ментальность США. К таковым особенностям, характеризующим национальный стиль американской музыки, можно отнести блюзовый комплекс средств выразительности, респонсорный и вариантный тип изложения тематизма, балладную мелодику, типичную для традиционной музыки белого населения США, джазовую ритмику и другие.

Ключевые слова: музыка США, национальный стиль, американизм, «плавильный котёл», джаз, кантри, ковбойский фольклор

Для цитирования: Переверзева М.В. Музыка США: в поисках национального стиля (к 120-летию А. Копланда). *США & Канада: экономика, политика, культура. 2019;49(8): 107-122.* DOI: 10.31857/S032120680005970-1

Music of the USA: in Search of National Style (to A. Copland's 120 Anniversary)

Marina V. Pereverzeva

Russian State Social University.

4, build. 1, Wilhelm Pieck St., Moscow, 129226, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4992-2738>

e-mail: melissasea@mail.ru

Received 20.03.2019.

Abstract: The three first decades of the 20th century in the history of development of the USA music were period of its coming in mature age and forming of national musical traditions. This period is noted by vigorous concert and composer activity, appearance of new forms and means of musical expressiveness, development of national musical consciousness of the American composers. They address national images and symbols of the country and use melodies of national songs

and dances. Music of the USA begins to sound in own way, its voice is allocated against the background of the world sound universe. The main method of a research of formation process of the USA national musical style is historical, stylistical, and theoretical analysis of musical texts of the American composers' works as primary sources of art, comparison of the ways of national musical development which was in the USA and the other countries, and also generalization of scientific views and theories of the American musicologists and historians. Having begun with citing or cultivating of traditional melodies, the American composers soon came to reconstruction and reflection of the musical thinking features, characteristic for the different nations, in their works, having captured thereby the essence – musical mentality of the Americans. There are such features characterizing national style of the American music as blues complex of expressive means, responsory and variable type of musical statement, ballad, country, and spiritual melodic typical for traditional music of the white and black population of the USA, jazz rhythmic, etc.

Keywords: music of the USA, national style, Americanism, melting pot, jazz, country, cowboy's folklore.

For citation: Pereverzeva M.V. Music of the USA: In Search of National Style (to A. Copland's 120 Anniversary). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture. 2019;49(8): 107-122.* DOI: 10.31857/S032120680005970-1

ВВЕДЕНИЕ

Национальный стиль американских композиторов вырос в сложной и противоречивой обстановке 1920-х годов. Многие американские композиторы по традиции совершенствовали своё мастерство в Западной Европе, считая, что настоящим мастером можно стать, обучаясь только в консерваториях Старого Света, и в 1920-е годы они совершенствовали своё профессиональное мастерство в пригороде Парижа – Фонтенбло, где в 1921 г. была открыта Американская консерватория. Со дня основания важнейшие музыкально-теоретические и практические дисциплины курса подготовки вела Надя Буланже – пианистка, органистка, музыкант, композитор и дирижёр, сыгравшая решающую роль в становлении национальной профессиональной композиторской школы США [Сигида С., 2000: 63–70].

Композиторы-«буланжисты» составляли весьма многочисленный отряд музыкантов США: Аарон Копланд, Вирджил Томсон, Рой Харрис, Джордж Киркпатрик, Эллиот Картер, Дуглас Мур, Джордж Антейл, Коул Портер, Уолтер Питстон, Луиза Тальма, Эли Сигмейстер, Марк Блицштайн, Филип Гласс и др. Н. Буланже была увлечена творчеством М. Мусоргского, С. Прокофьева и особенно И. Стравинского [Манулкина О., 2006] и передала это увлечение молодым американцам. «Парижские американцы», вдохновлённые достижениями национальных композиторских школ России и стран Европы, ставили целью создание именно национальной американской музыки с её характерным узнаваемым звучанием [Taruskin R., 1996]. Один из инициаторов этого процесса, А. Копланд говорил: «Французскую музыку обычно можно узнать совершенно безошибочно, настолько она национальна по своему характеру. Я не мог понять, почему мы, американцы, не можем писать серьёзную музыку, в которой слушатели могли бы уловить что-то типично американское, тем более что джазовые композиторы и создатели регтайма зародились именно в Америке, весь мир это при-

знал» [Розенуолд П., 1982: 123]. Так, по сути, была сформулирована мысль о фольклоре как основе национального музыкального стиля. В дальнейшем претворение различных пластов народной музыки – духовных гимнов, баллад, ковбойских песен, джаза, блюза, спиричуэла, госпела, музыки кантри и народных обрядов будет характерно для многих композиторов США – А. Копланда, Р. Харриса, В. Томсона, Дж. Гершвина, Э. Сигмейстера, Г. Кауэлла и других.

Особенностью национальной музыки США является специфический мультикультурализм традиций, соединяющихся в «плавильном котле», который характеризуется множеством разных национальных источников – и народной музыки афроамериканцев (спиричуэл, блюз, джаз), и бытовой музыки белых американцев (духовная и светская музыка), и фольклора коренных жителей Америки [Музыкальная культура США XX века, 2007]. Не случайно Г. Кауэлл назвал свою оркестровую сюиту «Плавильным котлом»: она представляет собой пёстрое чередование мелодий разных народов, проживающих на территории США. Поэтому многие музыканты считают американскую музыку XX века своеобразным «плавильным котлом» разных музыкальных традиций [Struble J., 1995].

В 1920–1930-е годы А. Копланд, Р. Харрис, У. Пистон, У. Риггер, Э. Сигмейстер, У. Шумен, Р. Сепнс, Г. Кауэлл, В. Томсон и ряд других последовательно развивали симфонические жанры. Среди различных их вариантов особое место занимают большая концептуальная и программная симфонии, связанные с важнейшими общественно-историческими событиями страны, зачастую основанные на сюжетах из американской жизни. Социальные потрясения Великой депрессии 1929–1933 гг. привели к возникновению массовых движений (рабочих, профсоюзных, за расовое равенство и гражданские права, антифашистских и т.д.), в которых участвовали представители разных слоёв населения США, включая и некоторых композиторов.

Важнейшие события, произошедшие в стране в 1930-е годы, нашли отражение в жанрах симфонии, кантаты, политической песни, песни-инсценировки, песни-марша, музыкальной пьесы. В 1940–1950-е годы многие композиторы США, вдохновлённые национальной идеей, занимались общественной деятельностью и участвовали в разного рода организациях и лигах, а также антифашистских движениях (А. Копланд, У. Риггер, М. Блицтайн, Э. Сигмейстер, Н. Слонимский). В творчестве композиторов важное место занимает историко-событийный комплекс тем и образов, а также развитие интонаций массовых песен и маршей, создаваемых участниками движений. На волне демократических и патриотических устремлений они обращались и к народной музыке. Так постепенно складывался национальный музыкальный стиль США.

Один из ведущих музыковедов США Г. Чейз выделил четыре основные тенденции в развитии американской музыки первой половины XX века: американизм, романтизм, эклектизм и модернизм [Chase G., 1992: 4-5]. По его мнению, к американизму принадлежат композиторы, разрабатывающие фольклор и использующие легенды и сказания народов Америки; вторая связана с претворением романтических концепций; эклектизм подразумевает сохранение и продолжение разных европейских традиций; модернизм объединяет молодых американских композито-

ров, отрицавших эстетику искусства прошлого и главным в своей деятельности считавших поиски нового художественного языка и стиля. Но существует и иная классификация. Дж. Рокуэлл сквозной считает деятельность, начатую композиторами «Великой традиции» в межвоенный период и продолженную во второй половине XX века [Rockwell J., 1983: 10]. Традиционализм, американизм и модернизм вместе с этим создавали особый музыкальный климат в Соединённых Штатах.

Для обозначения различных пластов музыки США искусствовед У. Хичкок ввёл термины *cultivated* и *vernacular* [Hitchcock H., 1988: 53]. Культивированная музыка наследует европейские традиции, местная – претворяет разнообразные фольклорные традиции. Учёный относит к местной американской как музыку разных населяющих континент народов, так и церковную и светскую музыку, к которой обращались композиторы США XX века. По его мнению, эти стилевые источники наиболее точно отражают специфику американской музыки. Разнообразные художественные традиции (классическая европейская музыка, афроамериканский, креольский, индейский фольклор, мюзикл и бродвейские шоу) давали большие возможности для развития национальной композиторской школы [Struble J., 1995: 123]. В научной литературе США возник термин «американизм», который трактовали как тенденцию композиторов «отразить национальный опыт и создать американский музыкальный стиль, выразить любовь к стране и гордость за революцию, которые двигали творческие силы большинства музыкантов» [Rosenfeld P., 1940: 226]. Подобные устремления к созданию национальной композиторской школы возникли в XX веке и в Канаде [Переверзева М., 2014].

В истории американской музыки XX века выделяют так называемую «Великую традицию», связанную с развитием симфонических жанров классико-романтической музыки на основе различных видов национального фольклора США. «Великую традицию» представляют У. Пистон, Р. Харрис, Р. Сешнс, А. Копланд, Э. Картер, Р. Ли Финни, У.Г. Стилл и другие. С их творчеством и связывают понятие «американизм», выражающийся в обращении композиторов к национальным образам, символам, темам, сюжетам, историческим событиям, видам и жанрам народной и профессиональной музыки, в которой они выделяли самое характерное и истинно американское [Zuck B., 1980]. Органичное сочетание разнообразных видов местной американской музыки достигнуто в произведениях А. Копланда, Р. Харриса и У.Г. Стилла как первых композиторов, в творчестве которых формировался национальный стиль американской музыки.

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОМПОЗИТОРСКОЙ ШКОЛЫ США

Для большинства соотечественников творчество *Аарона Копланда* (1900–1990) было символом подлинно американского в музыке. С 1945 г., когда А. Копланд получил Пулитцеровскую премию за балет «Весна в Аппалачах», его статус крупнейшего американского композитора не оспаривался до конца его долгой жизни, как бы ни менялась музыкальная атмосфера в США. А. Копланд получил титул «декана американских композиторов»: он организовывал серии концертов и фе-

стивали, преподавал, читал лекции, писал статьи и книги, оказывал поддержку современной музыке и молодым композиторам. Образцом для подражания ему, как и многим молодым композиторам, служила музыка И. Стравинского, партитуры которого А. Копланд изучал у Н. Буланже во время занятий в её классе. Копланд вспоминал: «Меня особенно поразил сильный русский элемент в музыке Стравинского. Он свободно черпал из фольклора, и это подтолкнуло меня к тому, чтобы найти путь к подлинно американской музыке. Легко было увидеть параллель между мощным славянским ритмическим драйвом Стравинского и американской ритмической изобретательностью» [Copland A., Perlis V., 1999: 72-73].

После первых произведений в диссонантно-модернистском стиле А. Копланд решительно обратился к джазу, когда в Америке стартовало движение новой музыки. Композитор вспоминал: «Конечно, 1920-е знамениты! Воздух был наэлектризован разговорами о новых тенденциях, и паролем была "оригинальность" – всё было возможно. Каждый молодой художник хотел сделать что-нибудь неслыханное, чего никто никогда доселе не создавал. Традиция была ничто, новация – всё» [Copland A., Perlis V., 1999: 74]. В *Музыке для театра* (1925 г.) и *Фортепианном концерте* (1926 г.) он декларирует свою убежденность в том, что именно джаз является главным элементом подлинно американского музыкального языка. «Я интересовался джазовыми ритмами не ради внешнего эффекта, но для сочетания с нетрадиционной гармонией. Моя цель была в рамках серьёзного музыкального языка создать сочинение узнаваемо американское. Влияние джаза было ощутимо в развитии полиритмии. Джаз может составлять суть не только фокстротов и чарльстонов, сочиняемых американским композитором, но и его колыбельных и ноктюрнов» [Copland A., Perlis V., 1999: 119]. Камерно-инструментальная сюита «Музыка для театра» идёт по стопам «Рапсодии в стиле блюз» Дж. Гершвина, хотя джазовые интонации и джазовый «саунд» – самостоятельное изобретение Копланда, использованное им уже в ранней *Органной симфонии*. Это слышно в I и особенно во II части, где имитируется звучание джаз-бэнда с эффектами звукоподражания, глиссандо, гнусавыми тембрами духовых.

Кульминацией джазовых устремлений А. Копланда стал *Фортепианный концерт* (1926 г.). На сей раз успех гершвиновских шедевров подтолкнул Копланда к тому, чтобы более открыто использовать в своём сочинении джаз и блюз. Вторая тема I части берёт начало в той же блюзовой мелодии, что и вторая из «Трёх прелюдий» Дж. Гершвина («блюзовая колыбельная», как назвал её Гершвин). Во II части Копланд пародирует стиль современных ему джазменов, предлагая солисту перед вступлением оркестра «разогреться», поиграв как бы не в такт; грандиозная джазовая «оргия», разворачивающаяся дальше, безусловно, должна была шокировать бостонскую публику на премьере под управлением С. Кусевицкого.

В 1930-е годы требованием времени стало искусство традиционное, демократичное, национальное. А. Копланду, среди композиторов своего поколения, удалось перейти из одной эпохи в другую наиболее естественно; его музыкальный язык оказался способен выдержать упрощение и демократизацию, сохранив свои характерные акценты. После премьер оркестрового «Салона Мехико» (1936 г.) и балетов «Парнишка Билли» (1938 г.) и «Родео» (1942 г.) А. Копланд получает статус

национального американского композитора. Сюжеты балетов он взял из американской истории, а музыкальный материал – из разнообразной фольклорной, бытовой и духовной музыки Америки: ковбойские песни в «Парнишке Билли» и «Родео» на сюжеты о Диком Западе, темы-наигрыши фиддлеров и гимн шейкеров «Простые дары» в балете «Весна в Аппалачах» (1944 г.). Латиноамериканский фольклор вдохновил Копланда на создание блестящего концертного опуса «Салон Мехико».

Балет «Весна в Аппалачах» стал эпохальным явлением в американском искусстве. Он концентрирует черты, типичные для творчества А. Копланда в целом – черты, которые вскоре стали опознаваться как характерно американские. Копланд написал музыку в точном соответствии с номерами сценария танцовщицы М. Грэм. В его основе лежал конфликт влюблённой, а затем новобрачной пары с религиозными принципами жителей Аппалачей. Копланд использовал в партитуре гимн шейкеров, хотя позднее признавался: «Я не осознавал тогда, что в сельской Пенсильвании никогда не было поселений шейкеров» [Pollack H., 1999: 401]. Композитор создал такую звуковую атмосферу, что слушатели говорили: «Когда я слушаю ваш балет, я просто чувствую весну и вижу Аппалачи» [Copland A., Perlis V., 1999: 36].

«Весна в Аппалачах», написанная для камерного оркестра из 13 музыкантов, диатонична по гармонии, прозрачна по фактуре, лапидарна по мелодике, проста по ритмике: всё это создаёт образ прохладной красоты горного пейзажа. Эти черты будут характерны и для стиля кантри. Сколь бы случайным ни был выбор названия балета (даже слово “*spring*” в названии означает «горный источник», а не «весну»), его можно считать символичным. Произведением, которое потрясло балетный и музыкальный мир в начале века, была «Весна священная» И. Стравинского, которая пришла в Америку с опозданием, только в 1920-е годы. М. Грэм танцевала в балете И. Стравинского, а в 1944 г. вместе с А. Копландом создала свою «Весну». Здесь тоже нарисована картина пробуждения природы, однако она имеет «истинно американский» характер.

Рой Харрис (1898–1979) был одним из крупнейших симфонистов XX столетия, в сочинениях которого ярко отразились национальные черты американской музыки. В творчестве Р. Харриса преобладают темы, сюжеты и образы, типичные для культуры США. В своих произведениях композитор широко использовал элементы негритянского фольклора и пуританского хорала, мелодии ковбойских песен и песен Гражданской войны. Харрис интересовался национальными художественными традициями и живо откликался на социально-культурные и общественно-политические события, с которыми связаны его произведения. Вооружённым силам США была посвящена Шестая симфония Харриса «Геттисбергская речь» (1944 г.). В её основе лежит известная для каждого американца речь А. Линкольна, в которой он подчеркнул, что «правительство, созданное народом и для народа, никогда не исчезнет с лица земли» [История США, 1984: 442]. Позднее в Девятой симфонии Харрис цитировал фрагменты из текста Конституции США.

Уже первые произведения Р. Харриса получили оценку как «истинно американские». Композитор выразил своё отношение к родине очень выразительно и образно: «Америка – это безбрежные равнины, измождённые ветрами пустыни и прерии, горные вершины, леса гигантских сосен, одинокие скалистые берега и лощи-

ны, "моря" пшеницы и кукурузы, простирающиеся до самого горизонта, хлопковые и табачные поля, фруктовые сады; это маленькие бедные шахтерские города, теснящиеся на склонах гор, и лесозаготовительные поселения, месторождения нефти и заводские города Новой Англии. Америка – это задымлённые, переполненные шумные города из стали, стекла и электричества, управляющие человеческими судьбами» [American Composers on American Music, 1962: 112]. Приверженность Р. Харриса к национальному началу в искусстве выразилась уже в первых его симфонических произведениях. После обучения в Американской консерватории Фонтенбло композитор написал Первую симфонию «Американский портрет» (1929 г.), в которой проявилось его тяготение к программности [Zuck B., 1980: 224].

Все четыре части Первой симфонии названы теми чертами характера, которые, по мнению Р. Харриса, типичны для американцев. Это «Терпение», «Инициативность», «Стремительность» и «Единая сила». Символическим является и обращение автора к одной из самых популярных песен времён Гражданской войны «Когда Джонни возвращается домой», лежащей в основе второй части симфонии. Ирландское происхождение этой мелодии выдают подвижный темп, шестидольный ритм жиги, натуральный минорный лад. В песне говорится о встрече девушки с возлюбленным после окончания войны. Эта мелодия была особенно любима Р. Харрисом, который неоднократно цитировал или обрабатывал её в симфонических произведениях – увертюре с одноимённым названием (1934 г.), Третьей, Четвёртой и Шестой симфониях. После премьеры Первой симфонии в исполнении С. Кусевицкого её назвали «истинно трагической американской симфонией» [American Composers on American Music, 1962: 570]. В наше время песня о Джонни как символ национальной американской музыки звучит в третьем фильме цикла «Крепкий орешек» с Б. Уиллисом в главной роли.

Обрабатывая народную музыку, мелодию песни или танца, композитор оставлял её практически нетронутой и развивал посредством интонационного, ритмического, тембрового и гармонического варьирования сопровождающих голосов и контрапунктической техники. Р. Харрис написал 14 симфоний, воплотив в них национальные американские темы и образы в условиях жанра, сконцентрировавшего в себе важнейшие достижения европейской музыки. Его симфониям свойствен яркий американский характер музыки за счёт народно-песенного материала, который был знаком всем американцам, а позднее символизировал национальное начало музыки США. «Истинный американизм» выразился в Четвёртой, «Народно-песенной симфонии» Харриса (1940 г.). В названии произведения запечатлена идея автора представить панораму американского песенного фольклора. Здесь звучат ковбойские мелодии, соседствующие с наигрышами фиддлеров, танцы в стиле кантри чередуются с лирическими песнями Британских островов, а трудовые песни перемежаются религиозными напевами афроамериканцев.

Симфония представляет собой семичастный цикл. Каждая часть озаглавлена: I – «Девушка, которую я оставил», II – «Западный ковбой», III – «Первая интерлюдия для струнного оркестра и ударных», IV – «Любовная песня горца Южных Аппалачей», V – «Вторая интерлюдия для оркестра», VI – «Негритянская фантазия», VII – Финал «Когда Джонни возвращается домой». Произведе-

ние основано на народных мелодиях, подвергаемых вокально-симфонической обработке. Композитор использовал песни из популярных сборников фольклористов Дж. и А. Ломаксов и К. Сандберга: ковбойскую песню «Девушка, которую я оставил», которая была популярна в США с XVIII века, – в I части; три баллады «Не хорони меня в одинокой прерии», «Старая Чисхолмская тропа» и «Ларедо» (по названию ковбойского городка) – во II части; песню Южных Аппалачей «Он ушёл прочь», основанную на старинной шотландской балладе с вопросно-ответной структурой, характерной для Южных Аппалачей, – в IV части; негритянские спиричуэлы «Мой Господь взывает ко мне», «Звуки трубы раздаются в моей душе» и «Мальчик по имени Дэвид» – в VI части; песню Гражданской войны «Когда Джонни возвращается домой» – в VII части. В двух оркестровых интерлюдиях – III и V частях используются танцевальные мелодии.

В симфонии Р. Харрис воссоздаёт атмосферу инструментального музицирования в американских сёлах периода заселения континента. В них звучат наигранные фиддлеров, бытовавшие в среде первых переселенцев. Таким образом, каждая часть симфонии основана на разного рода фольклорном материале. Харрис представил в симфонии панораму народных музыкальных традиций США – вокальных и инструментальных напевов, повествующих о жизни и музыкальном фольклоре страны. Композитор выстраивает драматургию сочинения на основе идеи странствий в целях обретения жизненного опыта и познания законов мироздания. Основные темы симфонии Харриса – человек и природа (одинокие прерии и сказочные горы в I и II частях; любовь и смерть человека во II, III и IV частях; праздничное веселье в III и V частях); религиозные ритуалы в VI части). Завершает симфонию победный триумфальный финал на основе темы песни «Когда Джонни возвращается домой».

Р. Харрис. «Народно-песенная симфония». II часть (фрагмент)

Lawd, de trum-pet sounds it in my soul. Lawd! Lawd!

Р. Харрис. «Народно-песенная симфония». VI часть (фрагмент)

Отобранные для симфонии мелодии интонационно близки и относятся к двум типам музыкального фольклора – афроамериканского и англоамериканского. В каж-

дом из этих типов прослеживаются влияния англокельтской и негритянской народной музыки. Влияние англокельтской музыки проявляется в использовании приёма многократного повторения ритмомелодических формул (например, движения по звукам трезвучия с их последующим опеванием), преобладании диатонических и пентатонных ладов в темах I, II, IV и VII частей, квадратности построения тем.

Мелодия песни «Когда Джонни возвращается домой»

Афроамериканская музыкальная традиция отражена в «Негритянской фантазии» – так озаглавлена VI часть симфонии Р. Харриса. Автор не просто цитирует мелодии спиричуэлов, но и отражает свойственные этому жанру метроритмические и ладовогармонические особенности – пунктирный ритм и синкопы, нетемперированные интонации, блюзовый лад с пониженными и повышенными ступенями. Мелодии обеих традиций объединены общностью некоторых интонаций, что способствовало формированию в симфоническом цикле своеобразной лейтинтонационной системы. Главную функцию в этой системе выполняют кварттовые интонации (II, IV и VII части), трихордные попевок в разных вариантах (IV и VII части) и движение по звукам трезвучия с секстой (I, II, IV и V части). В развитии интонационной драматургии симфонии обнаруживается принцип обрамления цикла мелодиями англокельтской традиции в I и VII частях.

Композитор следует традициям музыкального фольклора, поскольку народные песни США, за исключением афроамериканских спиричуэлов, преимущественно монодические. Р. Харрис также использует приём антифонных переключек между женскими и мужскими голосами, воссоздавая тем самым старинную манеру пения, распространённую в народной американской музыке от новоанглийского хора до африканского пения. Среди средств объединения цикла – вариационно-вариантный метод развития музыкального материала, темброво-колористическое расцветивание, имитационно-полифонический тип обработки напевов. Песенный материал и принципы гармонического, ритмического и тембрового варьирования определяют и господство песенно-куплетных и вариационных форм в цикле.

Третьим важным соучастником процесса формирования национальной американской музыки стал Уильям Грант Стилл (1895–1978) – первый крупный афроамериканский композитор, получивший мировое признание, автор опер, балетов, симфоний, программных сочинений для оркестра, хора и солистов. У.Г. Стилл отдал предпочтение программным симфоническим и кантатно-ораториальным

сочинениям. Многие из них посвящены сложной и драматичной судьбе негритянского народа, его характеру, традициям, культуре, жизни. У.Г. Стилл хорошо знал музыку афроамериканцев и в своих сочинениях продолжил путь Дж. Гершвина, сочетая лучшие традиции джаза и европейского симфонизма.

В 1930 г. Стилл завершил свою Первую, «Афроамериканскую» симфонию, которая была исполнена Филармоническим оркестром Рочестера под управлением Х. Хэнсона. Появление этой симфонии и исполнение её одним из важнейших оркестров США ознаменовало важный этап в развитии афроамериканской музыки. Впервые профессиональный композитор написал симфоническое сочинение крупной формы, основанное на традициях негритянского фольклора, отразившегося в каждом звуке сочинения. В качестве эпиграфа к финалу симфонии У.Г. Стилл выбрал одно из стихотворений поэта П.Л. Данбара, в котором автор прославляет героев негритянской расы и выражает гордость за их смелость и отвагу. Важной темой поэтического творчества Данбара было утверждение национального самосознания, прославление чернокожих американцев, сражавшихся в рядах северян во время Гражданской войны.

У.Г. Стилл передаёт сущностные черты вокальной и инструментальной афроамериканской музыки и подчёркивает самобытный характер её звучания, вводя в тематизм элементы блюза, спиричуэла, госпела, джаза и других элементов афроамериканской музыки, а также используя в симфоническом оркестре банджо в качестве солирующего инструмента. В цикле необычна последовательность частей: первая – в умеренном темпе, в стиле блюза; вторая – лирическая часть; третья – скерцо с солирующим банджо. В финале, открывающемся медленным вступлением, все контрастные друг другу по темпу и характеру разделы образуют своеобразный цикл в цикле. Одной из главных закономерностей блюза является антифонный и респонсорный принцип композиции. В африканском музицировании широко распространён приём «зова-ответа», который Стилл и применил в симфонии. В I части респонсорный приём обнаруживается в переключках между трубой соло с сурдиной и четырьмя валторнами, кларнетом и флейтами в первой теме и гобоем соло, флейтами и кларнетами – во II части.

В блюзах инструментальная партия обычно близка вокальной. В своём сочинении У.Г. Стилл поручил исполнять блюзовую тему солирующим инструментам оркестра. Медные духовые играют преимущественно с сурдинами. Солирующий банджо в III части симфонии трактуется композитором как ударный инструмент. Отчасти это связано с традициями негритянского исполнительства в шоу менестрелей. Характерные особенности афроамериканского инструментального исполнительства – детонирование и глиссандирование – также отражены в симфонии. Импровизационность как важнейшая стилистическая черта блюза и джаза ярко проявляет себя и в музыке Стилла. Инструментальные темы его симфонии близки по структуре вокальным блюзам. Так, тема I части написана в форме 12-тактового периода, и его внутреннее строение аналогично строению блюзовой строфы, в которой вторая строка повторяет первую, а в третьей звучит новая фраза. Темы симфонии Стилла строятся по принципу поэтической формы *aab*.

The image displays a page of a musical score for the first part of the main theme of the 'Afro-American Symphony' by U.G. Stille. The score is arranged for a full orchestra and includes parts for Oboe, English Horn, Clarinet, Bass Clarinet, Bassoon, Horn, Trumpet, Trombone, Timpani, Small Cymbal, Bass Drum, Harp, Violin I, Violin II, Viola, Cello, and Bass. The music is in a minor key and features a bluesy feel with various dynamics like *mf*, *mp*, and *p*. The score shows the first five measures of the piece.

У.Г. Стилл. «Афроамериканская» симфония. I часть (тема главной партии)

Блюзовые интонации составляют основу всего мелодического материала симфонии. Стилл использует мажорный лад с низкими III, VI и VII, иногда IV и II ступенями. Ладогармоническое своеобразие одновременного или последовательного звучания больших и малых интервалов придаёт типичный блюзовый колорит темам симфонии, особенно I, II и IV её частей. Нередко «блюзовые ноты» звучат на фоне ясных функциональных аккордов – *T*, *S* и *D*. В блюзовом ладу написаны темы I (*As*), II (*F*), III (*As*) и IV (*As*) частей сочинения. В целом музыке симфонии свойственна тональная гармония, обогащённая ладовыми особенностями афроамериканской музыки. Интонационный словарь симфонии также вырос из блюза. В темах преобладают диатонические и пентатонные последова-

ния с хроматическими вкраплениями; нередки и трихордные попевок, особенно нисходящие. Подобные мелодические особенности характерны и для англо-кельтской народной песни. Таким образом, в мелодике симфонии У.Г. Стилла соприкасаются разные традиции – англокельтской и африканской музыки. Часто интонации тем близки разговорным интонациям негритянской речи.

The image displays a page of a musical score for the first part of the 'African American' symphony by U.G. Stille. The score is arranged in a standard orchestral format with staves for Flute, Oboe, Clarinet, Horn, Harp, Violins I, Violins II, Violas, Celli, and Basses. The key signature is one sharp (F#) and the time signature is 3/4. The music features a prominent triplet motif in the woodwinds and strings. Dynamics include *mp* (mezzo-piano), *mf* (mezzo-forte), and *p* (piano). The score includes performance instructions such as 'solo', 'teneramente', 'div.' (divisi), and '2 solo Violins'. The music is characterized by chromatic inflections and descending melodic lines, reflecting the influence of African American speech patterns.

У.Г. Стилл. «Афроамериканская» симфония. I часть (тема побочной партии)

После небольшого вступления, в котором намечается основная интонационная фабула (мотивы в объёме квинты с нисходящим движением от квинты к терции) звучит главная тема, включающая респонсорную переключку между солирующей трубой с сурдиной и четырьмя валторнами, имеющими матовое звучание. Первое и второе предложение темы близки по мелодическому рисунку (второе является вариантом первого), в третьем же изменения более значительны. В процессе вариационного развития главная тема приобретает более свободный темп, соответствующий импровизационной природе блюза.

У.Г. Стилл. «Афроамериканская» симфония. III часть (фрагмент)

Неожиданное появление побочной темы сопровождается сменой тональности и темпа, но интонационная формула второй темы вырастает из первой и продолжает её развитие, меняя тембровую окраску, но сохраняя респонсорный принцип изложения мысли. Структура второй темы – период из двух предложений (4+4) и две вариации. В вариационных проведений побочной темы подключаются солирующие скрипка и виолончель, и в их партиях отражены особенности игры фиддлеров (сельских скрипачей), в частности, исполнительский приём под названием «горлышко бутылки».

Стихотворение П.Л. Данбара, выбранное в качестве эпиграфа для II части симфонии, выражает размышления поэта о конце жизни. Тема лирического *Adagio* интонационно близка темам I части и таким известным блюзам, как «Блюз 2:19» в обработке

Джелли Моргона и «Холодные руки» Бесси Смит и Луи Армстронга [Конен В., 1980: 35–36]. По форме II часть представляет собой миниатюрный цикл вариаций с небольшим вступлением и заключением. Основная тема, блюзовая по стилю и характеру, построена в форме периода повторного строения. Скерцозно-танцевальный характер III части – *Animato*, написанной в форме вариаций, воссоздает атмосферу весёлого сельского праздника, характерного для жителей Аппалачей. Эпиграфом послужили строки из стихотворения Данбара: «Мы будем петь Алпилуйю несмотря на то, что придёт могущественный день расплаты» [Still W., 1970: 3]. В этой части Стилл синтезировал традиции сельских танцевальных вечеров и шоу менестрелей (С. Фостер, Д. Эммет), проявившиеся в интонационном языке (инструментальные наигрыши), фактуре (остинато и параллельные квинты) и инструментовке (солирующее банджо).

В эпиграфе к финалу говорится о величии и гордости негритянского народа: «Твоё имя вписано в свитки, рукописи, прославляющие твои поступки. Твоё имя и слава возвысились до яркого неба с плавно плывущими облаками. Но истинная правда о ваших деяниях поднимется ещё выше». Финал состоит из двух крупных разделов: первый – эпически-повествовательного характера, в трёхчастной репризной форме; второй возвращает слушателя к образам III части симфонии. Тема финала написана в форме 12-тактового периода и звучит в партии струнных в сопровождении духовых инструментов. Завершается симфония картиной праздничного веселья и торжества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом же в американской музыке первой половины XX века можно выделить два ведущих направления, объединённых идеей формирования национальной самобытности американской музыки и её независимости от европейских традиций. К первому направлению можно отнести группу композиторов, развивавших традиции *vernacular* в разных её проявлениях, что и способствовало выявлению стилевых черт национальной американской музыки. Часто они черпали сюжеты и образы для своих оркестровых сочинений из легенд и сказаний народов Америки, литературы и живописи США, т.е. отчасти следовали пути, типичному для некоторых национальных школ Европы начала XX века. Однако, начав с цитирования или обработки традиционных мелодий, американские композиторы вскоре пришли к воссозданию в своих произведениях особенностей музыкального мышления разных народов континента, отразив тем самым самую суть – музыкальную ментальность США. К таковым особенностям, характеризующим национальный стиль американской музыки, можно отнести блюзовый комплекс средств выразительности, респонсорный и вариантный тип изложения тематизма, балладную мелодику, типичную для традиционной музыки белого населения США, джазовую ритмику и другие.

Ко второму направлению принадлежат композиторы-модернисты, в своём стремлении к новаторству отрицавшие влияние европейских традиций, но также обращавшиеся к национальному фольклору, темам и образам. В рамках авангардного стиля письма они стремились воплощать истинно американский колорит звучания, проявлявшийся в характерных интонациях, национальных чертах музыки

народов, населяющих разные штаты, а также музыкальном мультикультурализме, который обозначают понятием «плавильного котла». Однако авангардисты стремились выразить американизм в форме одновременного звучания музыки разных наций и людей разных рас, живущих в Америке по соседству друг с другом. В частности, Дж. Кейдж к 200-летию независимости США (4 июля 1976 г.) по заказу правительства создал перформанс с весьма символическим названием «Многоквартирный дом 1776» – именно так автор представлял себе страну времён образования Соединённых Штатов. В ходе перформанса в разные моменты звучат «записанные на ленту и исполняемые музыкантами непосредственно на сцене народные американские песни, марши и духовные мелодии конца XVIII века» [Переверзева М., 2006: 39]. В исполнении этой композиции участвуют камерный оркестр, записанные на ленту голоса и четыре «живых» певца, представляющих разные народы США – афроамериканец, индеец, католик и сефард. Композитор-авангардист по-своему воплотил национальное американское начало в музыке, подчеркнув её мультикультурную природу.

Американское общество и искусство – подвижная и постоянно меняющаяся система, поэтому поиски национального музыкального стиля в США продолжаются. Однако то, что было заложено композиторами в первой трети XX века, служит основой истинно американского стиля в музыке, который останется неизменным и узнаваемым много столетий спустя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- История США. В четырёх томах. Т. 1. 1607–1877 / Гл. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Наука, 1983. 687 с.
- Конен В. Блюзы и XX век. М.: Музыка, 1980. 77 с.
- Манулкина О. Stravinsky в Новом Свете: 1920-е // Стравинский в контексте времени и места / Ред.-сост. С. Савенко. М.: Московская государственная консерватория, 2006. С. 148–172.
- Музыкальная культура США XX века / Отв. ред. М.В. Переверзева. М.: Московская государственная консерватория, 2007. 480 с.
- Переверзева М. Джон Кейдж жизнь, творчество, эстетика: монография. М.: Русаки, 2006. 334 с.
- Переверзева М. Музыкальные взаимовлияния США и Канады. *США ❖ Канада: экономика, политика, культура*. 2014. № 3. С. 85–96.
- Розенуолд П. Жизнь в музыке // Диалог – США. 1982. № 20. С. 119–127.
- Сигида С. Переписка Нади Буланже с американскими композиторами в фонде Музыкального отдела Национальной библиотеки Франции // Русские музыкальные архивы за рубежом. Зарубежные архивы в России. М.: Московская государственная консерватория, 2000. С. 63–70.

REFERENCES

- American Composers on American Music / Ed. by H. Cowell. New York: Ungar Pub Co, 1962. 268 p.
- Chase G. America's Music: From the Pilgrims to the Present. New York: University of Illinois Press, 1992. 744 p.
- Copland A., Perlis V. Copland: Since 1943. New York: St. Martin's Press, 1999. 463 p.
- Hitchcock H.W. Music in the United States. A Historical introduction. 3rd ed. New Jersey: Prentice-Hall, 1988. 540 p.

Istoriya SShA. V chetyrekh tomakh [History of the USA. In four volumes]. T. 1. 1607–1877 [Vol. 1. 1607–1877] / Gl. red. G.N. Sevostianov [Editor G.N. Sevostyanov]. Moscow: Nauka, 1983. 687 p.

Konen V. Blyuzy i XX vek [Blueses and the 20th century]. Moscow: Muzyka, 1980. 77 p.

Manulkina O. Stravinsky v Novom Svete: 1920-e [Stravinsky in the New World: the 1920th] // Stravinskiy v kontekste vremeni i mesta [Stravinsky in the context of time and a place] / Red.-sost. S. Savenko [Editor S. Savenko]. Moscow: Moskovskaya gosudarstvennaya konservatoriya, 2006. P. 148-172.

Muzykalnaya kultura SShA XX veka [Musical culture of the USA of the XX century] / Otv. red. M.V. Pereverzeva [Editor M.V. Pereverzeva]. Moscow: Moskovskaya gosudarstvennaya konservatoriya, 2007. 480 p.

Pereverzeva M. Dzhon Keydzh: zhizn, tvorchestvo, estetika: monografiya [John Cage: life, creativity, esthetics: monograph]. Moscow: Rusaki, 2006. 334 p.

Pereverzeva M. Muzykalnyye vzaimovliyaniya SShA i Kanady [Musical interferences of the USA and Canada] // SShA ❖ Kanada: ekonomika, politika, kultura [USA ❖ Canada: Economics, Politics, Culture]. 2014. No. 3. P. 85-96.

Perlis V. Dear Aaron, Dear Lenny: A Friendship in Letters // Aaron Copland and His World / Ed. by C.J. Oja and J. Tick. Princeton University Press, 2005. P. 151-178.

Pollack H. Aaron Copland: The Life and Work of an Uncommon Man. New York: University of Illinois Press, 1999. 728 p.

Rockwell J. All American Music. Composition in the Late Twentieth Century. New York: Alfred A. Knopf, Inc., 1983. 286 p.

Rosenfeld P. "Americanism" in American Music // Modern Music. 1940. No. 4. P. 226-228.

Rozenuold P. Zhizn v muzyke [Life in music] // Dialog – SShA [Dialog – USA]. 1982. No. 20. P. 119-127.

Sigida S. Perepiska Nadi Bulanzhe s amerikanskimi kompozitorami v fonde Muzykalnogo otdela Natsionalnoy biblioteki Frantsii [Nadia Bulanzhe's correspondence with the American composers in fund of Musical department of National library of France] // Russkiye muzykalnyye arkhivy za rubezhom. Zarubezhnyye arkhivy v Rossii [Russian musical archives abroad. Foreign archives in Russia]. Moscow: Moskovskaya gosudarstvennaya konservatoriya, 2000. P. 63-70.

Still W.G. Afro-American Symphony. London: Novello and Company, 1970. 76 p.

Struble J. M. The History of American Classical Music: MacDowell through Minimalism. New York: Facts on File, 1995. 360 p.

Taruskin R. Stravinsky and the Russian Traditions: a biography of the works through Mavra. Berkeley: University of California Press, 1996. 862 p.

Zuck B.A. A History of Musical Americanism. Ann Arbor: UMI Research Press, 1980. 383 p.

Информация об авторе / Information about the author

Переверзева Марина Викторовна, доктор искусствоведения, доцент кафедры социологии и философии культуры Российского государственного социального университета. Российская Федерация, 129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, д.4, стр.1.

Pereverzeva Marina Viktorovna, Doctor of Arts, Assistant Professor, Department of Sociology and Philosophy of Culture, Russian State Social University. 4, build. 1, Wilhelm Pieck St., Moscow, 129226, Russian Federation.

УДК 327+94(71).06

DOI: 10.31857/S032120680005971-2

Седьмые Канадские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете

Ю.Г. Акимов

Санкт-Петербургский государственный университет.

Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная, д.7–9

ORCID 0000-0002-2989-8868

e-mail: y.akimov@spbu.ru

К.В. Минкова

Санкт-Петербургский государственный университет.

Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная, д.7–9

ORCID 0000-0001-5833-6808

e-mail: k.minkova@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 00.00.2019.

Резюме: В сообщении приводится информация о международной научной конференции «Седьмые канадские чтения: Россия и Канада: арктические гиганты», состоявшейся 5–6 апреля 2019 г. на факультете международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. Отмечается, что конференция показала рост интереса к арктической проблематике как среди политиков, так и среди представителей академического сообщества

Ключевые слова: Россия, Канада, Арктика, российско-канадские отношения, международная научная конференция

Для цитирования: Акимов Ю.Г., Минкова К.В. Седьмые Канадские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2019; 49(8):00–00. DOI: 10.31857/S032120680005971-2

Seventh Canadian Studies Conference at St. Petersburg State University

Yury G. Akimov

Saint-Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-2989-8868

e-mail: y.akimov@spbu.ru

Kristina V. Minkova

Saint-Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation.

ORCID 0000-0001-5833-6808, e-mail: k.minkova@spbu.ru

Abstract: The article provides information about the 7th International Canadian Studies conference “Russia and Canada: the Arctic giants”, held on April 5-6, 2019 at the School of International Relations of St. Petersburg State University. It is noted that the conference showed an increase in interest in the Arctic issues both among politicians and academics.

Keywords: Russia, Canada, Arctic, Russian-Canadian relations, international scientific conference.

For citation: Akimov Y.G., Minkova K.V. Seventh Canadian Studies Conference at St Petersburg State University. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2019; 49(8):00-00. DOI: 10.31857/S032120680005971-2.

5–6 апреля в Санкт-Петербургском государственном университете с большим успехом прошли ставшие уже традиционными Канадские чтения. Они были организованы факультетом международных отношений, который в эти дни отмечал своё 25-летие, при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и строительной компании ООО «Росстрой».

Седьмые по счёту чтения было решено посвятить арктическому измерению российской и канадской политики, поэтому они получили заголовок: «Россия и Канада: арктические гиганты». Выбор такой темы был очень удачным. Сейчас, когда российско-канадские отношения переживают не лучшие времена, Арктика и Север остаются практически единственными точками соприкосновения двух стран, где они просто «обречены» на сотрудничество и взаимодействие. Поэтому не удивительно, что конференция вызвала огромный интерес у российских и канадских политиков, формирующих арктическую повестку двух держав. Инициативу её проведения активно поддержали высшие чиновники Министерства иностранных дел Канады, а также Посольство Российской Федерации в Канаде и лично А.Н. Дарчиев. Ключевым спикером на конференции стала Элисон Леклер – генеральный директор МИД Канады, старшее должностное лицо в Арктическом совете. Среди других дипломатов, посетивших мероприятие, – советник-посланник посольства РФ в Канаде В.А. Проскураков и первый секретарь Посольства Канады в России Бруно Нордесте.

В своих выступлениях и Э.Леклер, и В.А. Проскураков, огласивший послание заместителя министра иностранных дел Российской Федерации С.А. Рябкова, выразили большую заинтересованность в продолжении и развитии российско-канадского сотрудничества не только в Арктике, но и по другим направлениям. Их поддержал член Совета директоров Канадской бизнес-ассоциации в России и Евразии Нейтан Хант – традиционный участник конференций по канадской тематике в России.

Академическое сообщество Канады на конференции представляли профессор Стефан Руссель (Национальная школа государственного управления, Монреаль), профессор Грег Пёльцер (университет Саскачевана), Ким Павлив, выступавшая не только от своего имени, ни и от имени своих коллег из Университета Лавала Фредерика Лассера и Этьена Бертольда, а также профессор Давид Сен-Пьер (выступающий в качестве эксперта правительства провинции Квебек).

С российской стороны в конференции приняли участие сотрудники Института США и Канады РАН (Т.Р. Кузьмина, Д.Д. Максимова), МГИМО(У) МИД РФ (Л.С. Воронков, О.А. Подберёзкина), Российского совета по международным делам (Н.С. Вяхирева), Российского государственного гуманитарного университета (Е.В. Исаева), Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (А.М. Воротников), Санкт-Петербургского государственного университета (Ю.Г. Акимов, С.Л. Ткаченко, А.И. Кубышкин, Н.К. Харлампьева, Н.Ю. Маркушина, К.В. Минкова, Г.О. Ярыгин, Ю.К. Богуславская, А.А.

Алимов и др.), Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов (Н.В. Трифонова, А.А. Парень, М.С. Власова, А.А. Конарева и др.). Большой интерес конференция вызвала у канадологов из российских регионов: на Чтения съехались докладчики из Брянска (А.В. Федин), Волгограда (И.А. Соков), Казани (В.Г. Холоднов), Новосибирска (С.Г. Проскурин), Саратова (А.Н. Учаев), Тамбова (Н.Ю. Жуковская), Челябинска (И.М. Нохрин), Якутска (М.Б. Башкиров).

Тематика представленных на конференции докладов оказалась весьма обширной. Несмотря на то что Арктика не относится к темам, популярным у российских канадологов, оказалось, что практически любой сюжет по канадской тематике – политический, исторический, экономический, социокультурный – имеет арктическое измерение. Так, участники конференции с интересом заслушали доклады о проблемах судоходства в арктических водах Канады и России, военном соперничестве двух стран в Арктике, правовом статусе Арктики, парадипломатии северных районов, экономическом развитии арктических районов Канады, экологических проблемах в российской и канадской Арктике, арктических мотивах в культуре, искусстве и литературе Канады.

Следует особо отметить, что на Седьмых канадских чтениях чрезвычайно широко были представлены начинающие исследователи. Параллельно работали три молодёжные секции, на которых в общей сложности было заслушано более 30 докладов! При этом наряду с учащимися из СПбГУ выступали студенты, магистранты и аспиранты из Брянска, Москвы, Челябинска, а также канадские студенты из Лавальского университета. Тематика их выступлений также была очень разнообразной – от исторических исследований до презентаций различных аспектах культуры Квебека.

В выступлениях докладчиков, в ходе дискуссий на заседаниях и неформального общения в кулуарах конференции постоянно подчёркивалось, что иной альтернативы, чем поиск путей для налаживания взаимовыгодного сотрудничества у России и Канады нет. И это, безусловно, самый главный положительный результат Седьмых канадских чтений.

Информация об авторах / Information about the Authors

Акимов Юрий Германович, доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета.

Российская Федерация, Санкт-Петербург, 199034, Университетская набережная, д. 7-9.

Минкова Кристина Владимировна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета. Российская Федерация, Санкт-Петербург, Российская Федерация, Санкт-Петербург, 199034, Университетская набережная, д. 7-9.

Yury G. Akimov, Doc. Sci. (History), Full Professor at the Department of American Studies, Saint-Petersburg State University. 7-9 Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation.

Kristina V. Minkova, Cand. Sci. (History), Senior Lecturer at the Department of American Studies, Saint-Petersburg State University. 7-9 Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation.

Александра Семёновна Терентьева (2 сентября 1937 г. – 11 июля 2019 г.)

11 июля 2019 г. ушла из жизни Александра Семёновна Терентьева – старший научный сотрудник Института США и Канады РАН, учёный-американист, специалист в области американского и российского животноводства, кандидат биологических наук.

Вся жизнь Александры Семёновны была связана с научными исследованиями сельскохозяйственных проблем, прежде всего, в области экономики животноводства. Закончив с отличием в 1959 г. Московскую ветеринарную академию, а затем аспирантуру, А.С. Терентьева успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук. С 1964 по 1970 г. Александра Семёновна – младший научный сотрудник НИИ животноводства, а с 1970 по

1993 г. – старший и ведущий научный сотрудник, заведующая сектором в НИИ информации и технико-экономических исследований по сельскому хозяйству.

Последние 22 года, с 1997 г., научная деятельность Александры Семёновны прошла в Институте США и Канады РАН, где она, будучи старшим научным сотрудником, занималась исследованиями экономики животноводства сельского хозяйства США. Ей принадлежат многочисленные главы в коллективных монографиях, статьи в ведущих научных журналах по данной тематике, неизменно получавшие высокую оценку специалистов и практических работников. Её аналитические материалы всегда были востребованы в Министерстве сельского хозяйства РФ и других государственных органах нашей страны.

Александра Семёновна Терентьева работала творчески, увлечённо, зажигая своим энтузиазмом других. Своими научными трудами, компетентностью и ответственностью она заслужила авторитет и уважение своих коллег по Институту и экспертов в других ведомствах.

Человеческие качества Александры Семёновны высоко ценились сотрудниками ИСКРАН. Добрая, отзывчивая, с тонким чувством юмора, она была ответственным сотрудником и надёжным другом.

Коллектив Института США и Канады выражает глубокое соболезнование родным и близким Александры Семёновны Терентьевой. Память о ней сохранится у всех, кто её знал.

Коллектив ИСКРАН

Информация для авторов

Редакция принимает материалы, соответствующие тематическому профилю журнала, отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Рукопись должна представлять результаты оригинального авторского исследования, изложенные в научном стиле. Объём принимаемых к рассмотрению статей до 45 тыс. знаков, рецензий – до 15 тыс. знаков.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (200–250 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, учёное звание, должность и полное название места работы, адрес организации с индексом, e-mail). При этом аннотация представляет собой резюме, подробный пересказ содержания и выводов статьи. В аннотации следует избегать использования словосочетаний вроде «в статье рассматривается», «автор считает» и пр. Под ключевыми словами подразумеваются наиболее часто упоминающиеся в работе понятия и термины.

Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на академическом английском языке. *Бумажная версия* печатается на одной стороне листа (шрифт *Arial*, кегль 12, интервал полуторный, поля слева и справа по 3 см). Автор индексирует свою статью по Универсальной десятичной классификации (УДК). Обязательно наличие у автора цифрового идентификатора ORCID. Его можно оформить на сайте <http://orcid.org/>.

Электронная версия представляется в форматах *doc*, *docx* или *rtf*. Текст статьи и вся сопровождающая информация представляется в одном файле в следующем порядке: название статьи (русс., англ.), аннотация (русс., англ.), ключевые слова (русс., англ.), полная информация об авторе (русс., англ.), текст статьи, библиографический список.

Отсутствие библиографического списка может стать причиной отказа в регистрации статьи. Материалы для рубрик "Размышляя над прочитанным" и "Книжная полка" могут не содержать библиографический список. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте.

Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещённом после текста статьи. В список включаются ссылки на статьи из научных периодических изданий и монографии. Этот список состоит из двух частей: на русском и английском языках ("Список литературы" и "References" соответственно). Англоязычная часть содержит перевод и транслитерацию названий русскоязычных источников на английский язык (см. сайт: <http://translit.net/>). Транслитерация производится по системе Библиотеки Конгресса США (ALA-LC).

Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат фамилию

автора (авторов), год издания, номера цитируемых страниц; допускается частичная замена длинных заглавий многоточием.

1. При описании книг указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, год издания, название (*курсивом*), город издания, издательство, количество страниц.

2. Если книга написана коллективом авторов, на первое место выносится её название, после года издания в круглых скобках указывается редактор, редактор-составитель и т.п.

3. При описании переводной книги следует указать сначала ссылку на оригинальное издание, а затем – на издание русского перевода (если русское издание не является оригинальным составным сборником трудов иностранного автора).

4. Ссылки на информационные, официальные и прочие источники, в том числе на интернет-ресурсы, не являющиеся научно-аналитическими материалами (законы, материалы слушаний, выступления и обращения официальных лиц, статистические источники, материалы прессы), следует приводить в разделе "Источники", который размещается после текста статьи перед списком литературы. Ссылки в этом разделе нумеруются, отсылки к ним в тексте имеют вид номера публикации в квадратных скобках.

5. Публикации в разделах "Источники" и "Список литературы/References" приводятся в алфавитном порядке.

Примеры отсылок в тексте статьи: [1] – на публикацию в разделе "Источники", [Иванов И.И. 2001: 25] – на публикацию в разделе "Список литературы".

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Данные, заимствованные из другого источника, сопровождаются библиографической ссылкой. Весь графический материал принимается только в редактируемом виде (не картинками!).

Все присланные в Редакцию материалы отдаются на рецензирование.

Плата за публикацию не взимается.

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала и на сайте <http://www.iskran.ru/journal.php>.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Все статьи журнала размещаются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С декабря 2015 г. журнал входит в базу *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*.